

Вадим Бондаренко

ЦИВІЛІЗАЦІЯ 2.0

ФОРПОСТ

Книга 2

Каменный век... Мы привыкли свысока смотреть на людей, живших в это тяжёлое и жестокое время. Привыкли считать себя вершиной эволюции, единственным видом на Земле, заслуживающим право гордо называться "человек разумный".

А что случится с цивилизацией, если история пойдет по другому пути, и кроманьонцы не смогут выйти из Африки на просторы Европы и Азии?

Первый на планете город — Лантирск — создан. Но спокойная жизнь для Дима заканчивается. С запада надвигается новая угроза, которая может уничтожить все, чего достигло племя Солнца...

Глава 1. Род Выдры

Кости веков перемолоты солнцем.

Каплей ушла мощь империй в песок.

Новая кровь свежей требует крови.

Мир измениться не смог.

Крепким щитом мы стоим, как и прежде.

Запад бьет в грудь, в спину ранит Восток.

Лишь имена время нам изменило.

Мы — тот же дикий поток.

Группа "Ария", "Через все времена"

... Тяжело уходить, когда не знаешь, сможешь ли вернуться. Но иногда судьба не оставляет другого выбора, решив все за людей.

Род Выдры не уходил — он бежал. Бросив все девять стоянок, раскинувшихся на левом берегу от устья Великой Реки далеко на юге до скалистого острова на севере, потеряв десятки родичей, неандертальцы больше не верили в победу. Слишком много врагов вторглись на их берег, и пришельцы сразу дали понять, что соседи им не нужны.

Два стойбища у моря сожгли в первые же часы, с полным безразличием — так люди не заботятся о судьбе мимоходом разрушенного ударом ноги муравейника. Попытавшихся оказать сопротивление убили, остальных разогнали по степи, особо не преследуя. Выжившие неандертальцы попытались найти приют и помощь в стоянках выше по течению, но их надежды быстро развеялись — орда черных воинов шла вдоль берега, методично уничтожая все встреченные по дороге поселения. За ними двигались сотни переселенцев, сразу занимающих удобные места.

Люди обратились к своей Говорящей с огнем, прося о помощи. Но духи Предков не слышали старую женщину, безучастно сидя в Первой Пещере. Они берегли крохи силы, цепляясь за доставшееся им подобие вечной жизни...

Надежда на силу могущественных существ растаяла, но ещё оставалась надежда на силы земные. К пятой стоянке, расположенной на возвышенности, подходили семьи с верховий, сюда же стягивались беженцы со всей округи. На четвертые сутки они попытались остановить кроманьонцев. Огромная, по местным меркам, толпа охотников — больше сотни человек, вооруженных острыми копьями и дубинами, заступила дорогу чернокожим захватчикам. Подбадривая себя громкими криками, они ждали появления врагов. И дождались — чужие воины появлялись из-за холмов, собираясь в низине напротив. Первая сотня, вторая, пятая... Крики неандертальцев стали тише, а затем и умолкли вовсе. ТАКОГО врага им не победить...

Это поняли и собравшиеся за их спинами. Ника потеряла часть авторитета, но ее слова все ещё были законом для рода, энноем она быть не перестала. И приняла единственное правильное решение — отступить. Все, кто мог бежать, уходили в степь, за ними шли и охотники, оставив только первый ряд мужчин отвлекать внимание все ещё накапливающейся орды негров — род Выдры заплатил за свое существование их жизнями.

Нику несли четверо, привязав ее веревками к жестким носилкам, изготовленным на скорую руку из нескольких жердей. О комфорте сейчас никто не заботился, главное уйти как можно дальше. Их преследовали три дня, отогнав на сотню километров к востоку, затем

кроманьонцы развернулись назад, возвращаясь на захваченную территорию.

И вот теперь, оказавшись вдали от родных мест, отрезанные от реки, сотни лет исправно их кормившей, неандертальцы остановились. Они не знали, как поступить дальше. Привычной добычи не было — в попытках убить бизонов потеряли двоих охотников, не успевших увернуться от разъярённых быков. Крупное стадо этих животных паслось совсем рядом, но становиться пищей они совсем не желали.

Под утро не спавшие толком несколько суток часовые задремали, и на них напала большая стая гиен. Пока просыпались другие мужчины, больше десятка пятнистых убийц пробрались внутрь беззащитного лагеря и успели загрызть женщину и троих детей. Плохо знакомые с повадками степных животных, беженцы допустили серьёзную ошибку, став на ночёвку прямо под носом у хищников.

Люди гибли, над ними замаячил призрак голодной смерти, и тогда старая Говорящая с огнем решила обратиться к единственному человеку в округе, кто мог помочь. Он появился совсем недавно, но за короткое время сумел объединить все семьи и рода людей, живущих по эту сторону Великой Реки. Теперь все эти люди жили в одном единственном месте, давая молодому энною огромную силу. С ним не смогли справиться даже древние призраки, обитающие в Первой Пещере тысячи лет, которых и увидеть то мог не каждый Говорящий.

В эту ночь не спал никто. Днём всё, кто не искал пищу, собирали сухую траву, и теперь вокруг горели десятки костров. Едва державшихся на ногах от усталости мужчины настороженно вглядывались в темноту, ожидая новых нападений. А внутри лагеря Ника, мертвенно — бледная от новой потери крови, замерла у огня.

Сначала она просто пыталась докричаться до этого парня во сне, но его сознание было наглухо закрыто. И ей пришлось идти до конца.

В Первой Пещере энная не было, только "эхо" неподвижно застыло у Очага. Но были те, кто его поддерживал, и они не только выслушали ее, но и смогли позвать самого Дима...

Все это мне рассказывал Ленг, младший сын Ники. Говорящая с огнем рода Выдры потратила намного больше сил, чем могло дать старое тело. Женщина успела передать остальным главное — не останавливаться, идти вдоль края лесного массива на восток Там их будет ждать новый энной, новый дом и новые родичи.

— И вы все поверили ее словам?

— А что нам оставалось делать, Дим?.. Двое самых старых мужчин попытались пройти в Первую Пещеру, род, потерявший связь с Предками — слабый род. Мой брат умер сразу, хоть его волосы уже и стали белыми. Второй охотник тоже прожил недолго, он сначала перестал двигаться, а затем и что-либо понимать...

Сердце Ники перестало биться под утро. Ее похоронили вместе с остальными погибшими, совместными усилиями вырыв глубокую братскую могилу, чтобы до них не добрались хищники.

Ленг, несмотря на молодость, сумел удержать власть. Он был очень поздним ребенком, и родился когда у брата давно уже была своя семья. Ника готовила его на свое место, по одной только ей видимым признакам определив в парне способности стать энным.

Люди рода Выдры, понеся новые потери, были подавлены. Они больше не думали о том, кто главный — мужчины, женщины и дети просто хотели выжить. И безропотно отправились к далёкому ГОРОДУ, все дальше уходя от родных мест.

— Как вы прожили эту неделю?

Рослый светловолосый парень, шагавший рядом со мной, не понял значение слова,

пришлось объяснять, что так мы зовём каждые пять — одну руку, дней.

— Нас спасла встреченная по дороге мелкая река. Мы неважные охотники, но никто не сможет сказать, что род Выдры не умеет ловить рыбу.

— Вы били ее копьями?

— Нет, что ты, она не настолько крупная... Мы сплели длинные ограды из гибких прутьев, перегородили реку и затем загоняли мелочь в ловушки по краям. Конечно, уловы были намного меньше, чем на старом месте, но накормить людей хватило.

Получив плохие вести от Ники, я не стал паниковать раньше времени. От устья Днепра расположенного в этом времени на сотню километров южнее, чем в будущем до Лантирска очень далеко. Кроманьонцы, конечно отогнали конкурентов, но дальше в степи они не пойдут — им нужно обжиться на захваченной территории. Побережье для этого отлично подходило, у них не было Дима и цели оказаться ближе к источникам руды и топлива, а простой добычи хватит и там. Так что первых гостей мне стоит опасаться позже, через пять, а то и десять лет, когда чернокожим пришельцам станет тесно. Пока же достаточно будет следить за западной границей ближайших окрестностей, и — начинать готовить им теплый прием.

Собираясь идти навстречу Ленгу, я отобрал полсотни хорошо вооруженных мужчин. Тогда мне ещё было неизвестно, как далеко зайдут преследователи, и сильный отряд мог если и не остановить, то существенно их замедлить, давая возможность беженцам добраться до города и укрыться за стенами. То, что Ника умерла, я понял сразу — яркий огонек ее сознания, сменивший цвет на светло-зеленый, угас, оставив после себя только нейтральные белые искорки костров. Впрочем, на роль ориентира для моего отряда они годились ничуть не хуже, и наутро, захватив с собой несколько телег с запасом копченого мяса и рыбы, мы отправились на запад.

Мои люди, привыкшие к походной жизни шли быстро, не отвлекаясь на привалы и охоту, и успели преодолеть вдвое большее расстояние, встретив род Выдры у большого скопления скал и камней среди ровной как стол степи.

Это место я узнал, хоть и выглядело оно чуть иначе, чем в будущем. Ленг остановился у Каменной могилы, в это время являющейся островом посреди мелкой реки Молочная. В двадцать первом веке здесь будет заповедная зона, сюда возили на экскурсии отдыхающих на пляжах Кирилловки туристов. Десятки древних гротов и пещер, образованных ещё во времена Сарматского моря, хранили уникальные петроглифы и рисунки времён позднего палеолита. Я и сейчас не удержался и обследовал часть этого лабиринта, но глыбы песчаника были ещё нетронуты рукой человека. Гиды в музее говорили о возрасте в двадцать тысяч лет — значит, художники, рисовавшие все эти знаки, родятся ещё очень не скоро, а может и не родятся вовсе...

Нас встретили с радостью — этому способствовали как еда, привезённая отрядом с собой, так и то, что мы худо-бедно понимали наречие этих людей. Днепровские неандертальцы говорили на слегка изменённом крымском наречии, а его хорошо знали многие мои соратники.

Вид железного оружия, чешуйчатых доспехов у моих телохранителей, четкое и слаженное выполнение команд в отряде произвело не меньшее впечатление. Сейчас вокруг нас собралось больше двухсот человек, и все они внимательно слушали наш разговор

— Ленг, ты уверен что черные люди не пошли за вами?

— Мы не видели никого за эти дни. Если бы они хотели нас убить, то легко бы сделали

это.

— Хорошо. Ника успела тебе рассказать о нашем договоре?

— Да... Не знаю, согласились бы люди на такое раньше, но сейчас весь род Выдры, до последнего человека клянётся тебе в верности. Я, как глава рода выполню любой твой приказ, энной Дим!

— Я проверю это позже, Ленг, когда вы обживетесь на новом месте и познакомитесь с нашими обычаями. А пока — вы становитесь частью племени Солнца. И нам всем придется надолго забыть об отдыхе. Только так мы сможем стать настолько сильнее, что вернёмся на берега Великой Реки и заставим черных людей уйти!

Парень согласно склонил голову. Сейчас он согласился бы и на гораздо худшие условия.

— Люди Великой Реки, вы все слышали слова энной! Кто не согласен, может оставаться здесь, остальные собираются и идут вслед за воинами Дима. Я отвечаю за вас перед ним, и любой, кто с этого момента скажет или сделает что-то против жителей Лантирска, будет убит. Все, собирайте вещи, мы выступаем!

Ленг, закончив речь, первым поднял с земли копьё и забросил за спину тощий мешок. К нему подбежала молодая девчонка, с годовалым ребенком на руках.

Желающих остаться не оказалось...

Когда через семь дней мы добрались до города, передо мной встало сразу несколько проблем:

Первая — обеспечить жильем двести сорок два человека. Это при том, что и так в каждом доме было от шестнадцати до двадцати неандертальцев, а все "старые люди" по прежнему жили в юртах. Выход только один — не останавливать строительство второй улицы. Двадцать новых домов если и не решат проблему полностью, то намного уменьшат ее остроту.

Вторая — прокормить такое количество людей. Мы только наращивали количество животных, те же свиньи начнут размножаться только через два года. Зерна стало чуть больше и оно по прежнему предназначалось для посадки. Л'тоа были мастерами по поиску съедобных растений, грибов и ягод, и собирали их в огромных количествах, но остальные все же предпочитали пищу посущественнее. Сейчас выручала рыба, с появлением сетей и лодок ежедневные уловы доходили до двухсот килограмм и даже больше, но это предел для Аркаима — иначе мы рискуем подорвать рыбные запасы рядом с городом, и остаться без надежного источника пищи... Охотники почти каждый день приносили тушку, а то и две кабанчиков, реже им удавалось добыть бизона, но в степь ходили пока редко.

Решить эту проблему можно было строительством постоянного лагеря охотников на краю степи, в пяти километрах южнее Лантирска. Под их охраной другие люди будут заготавливать траву и сено для животных. Кроме того, там же я хотел построить наблюдательную вышку около двадцати метров высотой. Вряд ли большой отряд врагов пойдет через лес, скорее они выберут более удобную степь. А с такой высоты мои люди смогут обозревать окрестности на пятнадцать, а если подобрать место повыше — то и на все двадцать километров вокруг.

Третьей задачей стало оружие. Нет, с топорами, копьями и дубинами проблем не было, но это все оружие ближнего боя. Дротики копьёметалок чуть лучше, но они эффективны на дистанции не больше тридцати метров, а лучше ещё ближе.

Пришло время заняться изготовлением луков и, особенно, арбалетов. В мирное время они облегчат жизнь охотникам, которые смогут издали убивать хоть птицу, хоть крупных

животных, в военное — позволят безопасно уничтожить любого врага находясь под надёжной защитой стен. Когда технология изготовления станет массовой, сотня таких стрелков, под прикрытием пехоты, защищенной доспехами и щитами, легко отбросит на порядок большее войско кроманьонцев.

К сожалению, тис в этой местности не рос, за все время странствий я его ни разу не встретил. Но его с успехом можно заменить вполне обычными дубом, ясенем или вязом. Из чистого дерева хороший лук не создать, поэтому мне снова нужны будут туры и бизоны...

Именно они обеспечат оружие невиданную ещё в этом времени убойную силу. Я собирался делать клеёный, композитный лук — тщательно вырезав плечи, усилить их снаружи жилами, а изнутри — роговыми накладками. В купе с острейшими железными наконечниками стрел и болтов это станет моим козырем на долгие годы.

Последней, четвертой задачей, станет расширение и укрепление безопасного пространства. Население Лантирска увеличилось до шестисот восьмидесяти пяти человек, и им становилось тесно в пределах огороженной территории.

Новую стену мы начнем строить в километре от центра города, перекрывая участок между Аркаимом на севере и его притоком на юго-западе. С других сторон вода даст временную защиту, мосты и брод можно легко контролировать даже небольшим отрядом, а вздумавшим переплыть не слишком-то и широкие водные преграды станут отличной мишенью для дротиков. Леса вдоль берегов скоро не останется вовсе, его активно вырубывали. Деревья служили главным строительным материалом, дровами для приготовления пищи и отопления жилищ, их пережигали на древесный уголь, вытапливали деготь. Экологи будущего ужаснулись бы, увидев такое отношение к природе...

Июль заканчивался, нужно было спешить. Все семьдесят пять оставшихся в живых мужчин рода Выдры отправились ломать камень и копать глину, их жены в это время формировали кирпичи, саман и черепицу. В течении недели собрали ещё три десятка юрт, но ставить их пришлось за оградой. Пока тянулось положенное время карантина, мы занялись охотой, подкарауливая быков у водопоя и успевая слитным броском полсотни копий убить на месте одного или двух. Несколько человек разделявали тушу, грузили ее на телегу и тащили к воротам, а мы перемещались на новое место, поджидая следующее стадо. За это время убили троих саблезубых кошек, одного старого самца и двух молодых самок, облюбовавших эти места. Звери слегка задели когтями двоих охотников, раны обработали самогоном и зашили, они теперь отлеживались у городских стен.

С тех пор, как мы уничтожили две стаи, отбирая волчат, остальные волки стали нас бояться, и обходили Лантирск стороной, но здесь в степи с ними сталкивались чаще. Особых проблем это не доставляло — достаточно было убить пару-тройку хищников, как остальные разбегались. Летний волчий мех хуже зимнего, но и ему найдется применение.

Взятые с собой на охоту "домашние" волки бросались на своих диких сородичей ничуть не хуже овчарок, не признавая их ровней. Чтобы не терять зверей, мы старались этого не допускать, но трое "собак" получили серьезные травмы, а одна и вовсе волочила задние ноги, ее пришлось добить...

За это время я присмотрел хорошую основу для дозорной башни. На краю леса среди меньших собратьев возвышался огромный дуб, высотой явно больше двадцати метров. То, что надо!

Его ствол заключим в коробку из тонких бревен, сделаем удобные лестницы, спилим все мешающие ветви, а над кроной будет удобная площадка для наблюдателя. Чтобы не

отвлекать взрослых мужчин, этим займутся подростки. Место мне понравилось, вокруг дуба останется выстроить частокол, поставить несколько юрт, и охотничий лагерь будет готов.

— Мы больше не можем переносить выгребные ямы. Свободного места не осталось!

— Лтар, пока выройте по одной за каждым воротами. Через две недели эта проблема исчезнет.

Глава рода Куниц был прав — с завершением карантина ситуация с туалетами, пищевыми отбросами сильно ухудшилась. Почти семь сотен людей за сутки производили огромное количество отходов, и Лантирск вскоре грозил превратиться в классический город мрачного Средневековья из будущего — утопающий в грязи и нечистотах. Кроме того, это грозило вспышками инфекций, чего допускать никак нельзя.

С другой стороны, эти отходы — не меньшее богатство, чем руда, просто их ценность никто не понимает. Кроме меня...

— Ленг, Рауг, Пратт! Пойдем прогуляемся за реку!

— Далеко? Тогда нужно взять ещё людей.

— Нет, хватит нам Утара с Туром.

Главы трёх родов, прихватив оружие, пошли за мной. Не знаю, насколько сейчас просядет мой авторитет, но если эти мужики не поймут, даже не знаю, как буду объяснять новую затею остальным.

Мы пересекли восточный мост, и отошли в лес на километр, здесь местность подымалась, и во время разливов Аркаим ее не заливал. Я кольшками и веревкой отмечаю границы большой вытянутой ямы, двадцать метров длинной и пять шириной.

— Ленг, завтра сюда приведешь всех своих мужчин, заготовка глины и камня временно прекращается. По периметру вкопаете два ряда бревен в два человеческих роста высотой, и укрепите их распорками. Сверху будет двухскатная кровля, ее сделают люди Пратта. Затем копаете яму в три метра глубиной, это вот столько — я вручаю ему отрезок веревки нужной длины. Землю отбрасывайте по краям, сделаете вокруг вал, заодно бревна укрепите.

— Много работы, Дим.

— Это ещё не всё. Дно и стены ямы нужно обмазать глиняным раствором.

— Для чего все это?

Рауг, внимательно слушающий постановку задачи, в растерянности. Работы в городе полно, а я срываю людей для непонятной затеи.

— Это место даст племени Солнца новое оружие, Рауг. Несколько твоих охотников тоже придут сюда и будут охранять рабочих.

— Как яма может дать оружие?..

— Не сама яма. Сюда будут свозить содержимое отхожих мест.

На это стоит посмотреть... На меня смотрят раскрыв рты, и не могут решить — Дим шутит или сошел с ума. Наконец, Рауг не выдерживает

— Дим, ты уверен? Это оружие будет убивать своим запахом?

— Нет, конечно. Когда через много зим все здесь перегниет, из этой массы можно будет извлечь белую, как снег землю. Мне понадобятся ещё уголь и сера, и тогда я сделаю так, что духи огня будут подчинятся воле охотника и убивать добычу вместо него!

Вот теперь они заинтересовались всерьез. Вон как Рауг вперед подался, его вообще любое оружие интересует

— Уголь у нас есть... Дим, где взять эту "серу"?

— Она очень далеко, за Великой Рекой. Нужно будет идти много дней по горам, и

искать жёлтые камни.

— Ты же принес их из последнего похода?..

— Не золото. Другие, тоже жёлтые, они намного легче. Здесь я их никогда не видел.

Охотники молчат, сейчас берега Великой Реки заняты черными людьми. И они вряд ли просто так пропустят нас на другой берег...

— Рауг, духи огня опасны, даже для энноя. До зимы я сделаю для вас другое оружие, способное убить бизона на большом расстоянии.

— Но ты все равно будешь пытаться их подчинить?

— Да, они будут служить людям. Но ещё очень не скоро. А сейчас наш город просто станет намного чище!

— Дим, возить сюда это будет... неприятно, вот.

— Эта работа будет оплачиваться намного выше обычной. Желаящих будет много.

Сегодня же круг Мастеров получил задание сделать четыре большие деревянные бочки. Они будут установлены на телегах, а те, в свою очередь — под перестроенными туалетами. Каждый день их будут вывозить за реку, в вырытую яму. Сюда же отправятся любые кухонные отбросы, не используемые для варки клея и производства костной муки, а так же излишки древесной золы.

Когда заполнится первая яма — а это больше четырехсот кубических метров, — подготовим следующую. И через несколько лет из каждого куба я получу до пяти килограмм калиевой селитры. Ну и огромный запас удобрений для полей, как бонус.

С этой работой справились довольно быстро, через неделю постройка была готова. Впервые в телеги запрягли лошадей. Те хоть и попытались освободиться, но видя бесполезность этих попыток, смирились со своей участью. Животным уже было больше года, за это время они существенно подросли, и уже могли тянуть довольно большой груз. Ещё бы дорогу нормальную проложить, было бы вообще прекрасно...

Основная часть рабочих вернулась в город, но десяток лесорубов я задержал и передал в подчинение Раугу, их задача построить охотничий лагерь и дозорную вышку. Процесс строительства придется периодически контролировать лично, настолько высоких сооружений люди в этом времени ещё не строили.

Все остальное свободное время посвятил изготовлению первого лука и арбалета. Сейчас оченьгодились знания, почерпнутые из съездов ролевиков и реконструкторов — в прошлой жизни, будучи студентом, я был активным участником этой компании умелых и увлечённых людей.

Отобранные сухие бревна — без сучков, трещин и других изъянов, — лесорубы раскалывали на части, их середина удалялась. Дальше работал уже я, пятеро мастеров Круга только наблюдали. Внешнюю часть аккуратно разделил на заготовки, и, выбрав две из них, полтора метра и поменьше, долго обтесывал, добиваясь плавного уменьшения толщины плеч к краям.

Запас рогов животных был достаточный, из них нарезал узкие пластины нужной ширины. Затем, сделав глубокие борозды и на них, и на древесине, приклеил их костным клеем к внутренней стороне плеч. Несколько дней клей сох, за это время я подготовил длинные пучки жил, часть из них пошла на изготовление тетивы для арбалета.

Теперь настала очередь внешней стороны плеч. Я немного выгнул их в обратную сторону, и стянул веревкой. Затем приклеил первый, самый короткий пучок волокон, вдоль рукояти. Дождался пока клей подсох, стянул сильнее, и наложил следующий слой, с

перехлестом концов жил. И так несколько раз, пока края плеч почти сомкнулись. В результате у меня получился готовый ростовой лук, и заготовка дуг для арбалета — меньше в длину, но более жёсткая.

Для лука тетиву я изготовил из последнего творения Лессы, скрутив пять тонких нитей в одну сторону, а весь комплект — в другую, и тщательно смазал воском. Им же натер все деревянные и клееные детали.

С арбалетом провозился намного дольше — если ложе выстрогать было не настолько сложной задачей, то сделать спусковой механизм стало настоящим испытанием для моих рук и нервов. Только с пятой попытки я подобрал правильный профиль удерживающего тетиву замка, и ещё долго пробовал различные сочетания его размеров и длинны спускового рычага.

Древки первых стрел и болтов пришлось делать вручную, тщательно проверяя их кривизну. Наконечники мне отковали специально, и я их тщательно заточил. Материалов для оперения тоже хватало, после прошлогодней осенней охоты на гусей и уток этого добра скопилось несколько мешков.

Часть пуха и мягкого пера уже начали использовать для подушек, а жёсткие маховые перья лежали невостребованными.

Всего сделал по три штуки каждого вида боеприпасов, для демонстрации возможностей нового оружия этого достаточно.

Показательные стрельбы провели в естественных условиях, выбравшись в степь. Ещё в Лантирске я замерил нагрузку, необходимую для натяжения тетивы — для лука она составила тридцать пять килограмм, а для арбалета — все восемьдесят. Поэтому и цели выбрал соответствующие.

К небольшому стаду оленей мы подобрались на полсотни метров. Ближе эти животные людей не подпускали, справедливо опасаясь бросков копий. Но в этот раз они ошиблись...

Я уже стрелял несколько раз раньше, проверяя оружие, и стрела уверенно летела и за сотню метров. Но практического опыта, чтобы уверенно рассчитать такую траекторию, мне не хватало, вот и выбрал минимальное расстояние. Стрела попала чуть ниже лопатки, но и этого хватило — молодой самец с небольшими рогами сделал длинный прыжок, зашатался и упал в траву. Остальные животные сбились в кучу, не видя явной опасности, но когда мы двинулись к добыче, пустились наутёк.

Аккуратно вырезав стрелу, я вручил оружие близнецам, и хлопнул Рауга по плечу — А для самых сильных охотников я сделал вот это чудо!

Арбалет не подвёл. Взводить его было тяжело, крюк на поясе и стремя для упора ногой помогали, но в будущем обязательно сделаю натяжной механизм. Впрочем, Рауг, поняв, что я делаю, играючи справился с этой задачей. Положив короткий болт на ложе и накинув на толстую тетиву скобу предохранителя, мы пошли к стаду бизонов, мирно пасущихся в километре от нас. Быки свободно подпустили нас на сотню метров, и я стал тщательно целиться. Короткий щелчок — мимо... Болт улетел далеко в степь, но животные не обратили на него внимание. Рауг быстро заряжает оружие, и мы повторяем попытку. Расстояние большое, вес болта тоже — теперь я немного приподнял его, беря упреждение по высоте. На этот раз попал идеально, болт глубоко ушел в грудную клетку бизона. Зверь протяжно ревёт, стадо срывается с места, но раненый за ними не поспекает. Пробежав пару сотен метров, он падает.

Охотники довольны. Рауг похож на кота, объевшегося сметаны — чувствую, что арбалет

мне не вернут. Напоминаю ему, что эти образцы нужно отдать Кругу мастеров.

Какое там! Арбалет переходит к Геру, затем дальше, люди не хотят выпускать его из рук. Парни помоложе с не меньшим энтузиазмом рассматривают лук. "Слабые люди", которых так презирал Варг, неожиданно стали самыми опасными существами этого мира...

В середине августа заложили фундаменты и каркасы всех двадцати домов и стали выкладывать стены. Новый штукофен восстановили далеко за стеной, почти у берега реки. Теперь учли предыдущие ошибки — увеличили толщину и качество кладки, добавили чугунные дверцы, с глиняной футировкой, через них можно будет доставать крицы каждый день, не разрушая часть стенки.

Ленг постепенно входил в мой ближний круг, я это видел не только по его словам и поступкам — от его сознания, как и от большинства женщин и детей рода Выдры, ко мне протянулись ярко-зелёные паутинки доверия. Слегка улучшилось отношение ко мне и остальных мужчин, тут процесс шел медленнее. Они и так достойно держались — бесконечная стройка забирала все силы, и, наскоро перекусив вечером, рабочие проваливались в сон до утра. Но быстро растущие дома, защищённые высокой стеной, обильная и разнообразная пища, огромное количество новых вещей и людей вокруг вновь вселили в них уверенность в завтрашнем дне.

— Ленг, черные люди пришли неожиданно?

— Нет, Дим. Они давно жили на противоположном берегу. Ещё когда Ника была невестой, там уже были десятки их стоянок

— И вы не пробовали с ними общаться?

— Пробовали, но безуспешно. Они не понимали наш язык, и не разрешали подвести плот к их берегу, угрожая копьями. Но сами раньше нас не трогали. Мы привыкли так жить, и не считали их врагами.

— А они сами к вам заглядывали?

— Нет. Иногда их плоты проплывали по реке с верховий, но на наш берег не заходили.

Странно это... Многочисленный род, исходя из огромной численности взрослых мужчин, зачистивших левый берег, скорее даже союз многих родов. Десятки, если не сотни лет спокойно живущий и расселяющийся все дальше по правому берегу Днепра.

Их же больше тысячи! Но что могло заставить такую массу людей сдвинуться с места?..

— Ленг, вы не замечали ничего странного на том берегу? Может, их прогнали оттуда другие люди?

— Нет, Дим. Их поселения недалеко от воды, на холмах, как и наши. И до этого года они совершенно не изменились, разве что юрт в них стало намного больше.

Больше ничего из парня мне вытянуть не удалось. До ближайших неандертальских родов на западе было очень далеко, две красноватых огонька горели в районе Карпат. Они тут точно не при чем. Значит, это не вынужденные переселенцы, как родичи Ленга сейчас, а ищущие новое жизненное пространство "лишние" люди. И на правом берегу их осталось ещё больше!

Такой расклад мне совсем не понравился. Я считал, что численность кроманьонцев будет намного меньшей, но такая масса людей быстро захватит всю долину Днепра и пойдет дальше, в первую очередь вдоль его притоков.

Мои люди были в состоянии отбиться и от такой орды, с появлением луков и арбалетов мы сделали огромный рывок вперёд. Но остальные неандертальцы, рассеянные мелкими группами по огромным пространствам, этого сделать не смогут.

Род Выдры принес множество новых генетических линий, но этого все равно мало. Меня хотят лишить возможности завершить начатое? Нет, этого я им позволить не мог. Племя Солнца не станет сидеть в Лантирске десять лет, даже если нас не тронут. Как только все мужчины будут полностью вооружены, одеты в доспехи и обучены стрельбе, мы заставим черных людей уйти сначала с нашего берега, а затем и вовсе покинуть эти места!

Новые люди принесли с собой и новые знания.

Если выдолбленная из дерева посуда новинкой для нас не стала, то новые блюда пришлись очень кстати. Так мы узнали о употреблении в пищу корневищ рогоза, днепровские неандертальцы варили их, делали из них муку и запекали на костре. Из них же, высушенных и поджаренных на разогретых камнях, делали напиток, похожий на кофе. Для нас это был уже второй такой суррогат, первый из корней дикого цикория я ввел в обиход ещё пару лет назад.

Вторым рецептом были блюда и напитки из клубней диких орхидей, встречающихся на возвышенностях вдоль рек. Из него готовили нечто среднее между пюре и густым киселем. Вкус специфический, но довольно приятный, такая густота указывала на большое содержание крахмала, а значит, и на высокую пищевую ценность.

У рода Выдры был небольшой опыт одомашнивания гусей — часто, убив взрослых птиц, охотники приносили маленьких птенцов на стоянки, и те привыкали жить рядом с человеком. Чтобы гусята не улетали, им обламывали и подрезали перья на крыльях. К осени эти живые консервы обычно истреблялись полностью — если летом их немного подкармливали ряской и остатками рыбы, то зимой с этим никто возиться не хотел.

Был у них и уникальный способ ловли крупной рыбы, а именно сомов. Несколько человек на плоту подплывали к речной яме. По краям плавсредства становились мужчины, сжимая в руках тонкие зазубренные копья. К этим гарпунам привязывали длинные кожаные ленты, мотки которых лежали под ногами. С бортов опускали связки обжаренных на костре лягушек и мелких птиц. Последний рыбак начинал стучать по воде хитро обточенной деревяшкой, издавая звуки, привлекающие речных гигантов. Сомы поднимались на звук, чуяли запах горелого мяса и перьев, подплывали вплотную — и получали удар копья.

Если он был удачным, оставалось только потянуть за кожаные веревки и втащить добычу на борт.

Использовали и похожие на мои верши плетеные из лозы конструкции, но работали они иначе, огораживая большие участки. Рыба двигалась вдоль преграды и попадала в окружённую забором тесную заводь, где ее и ловили.

А вот с охотой у Выдр дела обстояли плохо. Если кабанов в плавнях они били вполне успешно, то в степь никогда далеко не заходили. В чем тут была причина, я не понял — похоже, когда-то опытные охотники не передали нужные для добычи крупного зверя знания следующим поколениям. А те и не стали самостоятельно их восстанавливать, ограничившись прибрежной полосой.

Отдельно можно упомянуть их дома — каркас из жердей они обкладывали плотно связанными снопами тростника, в несколько слоев, шкуры было мало и они прикрывали только верх постройки, защищая от дождя. Изнутри все это обмазывалось глиной, чтобы защитить легкогорючий материал от костров.

Арика не обманывала, этот род был во многих областях более развит, чем остальные. Два поколения прожили без большинства запретов Предков и страха перед ними, и это наложило на Выдр свой отпечаток — обучались они намного быстрее, чем люди,

приведенные Варгом из Европы.

Но в одной области и их, и нас опередили тихие и незаметные л'тоа. Это я узнал сегодня вечером

— Дим... А ты точно не жил раньше со "старыми людьми"?..

— Нет. С чего ты это взяла?

Эрика краснеет до ушей, но, помявшись, все же отвечает:

— Ну, понимаешь... Их женщины, они уже немного говорят на нашем языке. А мы с девчонками часто собираемся и говорим о вас, мужчинах...

— Ну, это не новость... Могу тебе по секрету сказать, что мужчины, когда собираются, тоже о вас говорят!

Жена смущается ещё больше, но продолжает

— Мы обсуждали, кто из мужчин лучше, когда они с женщиной вдвоем... Я рассказывала подругам о тебе раньше, и они перепробовали все это со своими мужьями. Им понравилось!..

— Мне не жалко. Да и знаю я об этом, сама же слышишь, как Тур с Ирикой иногда шумят...

Тема любви и секса вовсе не была закрытой, но особым разнообразием не отличалась. Некоторые наработки из будущего немного оживили личную жизнь, и быстро распространились среди населения.

— Дим, но такого, как рассказывали М'инг'хо и Т'алла, не умеешь делать даже ты!

— Интересно... Хватит краснеть, пошли, покажешь, что вам рассказали эти "старухи"...

— Да им всего по восемнадцать лет! Дим, прекрати!.. Дим...

Ну что сказать — никакого шока на меня это не произвело. Да и на любого мужчину, хоть раз в жизни смотревшего или читавшего камасутру. В древней Индии написали отличный трактат, посвященный отношениям мужчины и женщины, и он успешно просуществовал полторы тысячи лет. Только в двадцать первом веке мир окончательно свихнулся, придумал сотню новых полов и под лозунги "демократии", "толерантности" и "политкорректности" полетел в пропасть...

Но здесь, в середине палеолита, это действительно было необычно.

Утром я созвал Круг Матерей, попросил Эрику привести женщин-л'тоа и они, еще с трудом подбирая слова, рассказали очень много об искусстве любви ихнего народа. Некоторые женщины смутились, некоторые, наоборот, проявили живейший интерес

— Вы слышали новое знание. Духи Предков когда-то давали такое же и нам, но мы его не сберегли. А л'тоа — сохранили и приумножили. Я, как энной племени Солнца, прошу вас запомнить и распространить это знание среди всех женщин. Вы — хранительницы семейного огня. К вам должны возвращаться мужчины из самых дальних странствий. И получать достойную награду за все испытания.

— Дим... а мужчинам говорить об этом будет Круг Воинов?

— Вот ещё не хватало... Сами справитесь, ночи вам зачем?

Заулыбались, послышались смешки и перешептывания. М'инг'хо или Т'алла, я их ещё не запомнил, тоже смеётся, подруга дёргает ее за рукав.

— Эрика, когда эти девушки достаточно выучат наш язык, запишешь все, что они знают. Позже отдашь Славу, он хорошо рисует, пусть тоже внесёт свой вклад в сохранение знаний.

— Хорошо, Дим!

Круг Матерей расходится, но даром этот разговор не прошел. Прошло совсем немного

времени, и новые техники любви "старых людей" надолго стали одной из самых популярных тем для разговоров и сплетен...

Завершив работу над оружием, я вспомнил о данном Лессе обещании, и снова взялся за пилу и топор. Сделать праобраз настоящего ткацкого станка у меня не получилось, я ограничился изготовлением двух натяжных стоек с грузами, двух крепких дубовых рам размерами два на метр, ровной рейки по ширине полотна, и челнока из хорошо отполированной мамонтовой кости. Одна рама крепилась неподвижно на станине из массивного бруса, вторая закреплялась внутри нее на шарнире, и могла отклоняться на небольшой угол, до упора. Именно ее верхний край и был самым сложным элементом всей конструкции. В него была вклеена доска из вяза, причем волокна древесины располагались перпендикулярно плоскости будущего полотна. В доске были сделаны две сотни глубоких тонких пропилов, через каждые пять миллиметров — сюда будут прятаться нити первой рамы при их сведении. Теперь предстояло самое сложное — просверлить в этой гребенке тончайшие отверстия диаметром не более двух, максимум двух с половиной миллиметров. Я использовал две железные проволоки — одну заостренную, ее разогревал на огне и частично прожигал небольшой слой древесины, а второй с расклепаным под перо и заточенным краем, сверлил.

Эти отверстия делал долгие две недели, очень осторожно, чтобы одним неверным движением не запороть всю работу. С изготовлением верха второй рамы было проще, там были только неглубокие прорезы для направления и разделения нитей. Полностью станок был готов только к концу сентября. За это время я тщательно отшлифовал все выступающие и острые края, чтобы станок не рвал пряжу, а жидкий раствор клея пропитал все части конструкции, придав изделию необычный лакированный вид.

Утром третьего сентября был собран Круг Мастеров, и я начал демонстрацию. Для проверки нового приспособления Лесса с остальными мастерицами отдали весь запас тонкой нити. Часть ее натянули вертикально, по двести рядов на каждой раме, подвесив на стойках грузы. Рамы развели в стороны, и я протянул между ними первую нить. Ее закрепили, рамы свели вновь, и уже челноком протянул вторую. Уплотняю плетение рейкой, и процесс повторяется снова. Женщины, понаблюдав за мной некоторое время, сменили меня у станка, и к полудню первое тканое полотно было готово!

Ткань получилась прочной, с довольно плотным плетением. Ее вполне можно использовать как для шитья одежды, так и для изготовления лёгких сумок и мешков.

Мастеров озадачили созданием таких же станков и строительством отдельного здания под мастерскую, где будут делать ткань и одежду. Такая заявка была далеко не первой, своей очереди ждали кузнецы, гончары, стеклодувы, общественная столовая, оружейники и бронники... Пока же все делалось "на коленке" в жилых домах, что было не удобно из-за плохой освещенности, или в теплое время прямо на улице под временными навесами.

Многие забывали использовать солнцезащитный крем, который я рекомендовал. Грешил этим и Гер, что часто приводило нас к ссорам. Этот гигант был добродушен и отходчив по натуре, и вскоре, вновь намазав кремом руки и лицо, вел себя как ни в чем не бывало. Проходил день, два, неделя — и все повторялось сначала.

Мои рассказы о гневе духов огня, обитающих на Солнце и опасности находиться под его лучами без защиты, сделанной энном, его не испугали. Так тянулось уже давно, но в первых числах сентября Гер подошёл ко мне и попросил помочь избавиться от боли во всем теле. Особых медицинских навыков у меня не было, стандартные курсы оказания первой помощи

на производстве, да отрывочная информация о разных болезнях, полученная в течении прошлой жизни. Мужик сбросил засаленную куртку, и я непроизвольно отдернулся — на шее кузнеца расплылось огромное коричнево-черное пятно, всю спину и руки усеивали россыпи таких же пятен, поменьше. Некоторые покрыты корками и кровоточат, другие вздулись десятками опухолей. Уже понимая, что тут я бессилен, осмотрел лимфоузлы на шее и под мышками. Все вздуты...

— Гер, как давно это с тобой?

Раньше только пятно на шее было, но оно с рождения там. А остальные начали появляться прошлым летом.

— Болеть начало давно?

— Ещё когда мы коз ловили...

Диагноз я поставил сразу — рак кожи, причем крайне запущенный. Повышенная ли активность Солнца тому виной, родимое пятно на шее или работа в кузне — сложно сказать. Все, что я мог сделать для друга — хоть немного уменьшить боль.

Привезенные из Крыма семена мака высеяли весной, растения выросли, порадовали всех жителей необычными розово-красными цветами, и завязали семена. Их тщательно собрали, а сухие стебли, листья и коробочки сложили в отдельный мешок у меня во "дворце". Лучше бы они так никогда и не понадобились...

Отвар из маковой соломки помог кузнецу прожить почти без боли последние две недели. Огромный мужик угасал на глазах, он перестал есть, только пил все большие и большие дозы раствора опиума. Вскоре он впал в летаргию, и пролежав так сутки, умер.

Новость о проклятии духов огня, убившем Гера, разлетелась по всему городу. С этого дня я больше не видел днём ни одного темного лица, крем стали применять все. А вот северное сияние, которым раньше часто любовались по ночам, теперь потеряло в глазах людей все очарование. Эти переливы света в ночном небе неандертальцы теперь воспринимали как дурной знак, несущий большую опасность для человека.

Погребальные костры в Лантирске загорались не часто, большинство населения были молодыми. Попрощаться с кузнецом собрался весь город, заполнив недавнюю вырубку у реки. Пламя горело весь день, а на утро мы собрали в погребальную урну все, что осталось от нашего соратника.

У стены резиденции вождя сделали Стену Памяти, окружившую небольшим амфитеатром мою статую. Костер перед ней теперь горел в любое время суток. Их уже много, тех, кто отправился в Земли Вечной Охоты. Не в моих силах сохранить сознания всех, кто ушел — еще слишком мало живых людей верят в новое будущее, чтобы позволить привести в Пещеру Предков хотя бы одного нового человека. И увеличится этот лимит очень нескоро...

Под вечер я успел съездить к лагерю охотников, и проконтролировать строительство наблюдательной вышки. Да, именно съездить — одного из молодых жеребцов впрягли в телегу, которая перевозила добычу в город, и я, вместе с телохранителями и парой охотников, с относительным комфортом преодолел несколько километров. Относительным, потому что даже мешки с сеном, подложенные под пятые точки, не спасали от тряски на ухабах.

Дороги уже видны вполне отчётливо, их не спутать со звериными тропами. Бригады лесорубов и рабочих с начала года дважды проходили по всем главным "магистральям", расширяя просеки, срывая неровности и засыпая ямы. Но даже на такой поверхности

деревянные, лишённые шин и рессор колеса передавали все толчки напрямую пассажирам.

За нами увязались две "собаки", эти подросшие волки постоянно сопровождали охотников. Дрессировка животных продолжалась, они не плохо брали след зверя и не срывались с места, увидев птицу или зайца, а ждали команды. Я не раз видел, как "собаки" послушно приносят брошеную в воду палку, с удовольствием обменивая ее на кусок вкусного копчёного мяса. Осенью они станут отличными помощниками при отстреле птицы на озёрах и старицах, где лодок ещё не было.

Вышку уже отстроили наполовину — снизу широкое основание, поддерживающее лестницу с поручнями, спиралью закручивающуюся вокруг всей конструкции, кверху постепенно сужалось. Ствол живого дерева, хоть и лишившегося половины веток, служил надёжной опорной колонной, к нему крепили поперечные балки. Кузнецы постоянно пополняли запас гвоздей, и конструкция получалась очень крепкой. Все пространство вокруг ствола расчистили на десяток метров, и уже начали вкапывать частокол.

Охотники тоже времени зря не теряли, назад я забрал здоровенную тушу бизона. Правда, ехать не получилось, пришлось идти пешком, подталкивая телегу.

Лошадей теперь оценили все. На следующий год ловля диких животных обязательно продолжится, и мои люди скоро перестанут таскать тяжести сами. Неандертальцы были очень сильны, но в будущем антропологи часто обращали внимание на очень быстрый износ их костей и суставов. Иногда останкам одиннадцатилетнего подростка, подвергавшимся при жизни чудовищным нагрузкам, по внутренним изменениям можно было смело давать все шестьдесят...

Это тоже было одной из причин малого срока жизни этих людей, и первые шаги к механизации труда я уже начал предпринимать. Надеюсь, это добавит моим людям по нескольку лет молодости.

Телег и тачек становилось все больше, новые собирали каждую неделю. Спрос на колеса и деготь рос с каждым месяцем, и такими темпами скоро начнет превышать предложение. Столяры не справлялись...

Я всерьёз задумывался о создании первых, пусть и самых примитивных деревообрабатывающих станков и пилорамы.

С ножным или ручным приводом, с низкой скоростью вращения и заточкой режущих инструментов каждые полчаса — они все равно на порядок ускорят производство. Особенно сейчас, когда нужны будут тысячи стрел и болтов для создания армии. Пилораму можно сделать и на лошадиной тяге, будет животинка ходить по кругу, вращать вал с шестерней, и через кривошип передавать усилие на полотно пилы. А со временем и до дисков с зубьями дорастем!

Сейчас, готовясь к плавке металла этого сезона, я делал формы под чугунные основания, станины, валы и шатуны. Это далеко не лучший материал, но выбирать было не из чего — плавить чистое железо и тем более сталь в Лантирске начнут в лучшем случае лет через десять, и то, если доберёмся до марганцевой руды. Теперь я жалел, что не успел разведать местность в районе будущего Токмака, там было огромное месторождение этой полезнейшей добавки. Именно там все неандертальцы обитавшие по эту сторону Днепра, добывали пиролизит для розжига огня, запасы которого у нас почти закончились. Сейчас соваться туда уже поздно, слишком близко это место от новых поселений кроманьонцев...

Пока же, как только сможем за раз перевозить хотя бы пятьдесят тонн, отправимся с большой исследовательской экспедицией на северо-восток. Довольно значительный запас

соли ещё был, но единственной заменой исчезнувшим под водой крымским береговым отложениям могли сейчас стать соленые озера в районе будущего Бахмута. Придется там оставлять людей, и они целыми днями будут жечь костры, выпаривая воду и собирая осадок. Жаль, что пробиться на глубину в сотню метров к гигантским подземным запасам этого минерала, расположены в том же месте мы ещё долго не сможем...

А чтобы не возвращаться назад налегке, заполним телеги мелом. Здесь известные известняки сильно проигрывали ему в качестве.

С походами складывалась необычная ситуация — вахтовый метод работ прижился, и на мое предложение основать две небольших поселения возле месторождений угля и железа никто не согласился. Строящийся Лантирск для моих неандертальцев теперь стал единственным "правильным" местом для жизни. С редкосным единодушием все три Круга выступили против новых городов.

Такого поворота событий я не ожидал... В будущем планировал дальнейшую экспансию к Днепру, на юг, к морю, на север и на восток, захватывая новые земли и ресурсы. Мы спорили несколько дней. Впервые моего авторитета не хватило, и пришлось согласиться с абсолютным большинством.

Я легко доказал необходимость строительства дорог с твердым покрытием. Провел решение об обязательном бесплатном снабжении долго хранящимися продуктами рабочих на рудниках. Но на этом все...

Люди ничего не имели против модульных поселений рабочих, но отработав неделю, две или месяц, они хотели вернуться к сердцу новой цивилизации — Лантирску. Здесь должны жить, учиться и работать их женщины и дети. А судьба мужчин — свозить сюда все, что нужно для обеспечения этой жизни, и охранять все больше расширяющиеся границы нашей территории.

Минусы такого решения очевидны — замедленное освоение территории, опасность вспышки эпидемий из-за огромной плотности населения, сложность логистики и обеспечения быстро растущего мегаполиса.

Но были и плюсы, главный из которых — отсутствие даже подобия на разделение по народам и нациям. Если мои потомки удержат власть, она будет абсолютной, и рядом никогда не будет других государств.

Кроме того, у нас было время. Почти две тысячи лет до первого серьезного испытания, сделать за которые, опираясь на заложенную мной базу знаний, можно очень много. В моей прошлой реальности вся история человечества была чередой бесконечных войн. Люди веками накапливали знания, строили города, растили детей — и по воле сумасшедших правителей, не способных сдержать свои амбиции, теряли все в один момент. В пучине забвения исчезали целые страны и народы, и все начиналось сначала. Убрать все это — и человечество в двадцать первом веке давно бы покоряло другие звёзды...

Эти люди, не имеющие высшего образования, не знающие ошибок, совершенных далёкими потомками кроманьонцев, по-своему правы. Пусть нам придется в буквальном смысле сворачивать горы, свозя к единственному городу десятки, тысячи, а затем и миллионы тонн сырья, материалов и продуктов — это совсем небольшая цена за жизнь без войн!

Глава 2. Год без солнца

*Если однажды горячее солнце
станет холодным как утренний лед
Если зима жарким летом вернется
и на песок белый снег упадет
Если беда, что ничем не измерить,
рухнет на землю косою звеня
Я буду знать, всё равно, что ты веришь,
я буду знать, что ты любишь меня
Д.Майданов, "Вечная любовь"*

В Лантирск пришла осень. Давно уже собрали урожай ржи и пшеницы, перевезли к городу стога сена и мешки желудей, последние в этом году партии руды и угля.

Строительство второй улицы закончилось, и люди обживались в новых жилищах. Одно такое общежитие вмещало от восемнадцати до двадцати человек, и на каждого приходилось целых три квадратных метра площади. Для людей, привыкших к тесным, пропахшим дымом юртам, где и ноги вытянуть порой было трудно, это были роскошные апартаменты!

Конечно, половина населения сейчас дети, причем совсем маленькие, и им этой площади хватает. Но третью улицу мы всё-таки разметили на будущее — уже за стеной, это будут дома немного меньших размеров, для новых семейных пар. На них начнем отрабатывать технологию применения известкового раствора и строительства общей городской сети подвальных помещений, ливневой канализации и колодцев.

У реки уже несколько дней продолжалась плавка — нынешний объем сырья был в два раза больше, чем в прошлом году. Этот процесс продолжится ещё долго, успеть бы до первого снега...

Двенадцатого октября Ингвару исполнился год. Мальчик недавно научился самостоятельно сидеть, игрался вырезанными для него деревянными игрушками, узнавал названия животных и иногда пытался повторять их за нами. Мама и папа он стал говорить ещё месяц назад.

Все шло нормально, но его сверстники уже все ходили и весили чуть ли ни в два раза больше!

Я подолгу играл с ним, проверял моторику движений, реакцию зрачков, слух — все в норме, видимых патологий или следов паразитов нет. Обычный мальчик, вот только размерами не отличающийся от родившегося полгода назад второго сына Рауга. Эрика тоже замечала отставание в росте, пыталась чаще кормить ребенка, но тот капризничал и отказывался есть больше обычного. Оставалось только смириться с этим и надеяться, что со временем все придет в норму — скорее всего, тут виноваты мои гены. В свои девятнадцать лет я выглядел практически так же, как и пять лет назад, когда очнулся в пещере у Тихой реки, разве что стал чуть шире в плечах и намного упитаннее.

Сейчас была пора осенних заготовок, и почти все женщины с утра до вечера потрошили и разделывали птицу, рыбу и свиные туши. "Старые люди" каждый день приносили полные корзины грибов и фундука, а учитывая их количество, про отдых поварихам можно было забыть надолго. Длинный ряд новеньких, аккуратно сложенных из обожженного кирпича коптилен растянулся вдоль стены между восточными и южными воротами, и ни одна из них

не простаивала.

Часть мяса и рыбы по моему совету женщины стали высушивать без дыма, и затем перетирать в порошок. Затем добавляли сушеные ягоды, орехи, и заливали растопленным жиром, перемешивая до образования плотной однородной массы. Ее выкладывали в деревянные формы и по застывании получали вкусные и питательные бруски пищевого концентрата. Этот рецепт в будущем придумали североамериканские индейцы, и хранится такой пеммекан мог до полутора лет. Быстро освоив пару десятков вариантов с различными вкусами, поварахи стали готовить его в огромных количествах. На складе сделали для этого просторный деревянный стеллаж, и теперь на нем стремительно росли ровные ряды завернутых в бумагу кусков новой пищи.

Так у нас появился продукт, который мог обеспечить питание людей в очень дальних походах. В дальнейшем, когда появится ещё и достаточное количество зерна, пеммекан вместе с сушеными хлебными лепешками обеспечит полноценный дневной рацион и для шахтеров.

Врагов не было видно, на достроенной наблюдательной вышке за это время ни разу не зажгли сигнальный огонь. Мастера Круга осваивали производство луков и арбалетов, успев изготовить ещё несколько штук, тут же доставшихся охотникам. Обычная мирная жизнь продолжалась, и я этому был только рад — чем больше времени у нас будет на подготовку, тем лучше!

Мне иногда снились сны о двадцать первом веке. Сегодня был как раз такой кошмар, со всеми прелестями последней войны — разлетающимися от прямых попаданий многоэтажками и далёким гулом новых пусков из-за линии фронта. Весь в холодном поту, я проснулся, разбудив криком и Эрику, и соседей в смежных комнатах. Бешено колотящееся сердце постепенно успокаивалась, но тут до меня снова долетел этот пугающий звук далёкой канонады. Пугаясь в штанах, отчаянно ругаясь и едва не упав на пороге, вождь племени Солнца рванул выходу...

На улице было тихо, в безоблачном небе спокойно горели звёзды. Сильный холодный ветер быстро привел меня в чувство, и я замер, прислушиваясь. Тихо...

Сзади подошла Эрика, набросила мне на плечи куртку

— Дим, что случилось?

— Пока не знаю, любимая... Сначала сон о прошлой жизни, теперь этот звук. Ты ведь слышала его?

— Да, похоже на то, как с гор падают очень большие камни. Это его ты так испугался?

— Такой звук издает ещё и оружие. Оружие Предков.

— Думаешь, они покинули Первую Пещеру и пришли в мир живых?!..

Эрика, глядя на меня, тоже начинает бояться. Даже сейчас у нее иногда проскальзывают отголоски того ужаса перед древними призраками из глубины веков, что десятки поколений мешали развитию неандертальцев.

— Нет, они вовсе не так сильны, и цепляются за каждую кроху энергии, чтобы прожить ещё день.

— Энергии?..

— Жизненной силы, веры людей в них... Нет, это не они. Тихо!

Очень далеко, на грани слышимости донеслись новые раскаты. Может, это сильная гроза? Запахнув куртку, иду к воротам и залажу наверх. Горизонт, насколько хватало глаз, чист. Ни одной вспышки... Жена подошла к воротам вслед за мной, и стояла внизу,

дожидаясь, пока я слезу со стены.

— Эрика, это где-то очень далеко. И мне страшно представить, какой силы должны быть эти звуки в том месте, откуда они до нас доносятся.

— Но если очень далеко — значит, для нас опасности нет?

— Будем на это надеяться. Пошли в дом, до утра ещё долго...

Снова заснуть я так и не смог. Ворочался, прислушивался к вернувшейся тишине, нарушаемой только потрескиванием дров в печи. С рассветом, хмурый и невыспавшийся, вышел на улицу, и снова полез на стену. Отсюда можно было разглядеть далёкую точку наблюдательной вышки. Нет, все по прежнему. Да и часовые подняли бы тревогу, если что. Но смутная тревога меня не покидала.

— Утар, буди Тура и Дара. Мы едем в лагерь охотников.

— Что-то случилось?

— Да, но пока не знаю, что именно. Собирайтесь, мы быстро.

Через два часа я стоял на небольшой платформе из бревен, поднятой над лесом. Деревья уже сбросили большую часть листьев, только кое-где желтели отдельные пятна. Отсюда я мог видеть очень далеко — и степь на юге, и лесной массив на севере.

Я искал следы возгорания... Умом понимал, что это бред, и никакой артиллерии здесь, в каменном веке нет и быть не может, но ничего не мог с собой поделывать. Около часа до боли в глазах всматривался в линию горизонта, но так ничего и не обнаружил. На юго-западе небо стало темнеть, там собирались тучи. Нужно спускаться, как раз успею вернуться в Лантирск до дождя...

Я немного успокоился, это явно были не разрывы снарядов. Все, хватит страдать ерундой — работы полно, и так не знаю, за что первым хвататься. Три чугунные станины отлили успешно, металл застыл без трещин и раковин. Валы тоже были, их ещё придется вручную доводить до ума. Шлифовать, и очень долго, придется и чугунные шарики, горка которых лежала на столе. Отлитые в сделанные со всей возможной точностью, по одному и тому же шаблону формы, эти элементы подшипников даже на глаз были далеки от идеала. Задуманные станки для вытачивания ступиц колес и их ободов, стрел и болтов я буду делать всю зиму, если не дольше. У же мысленно обтачивая очередную деталь о шероховатый песчаник, я забрал у охотников очередную добычу и отправился назад. Туча медленно приближалась, заполнив собой уже половину горизонта.

Мы успели — проехали в ворота, разгрузились, и даже отправились обедать, а дождя все не было. Женщины сегодня приготовили вкусное пюре из клубней, отлично сочетающееся с запеченным в глине сочным гусем. Отдав должное их кулинарному искусству, я вспомнил, что шлифовальных камней осталось совсем немного, и отправился на улицу, обходя дворец — они хранились в соседнем крыле. Туча уже затянула почти все небо, люди спешно заносили в дома вещи, которые могли намокнуть. Нос зачесался, я несколько раз чихнул, испугав двоих котят, сидевших у двери, и явно нацелившихся проشمгнуть в помещение. Набрав камней, плотно закрыл дверь за пушистыми охранниками, и уже собрался идти назад, когда меня окликнула Ирика, возвращающаяся с реки. Все у нас не как у людей, до сих пор колодца нет...

Девушка улыбнулась мне, хотела что-то сказать, но, как и я минутой раньше, чихнула несколько раз подряд, аж слезы выступили.

— Дим, Эрика сегодня будет рыбу жарить? Ч'чонг с Праттом пол лодки наловили.

— Да, собиралась...

Я остановился на полуслове — Ирика, снова чихнула и вытерла рукой глаза. На молочно белой от солнцезащитного крема щеке протянулся темный развод.

— Что такое? Я где то вымазалась?

Ирика стала осматривать одежду, но я уже не смотрел на нее. Выставив ладонь перед собой, я наблюдал как на ней появляются мельчайшие серые точки. Дождя не будет. С неба сыпался пепел...

— Ирика, заходи в дом и закрой плотно дверь. Не выходите на улицу. Я к Лессе, скоро вернусь.

— Дим, что случилось? Аа-ап-чхи!

— Это самое. Если все станет совсем плохо, мы не сможем нормально дышать.

Новая ткань пока не использовалась, все полотно складывали до зимы, тогда из них начнем шить одежду. Вот сейчас этот запас и используется, одежда подождет.

— Лесса, принеси мне, пожалуйста плетёную ткань.

Мастерица молча протягивает мне требуемое, и я отрезаю квадратный кусок.

— Дим... Зачем такой маленький кусок... С него же ничего не сшить!..

— Для той вещи, что мне нужна, его хватит. Нарезай ткань на такие куски их нужно сделать много.

— Хорошо... Жалко только, мы столько ее делали!..

— Лесса, сейчас эта ткань сохранит здоровье всем людям. Повторяй за мной.

Отрезанный кусок я свернул пополам, заполнив пространство между тканью горстью пуха и шерсти с коз, которых уже пробовали подстригать. Привязал четыре веревки, и быстро надел маску на лицо. У человека, знакомого с десятком эпидемий различных коронавирусов, это движение было доведено до автоматизма.

— На улицу выходим теперь только в такой "маске". С неба падает пепел, если им долго дышать, злые духи смогут навредить людям.

— А в домах тоже в "маске" ходить?

— Нет, но лишней раз двери и окна не открывайте. Все работы останавливаем, пока небо не очистится. И продолжайте делать ткань. Ее понадобится ещё очень много...

На улице я отправлял всех встреченных людей к швеям, а сам обошел все дома и предупредил людей о новой опасности. Пепел стал сыпаться гуще, и видимость начала снижаться.

За воротами тревожно кричали животные, они забились под навесы и не хотели выходить из укрытий. Подозвав двоих л'тоа, поручил им закрыть двери в сараях и конюшне. "Собаки" и кошки сами попрятались в домах, только две подросшие тигрицы в клетке чихали и фыркали. Завидев меня, они радостно бросились навстречу, вставая на задние лапы и пытаясь обнять. До сих пор они признавали своими "родственниками" только десяток человек, возившихся с ними с рождения, на других просто не обращали внимания. Жалко зверюг, хоть и вымахали уже в полтора метра, все ведут себя как дети...

Я сбегал на склад и притащил связку новых шкур, полностью накрыв ними клетку со всех сторон. Шерхана и Багира притихли, а затем и фыркать перестали. Пусть сидят, темноты они не боятся, мяса им дают столько, что скоро прыгать разучатся от лишнего веса.

Оставалась последняя проблема — вода. Если пепел будет падать недолго, то ничего страшного не произойдет. Но если это затянется... Конечно, я сделаю простейшие фильтры на древесном угле, но городу нужны тысячи литров воды в день. Сейчас все, кто получил

маски, отправятся на реку, сделаем запас побольше, насколько хватит тары.

Пока я не хотел думать о том, что будем делать, если слой осадков станет настолько большим, что вода закислится серными соединениями. Тут только рыть колодец, причем глубокий, верховодка нас не спасет, она будет так же загрязнена. Надо, надо было раньше этим озаботиться!..

— Дим, все, это последний горшок!

— Накидывай скорее шкуру сверху, а то этой гадости насыплется! Все, поехали!

Мы вчетвером потянули телегу, заставленную десятками горшков в корзинах и без, бочонками и бурдюками с водой.

Пепел падал с той же интенсивностью, и на земле отчётливо стала видна серая пыль. Маски помогали, но от мелких крупинок стали слезиться глаза. Теперь нам останется только закрыться в домах и надеяться или на окончание выброса, или на смену ветра.

Лежа на мягких шкурах и наблюдая за женой, развлекающей весело смеющегося Ингвара, я думал о произошедшем. Неужели Варг ошибся, и извержение на Флегрийских полях уже началось? Или он намеренно назвал неверную дату?

Если это так, то нам придется уходить на юг. Можно и в Крым вернуться, но лучше ещё дальше, на территорию будущей Грузии или даже Турции, там будет теплее. На новом месте все придется начинать заново — строить дома, защитную стену, удерживать обширную территорию от многочисленных родов и племен кроманьонцев. Вот только о том, где там искать железо и все остальное, я не знал совершенно ничего...

Потребуется десятилетия, чтобы местность по эту сторону Днепра полностью очистилась, и снова стала пригодной для жизни. И все это время моим людям придется думать не о развитии, а о элементарном выживании.

На утро перед нами предстал новый городской пейзаж, таким Лантирск мы ещё не видели. Все вокруг — дороги, постройки, даже часть стены — было покрыто тонким слоем пыли. Мелкие частицы вулканического пепла, подхватываемые ветром, серой поземкой стелились над землёй. За воротами вид был ещё более пугающим — лес потерял последние осенние краски, накинув на ветви деревьев мрачный серый саван.

К обеду ветер стал меняться, сначала на южный, а потом и вовсе на юго-восточный. Небо постепенно очистилось, а к вечеру на несколько минут выглянуло солнце. Люди, в прямом смысле слова вздохнули с облегчением, и до темноты успели пополнить запасы воды, и покормить животных.

Ночью часовые видели звёзды, но к утру их скрыли набежавшие тучи. Холодный осенний дождь шел весь следующий день, смыв большую часть пепла и покрыв грязными черными разводами все вокруг.

Сегодня я не спал — войдя в пограничное между сном и трансом состояние, рассматривал ближайшие огоньки стоянок соседей. Оба Говорящих с огнем, живущие в предгорьях Карпатах на западе, были живы и оставались на своих местах. Вся западная Европа тоже осталась без изменений, но три огонька на Балканах слегка сместились на северо-запад

Обычно перед приходом зимы люди не делали больших переходов, кочующий вдоль границы ледника род Большезуба тут скорее исключение из правил. Неандертальцы переживали холода в природных пещерах или рукотворных убежищах, и огоньки их костров не двигались. Это могло говорить только об одном — произошло извержение вулкана на юге Карпат, по силе сопоставимое с Визувием, уничтожившим Помпеи, или даже Тамборой. Но

Флегрийские поля дремали, иначе бы все три огонька энноев на Аппенинском полуострове или погасли, или двигались прочь от туда.

Варг не обманул, это другой вулкан. Звук взрывов слышали все, а по прямой отсюда до будущих Румынии, Болгарии и, тем более Греции, больше тысячи километров...

Две недели мы прожили спокойно, люди постепенно возвращались к привычной работе. Напуганные прошлым пеплопадом охотники, застигнутые врасплох вдали от города, снова отправились в степь. Птицы в этом году улетели раньше обычного, полностью забить консервами склады мы не успели, вот и пришлось выслеживать добычу покрупнее.

Травоядных животных стало намного больше, от Днестра подходили все новые и новые стада, тесня местные. Похоже, что дожди прошли полосой, частично очистив траву в нашей местности, но на западе дела с кормом обстояли хуже. Пришлось по ходу собирать ещё десяток коптилен, такой поток мяса упускать было нельзя. Свадебную церемонию, традиционно отмечаемую в начале ноября, из-за этого перенесли ближе к середине месяца.

Первый тревожным признаком стал ранний снег. Вскоре после дождя температура воздуха стала быстро снижаться, и уже опустилась ниже нуля. Чтобы завершить остановленную было из-за случившегося катаклизма плавку, люди на мехах сменялись каждый час, и за несколько дней переработали остатки руды.

Строительство кузни остановили до весны, успев вывести часть стен и временно перекрыв остальные и крышу шкурами. Улучшенный горн был собран первым делом, едва заложили фундамент, и несколько учеников Гера целыми днями ковали товары для торговли с родом Большезуба.

Белоснежное покрывало разом придало Лантирску нарядный и праздничный вид, окончательно скрыв под собой следы недавних событий. Каждый день толщина снежного покрова росла, и пятнадцатого ноября достигла тридцати сантиметров. Охотники вернулись в город, все склады были забиты под завязку, еще три десятка замороженных туш лежало в спешно сооруженном леднике.

В этом году Свадьбу провели быстрее из-за усиливающихся морозов, но церемония была не менее интересной.

Во-первых, среди не определившихся невест было сразу три девушки — л'тоа, и пять их женщин постарше, заявивших о желании стать вторыми женами. "Старые люди" хоть и влились в племя, все равно держались обособленно. Узнав о обычае единой свадебной церемонии, главы семей подобрали пары между своими тремя родами. Но дефицит мужчин сказывался, и им пришлось дать согласие на браки с "большими людьми".

Во-вторых, каждая новая семейная пара получала в дар от вождя стартовый семейный капитал и становилась в очередь на собственный, пусть и небольшой, дом. Я постепенно увеличивал количество чайб, находившихся в обороте, внимательно отслеживая их покупательную способность. А тут ещё и дополнительная возможность укрепить свой авторитет...

В-третьих, ещё летом вручил Славу пару бивней мамонта, и поручил вырезать из них небольшие медальоны. На этих одинаковых пластинках, размером с армейский жетон, Эрика с остальными учительницами под специально сделанный трафарет рисовали имена каждого человека. Медальоны возвращали скульпторам, и те вырезали надпись, делая ее почти вечной.

Сегодня, перед церемонией, их повесили на шею каждому человеку, а молодожёнам дополнительно вручали по три чистых жетона, намекая, что племя ждёт от них минимум

троих детей.

Пользуясь случаем — все равно ведь выпил вместе со всеми за здоровье молодых, я под вечер вновь просмотрел расположение соседей. Род Большезуба быстро двигался на восток, оба Говорящих с Балкан увели свои рода далеко на запад. На севере пара огней вообще исчезли, а один сместился к югу. Самое удивительное — цвет последнего огонька сменился с оранжевого на почти нейтральный бледно — желтый. С чего бы это незнакомый Говорящий с огнем поменял отношение к нерушимым догмам воли Предков?

Исчезновение его соседей тоже выглядело странным. Умерли от старости? Всякое могло случиться, здесь нет ни больниц, ни лекарств. Но то, что несколько энноев покинули этот мир одновременно, а на месте стоянок не осталось привычной россыпи искорок костров, у которых грелись обычные неандертальцы, настораживало. Что-то неладное там происходило, в далёкой заснеженной Европе!

Хоть сознание и было открытым, но в мой сон так никто и не пришел. Жаль, я надеялся получить хоть какую-то информацию — все попытки пробиться к другим Говорящим неизменно натыкались на глухую стену отторжения. Образы далёких стариков не проявлялись, похоже что они, в отличии от Варга, не любили баловаться грибами. Меня никто не слышал...

Вторым звончком, предупреждающим об опасности, стала тонкая мгла, все больше затягивающая небо с конца ноября. Солнце потускнело, его хоть и было видно, но тепла оно не давало. Свежий снег за два-три дня становился грязным и серым, и только новые снегопады обновляли белое покрывало. Морозы с каждым днём становились всё сильнее, по моим прикидкам, они уже опустились до двадцати градусов. Река замёрзла, и чтобы добраться до воды, каждый день мы разбивали топорами лёд в большой проруби. Животные сидели в сараях, их пока спасала толстенная подстилка из сухих листьев и сена.

Сегодня во "дворце собрались главы всех родов, пришли даже л'тоа, пытающиеся всеми способами увильнуть от любых общественных мероприятий.

— Дим, это духи предков пытаются закрыть от нас Солнце?

— Нет, Ленг. Им такое не под силу.

— А кто тогда?

— Наш мир. Ты видел, как дым от костра закрывает солнце? Вот так сейчас и случилось.

— Значит, виноваты люди, живущие на западе! Они не затушили костры и там теперь горит и лес, и степь! Это черные люди, они не уважают духов огня!

Ленг, соображающий очень быстро, на этот раз ошибся, сделав неверные выводы...

— Нет, не думаю, что это пожары. В тех краях есть горы, не такие, как некоторые из вас видели раньше. Иногда внутри этих гор начинает разгораться подземный огонь, ещё более горячий, чем тот, которым мы плавим железо. Он расплавляет камни, и они стекают по склонам раскалёнными потоками. Но гораздо большую опасность представляет дым и пепел, взлетающий в воздух выше самых сильных птиц. Его так много, что лучи Солнца не в силах пробиться через эту завесу.

— И долго эти горы будут гореть?

— Этого не знают даже Предки. Иногда несколько дней, иногда неделю, месяц, год. А когда настанет тот год, что вырезан на щите с календарем — Солнце исчезнет на несколько лет.

Тинг, крутивший в руках блестящий чугунный шарик, отложил его в сторону.

— Дим, а что будут тогда делать наши дети?

К тому времени Лантирск должен успеть развиться настолько, что продукты можно будет везти по морю из далёких земель, расположенных на юге. Или им самим придется отправляться на юг, других решений я пока не вижу.

— А они есть, эти другие решения?

Я обвожу взглядом всех собравшихся. Эти люди сейчас верят в меня как в проводника мудрости добрых Предков. Но они должны научиться верить и в свои собственные силы!

— Есть. Даже если кажется, что все, тупик — решение есть всегда. Ещё у Тихой реки я обещал некоторым из вас, что мы построим Храм Мудрости. В нем люди будут искать, накапливать, проверять и хранить любые знания. Даже те, которые не принесут пользу прямо сейчас. Там будут учиться наши дети, а самые способные останутся в этом Храме навсегда, посвятив всю свою жизнь поиску истинны!

— Всю жизнь... Дим, разве знаний настолько много?

— Рауг, чтобы узнать все, не хватит жизней всех людей, которые когда-либо будут жить в этом мире. Я это знаю так же точно, как ты — кто оставил след на снегу, волк или олень.

Рауг, вместе с остальными, покосился на высокие пачки перевязанных веревкой листов исписанной бумаги, толстые свитки бересты, занимавшие половину нашей с Эрикой комнаты. Это сложно представить, я его понимаю. Но уже их детям будет легче, каждое новое поколение будет покорять все новые горизонты, изменяя мир вокруг. И меня вместе с ним себя...

Новый год мы отпраздновали по домашнему. На площади перед "дворцом" я поздравил всех с началом шестого года свободной от запретов Предков эпохи. Людям вручили небольшие подарки. Женщинам достались первые образцы керамических бус, покрытых глазурью, мужчинам — мотки крепкой нити и рыболовные крючки, ну а детям — самые разные игрушки и, конечно, по кусочку застывшего меда.

На этом торжественную часть поспешили закончить, мороз в новогоднюю ночь опустился до тридцати градусов, и долго находится на улице никто не хотел. Дождавшись двенадцатого удара в барабан, жители Лантирска поспешили к праздничному ужину, ждущему их в теплых домах...

Сильные морозы продержались до начала марта. За все это время солнце только дважды появлялось в разрывах сероватой дымки, и тогда на улицу, не смотря на холод, выбегали дети, радуясь яркому свету. Сегодня такое случилось в третий раз, и мы всей семьей вышли на небольшую прогулку. Постоянное "заключение" в домах надоело всем, хоть и существенно ускорило изготовление пряжи, полотна, брони, луков и арбалетов. Я даже успел собрать первый из трёх станков, и на нем теперь столяры с помощниками на порядок быстрее обтачивали колеса.

Проведать свой лагерь пошли и охотники, им тоже захотелось размяться. Арбалеты и луки я брать запретил, опасаясь их поломки на морозе. Сейчас это оружие хранилось в плотных кожаных чехлах, в них же и перевозилось — клей не давал стапроцентной защиты от влаги.

До этого за ворота выходили только уборщики, вывозившие бочки с отходами к селитряной яме, да часовые охраняющие наших животных. Несколько кабанчиков мы пустили под нож, оставив пару на племя — первая из отловленных партий уже хорошо подросла, и держать столько самцов смысла больше не было.

— Как же я соскучилась по солнышку!

Эрика, державшая укутанного в меховое одеяло Ингвара, даже глаза прикрыла, подставив лицо потокам света. Сын с интересом рассматривал крутящихся рядом "собак".

— Мама, волк?

— Да, сынок, волк. Наш, домашний, волк!

— Волк!

Теперь внимание сына привлекли взобравшиеся на навес у ворот кошки, и он вспоминал, как этих зверей зовут

— Дим, солнце ещё долго будет прятаться?

— Хотел бы я знать... Без яркого света наше зерно не вызреет нормально.

— У нас осталось немножко семян, и пшеницы, и ржи они же не испортятся за год?

— Нет, это зерно и десять лет сохранится. Я жалею о том, что высеял все крупные зерна, что выросли после обработки соком осенних цветов. И не оставил про запас хотя бы несколько штук!

— Может, до новой зимы успеет созреть? Мы в том году его рано убрали, ещё жарко было...

Я молча пожал плечами. На двух из девяти опытных участков, где семена перед посадкой было обработано колхицином, кустики пшеницы выросли намного мощнее и дали больше зерна, чем соседние — там многие были искривлёнными, больными, а часть и вовсе не взошла. С рожью была такая же история. Вождь, на радостях, все это богатство без остатка высеял под зиму, спеша побыстрее размножить более урожайные сорта. А оставить по десятку зёрен про запас не догадался...

— Папа, кот!

— Верно, кот! А рядом с ним — котенок!

Ингвар наконец вспомнил название усатого и пушистого зверя. Теперь он искал новый интересный объект для изучения.

— Наши охотники возвращаются!

— Без добычи...

— Снега очень много, может, звери ушли на юг? Там же теплее?

— Сейчас узнаем, пошли к ним.

Рауг, выйдя на расчищенную дорожку, снял снегоступы, и отряхивал ноги от налипшего снега.

— Как сходили?

— Дим, мы не стали убивать маленьких великих зверей!

— Вы видели мамонтов?

— Да, они у нашего лагеря уже долго живут, там такие кучи... Две большие самки и три маленьких детеныша, они подпустили нас близко, совсем не боялись. И мне... мне стало жалко их убивать!

— Вы правильно поступили. Еды у нас пока хватает, а взрослого великого зверя вы не сможете убить даже из нескольких арбалетов, не то что копьями. А они бы на вас точно напали, как только вы ранили маленьких.

Стоявшие рядом охотники согласно закивали головами. Дураков среди них нет, и попусту рисковать жизнью они не станут. Рауг, видя, что его поступок одобрен, а отсутствие добычи не ставится в вину, продолжил:

— Мы перед зимой расчистили большой участок вокруг, там огромные завалы из кустарников с не опавшими сухими листьями, веток и сена. Так великие звери его уже

наполовину растащили, и питались этими запасами!

— Рауг, у меня появилась идея! Найди Лтара и узнай, сколько у нас сейчас сена. В прошлом году его заготовливали с большим запасом, он сам хвастался, что сможет прокормить ещё столько же животных.

— Сделаю, Дим. Ты хочешь подкормить великих зверей?

— Да, если они привыкнут получать пищу от нас, людей, то могут остаться рядом. Они не уйдут дальше, вместе с другими мамонтами. А там и вовсе перестанут воспринимать нас как врагов. Ты уже знаешь, насколько полезны лошади. А теперь представь, сколько груза может поднять и перенести такой зверь!

Воодушевленный новыми перспективами Рауг, вместе со своими людьми пошел разыскивать хвастливого, но прижимистого главу Куниц, а мы направились к "дворцу" — солнце опять скрылось, да и сына пора кормить...

Вечером, после долгого перерыва, осматривая расположение стоянок соседей, я отметил новые изменения. Два энноя с Балкан остановились недалеко от родов, обитающих в районе будущей Италии и больше не двигались. На севере Европы творилось что-то совсем непонятное — ещё три Говорящих с огнем просто исчезли, остальные отошли далеко на юг. Их цвет тоже побледнел, став практически белым. А всего в паре сотен километров от нас мерцала красновато-оранжевая звезда рода Большезуба. В этом году Варг подошёл намного ближе, чем в прошлые разы — это меня насторожило, и я перед сном добавил к мятному чаю ложку самогона.

— Ты совсем страх потерял? Почему так долго закрывался?

Варг выглядел раздраженным и уставшим — холодные глаза под нависшими бровями глубоко запали, несколько свежих рубцов "украшили" его и так крайне симпатичное лицо.

— На меня он не действует, Варг. Даже в Первой Пещере это поняли.

— Так я могу напомнить! Собирай своих людей, мне надоело возиться с товаром, они мрут как мухи!

— Сколько?

— Пять родов, я забрал всех молодых. Стариков убил. Они бы все равно сами не выжили!

Я опешил от такого известия. Недаром говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад...

— Варг, что с людьми?

— Будешь долго болтать, убью и этих! Их нужно было кормить и подгонять всю дорогу! И даже так эти слабаки не все дошли...

— Если они искалечены, то ты не получишь за них и одного наконечника.

— Целые они... А синяки сойдут!

Ну да, глупо надеяться, что такой человек будет играть по правилам или заботиться о комфорте пленников. В прошлом году ему отдали по одной — две семьи с каждого рода. Но это лишь разбудило аппетит у хищника, и этой зимой он просто забрал всех...

— Так сколько товара готовить на обмен?

— Десять рук и два пальца мужчин и столько же женщин. Детей шесть рук без одного. И рука девочек моего рода!

Пятьдесят два топора, придется забрать часть у строителей. Наконечники на складе есть, их выковали с запасом. Три десятка ножей тоже найдем... Варг не даром пошел ва-банк — так за один раз он вооружит всех своих воинов копьями и большую часть топорами.

Сообщив работорговцу цену, подождал, пока тот представит такие большие числа.

— Мои люди выйдут завтра. Ты решил нарушить запрет, зайдя так далеко на юг?

— Эта зима настоящая, к такой я готовлю род Большезуба. Иначе бы слабые люди не дошли... В этом году можно!

Если у джентльмена не получается играть по правилам, джентльмен меняет правила. Похоже, эта поговорка о высоких моральных принципах англосаксов из будущего отлично работает и в каменном веке.

— Варг, повторяю, мне нужны живые и целые люди. Напомни это своим воинам.

— Они знают... Я убил уже двоих, которые слишком увлеклись. И посмели возражать мне!

— Хорошо. Ты великий вождь, я приготовил для тебя дар. Его тоже привезут мои люди.

— Дар... Да, великие вожди обмениваются дарами, я помню. Твои слабые люди должны прийти быстро!

Энной растаял, и я, не удержавшись во сне, проснулся. И ещё долго лежал в темноте, пытаюсь найти ответ на вопрос — что мне теперь делать с такой толпой измученных и озлобленных на весь свет пленников?..

С утра люди начали расчищать снег за стеной, нужно было установить два десятка уже не раз выручавших нас юрт, и по возможности утеплить их стены. Небольшая группа охотников повезла в лес сани, доверху загруженные сеном. Мужчины собирались в дорогу, тщательно проверяя одежду и оружие. Собирался и я, на этот раз решив пойти на встречу с работорговцами лично. Северное наречие понимали сейчас немногие, сам вождь племени Солнца, Утар с женой, и немножко — Эрика. Брать в отряд женщин никто не стал, а Утар внешне неотличимый от людей Варга, мог помешать наладить хоть какой-то контакт с пленниками. Да и понять их, кроме меня, мог только другой энной, я в этом убедился, когда общался с предыдущей партией "товара". Они и через год все ещё плохо разговаривали на русском.

Это ведь не добровольные переселенцы, как в прошлом году, хотя и тех отдали больше из-за страха перед людьми с севера. Сейчас эти люди ощущают себя рабами, в один миг потеряв свободу, привычный уклад и смысл жизни. Я получу бунт на переходе, бессмысленный, кровавый, обречённый на поражение. И тогда вся эта затея, и так уже дурно пахнущая, превратится в несмыслимое пятно на моей совести...

Пройти сотню километров по снегу, в двадцатиградусный мороз — удовольствие так себе. Мы вновь совершили набег на закрома Лессы, и разрезали несколько тканых полотен на портянки, утепляя ноги. Опасаясь подставы или ловушки, — россыпь приближающихся костров могла обозначать как пленников, так и их конвоиров, — я увеличил отряд до пятидесяти человек. Пришлось брать с собой шесты и шкуры для временных укрытий, солидный запас продуктов — и для нас, и для новых людей. Подумав, все-таки оставил луки и арбалеты в Лантирске — на морозе от них будет мало толку, скорее всего они просто сломаются, да и продемонстрировать людям Варга новое оружие не стоило. А вот все комплекты доспехов везли с собой, от броска копья они защитят и меня, и тех, кто будет передавать товар.

В первую же ночёвку, когда уставшие после дневного перехода люди сидели у огня, мое решение оправдалось. Я оценивал пройденное от города расстояние, желая скорректировать направление на завтра, и не заметить яркую точку Говорящего с огнем просто не мог. Варг, оставив основную часть рода севернее, тоже шел навстречу... "Акелла" был стар, но ещё

крепок, и вовсе не хотел допустить промах. Скорее всего, энной не доверял полностью своим людям, справедливо опасаясь, что они не устоят от соблазна обернуть полученную гору оружия против своего вождя.

— Ты решил сам передать мне дар?

Варг совсем не удивился присутствию Дима в отряде торговцев, и бесцеремонно ввалился в мой сон.

— И это тоже. Заодно посмотрю на пленников, которых ты привел.

— Не веришь моим словам?

— То, что для сильных воинов Большезуба кажется пустяковой царапиной, может убить слабых людей, тебе ли этого не знать.

— Они идут сами. Женщины моего рода помогали им нести детей. Даже кого-то из родичей среди них узнали... Можешь быть спокоен, слово Варга крепче железа!

Работорговец хрипло засмеялся, и следующей фразой подтвердил мои догадки:

— Следи за своими воинами, как бы они не решили забрать все железное оружие себе. Это меня сильно расстроит, вождь слабых людей. Настолько, что род Большезуба сам придет в твой "город"!

— Ты, я вижу, тоже не слишком доверяешь своим?

— Плох тот воин, что не хочет стать вождём... Я сам их так воспитал, но добровольно отправляться в Первую Пещеру не собираюсь!

— Варг, а ты не думал, где будешь брать женщин для своих мужчин? Все стоянки на севере теперь пусты.

— Ты ошибаешься! Людей на закате ещё много, далеко не у всех родов были энной. Я найду их, где бы они не прятались!

Вот как... Я часто видел отдельные искры костров, несколько раз даже ловил образы каких-то скал и холмов среди промерзшей равнины, но считал этих людей частью более крупных сообществ. В общем-то логично — сейчас на всю территорию Европы, вместе с нами, было шестнадцать Говорящих с огнем. При этом только в Лантирске численность населения вплотную подошла к семи сотням. Около двухсот пятидесяти у рода Большезуба, в остальных вряд ли больше тридцати человек. Если неандертальцев осталось хотя бы десять тысяч, то родов в Европе действительно должно быть ещё очень много.

— Вот и славно. Тогда до встречи! И не спеши сильно, дай "слабым людям" дойти живыми. Они понадобятся тебе все, я везу хороший товар для обмена.

— Без них род Большезуба от восхода и до заката проходил втрое больше! Но ты прав, я могу подождать лишний день.

Мы встретились через три дня у небольшой реки, подойдя к ней почти одновременно. Не успели мы разбить лагерь, как на другом берегу показались здоровенные амбалы с копьями и дубинами, идущие налегке — пять, десять... двадцать! За ними собиралась плотная толпа, нагруженная вещами похлеще иных лошадей...

— Тур, Рауг, Дар, Тинг — одевайте броню. Дар, отдай свою Тингу, наденешь доспех Анта, он поменьше. Рауг, тебе подойдет броня Утара. И мне помогите затянуть ремни!

Пока другие мужчины расставляли юрты, мы облачились и стали похожи на диких животных — костяная чешуя смотрелась очень необычно. Жаль, что голову защищала только меховая шапка и такой же капюшон, сейчас отброшенный за спину.

— Тинг, ваша группа берет сани с предметами для торга. Остальные — оружие из рук не выпускать, идите за нами. Остановитесь на берегу. Никаких разговоров, стоять тихо и

следить за воинами Варга. Если на нас нападут — сразу метайте дротики, и только потом беритесь за копья. Все ясно?

— Аарх!

— Все, выполняйте!

Мы стоим на толстом льду, внимательно рассматривая друг друга. Варг почти такой же, каким я его видел во сне — разве что одет теплее. Качество одежды — полный мрак... Даже у него, главы сильного рода, вместо привычных жителям Лантирска штанов и куртки, был скорее набор шкур, кое-как сшитых сухожилиями. А у стоявших за ним гигантов и вовсе какие-то лохмотья, сквозь которые проглядывала намазанная жиром кожа.

Энной перевел взгляд за мою спину и, сосчитав стоящих там людей, недовольно нахмурился. То, что я привел столько крупных мужчин, вооруженных железным оружием, ему явно не понравилось. А может, и кое-какие планы нарушило...

— Варг, для начала прими от меня вот этот дар, в знак уважения к твоей силе!

Я протягиваю ему здоровенный нож, самый крупный из тех, что выковали для добычи волчат. Слав сделал красивую резную рукоять из мамонтовой кости, и смотрелся этот прототип меча замечательно. Вообще-то, оружие изначально предназначалось для Круга Воинов, и должно было подчеркнуть статус командующего силами Лантирска. Но пока его не выбрали, необычный нож послужит дипломатии.

— Ухх-хх-ха!..

Варг восхищённо провел пальцем по рукоятке, затем по лезвию, и отдернул руку, слизывая проступившую из разреза кровь.

— Это отличный нож, Дим. Я доволен!

Несколько коротких, рубленых фраз и от противоположного берега к нам тянут нечто вроде кривоватой волокуши, на которой лежит длинный сверток.

— Сегодня ты меня порадовал! Прими этот дар в знак уважения к твоей сил... хитрости!

Работорговец запнулся, но быстро подобрал нужное слово. Он откинул край свёртка, и взял в руки полуметровый, прямой как пика, рог.

— Здесь одна рука рогов, вождь слабых людей. Такие звери очень редко встречаются, они почти не заходят к Вечному Льду. Вот этого убил ещё мой отец!

Рог переходит ко мне в руки. Довольно лёгкий для такого размера. Поддельвать восхищение мне не пришлось — это действительно редкая добыча. Если шерстистые носороги уже никого не удивляли, то обладателей таких вот "украшений" мы ещё не встречали.

— Варг, начнем обмен?

— А чего ещё ждать? Эй, Лург, Каор, гоните сюда товар!

От десятка воинов на том берегу отделились две фигуры, и что-то рявкнув пленникам наставили на них копья. Толпа людей качнулась, и быстро двинулась к нам.

— Дар, выкладывай перед Варгом оружие за каждого человека. Начали!

Сумерки быстро сгущались, и, чтобы ничего не пропустить, энной отдал ещё одну команду. Всего через минуту к нам подбежали высокие крепкие женщины, и не поднимая глаз, молча сбросили на лёд охапки дров и хвороста. Топливо подожгли, пламя осветило и нас, и пленников, и стоявших на противоположных берегах мужчин, так и не опустивших копья.

— Двадцать девять!

В огромную кучу оружия Дар положил последний нож. Если по началу появление

каждого железного предмета воины Большезуба встречали слитным возгласом, означавшим, как я понял, радость, то под конец они просто выдыхали невнятный звук, устав, а может и вовсе не умея считать такие числа. Те же женщины, что раньше принесли дрова, едва сдерживая слезы передали нам пять коконов из шкур. Из-под лохмотьев на меня смотрели расширенные от страха детские глаза...

Сделка завершена, все пленники собрались за нашими спинами.

— Варг, ты получил все, что хотел?

— Да, все честно!

Старик увлеченно срезал тонкие полосы стружки с деревяшки, любуясь своим новым ножом.

— Договор в силе?

— Пока я жив, обмен продолжится. У тебя хорошая одежда из костей, Дим. В следующий раз я хочу получить в дар такую же!

— Это возможно. Тогда я хочу взамен получить вот такие камни.

Маленький кусочек золота перекочевал в раскрытую лапу энноя.

— Я видел такие тяжёлые камни у слабых людей на закате, они их кидают в птиц. Сколько тебе нужно?

— Костяной доспех для тебя мое племя будет делать долго, это очень дорогая вещь. Принесешь мне... мешок таких камней, это будет справедливый обмен.

Дар, понятно кивнув, быстро подает знак стоящим на берегу, и мне приносят пустой рюкзак. Варг с интересом рассматривает усовершенствованный мешок, но на заявленную цену соглашается. Он ещё не представляет истинного веса золота...

За это время полностью стемнело, и холод пробирал до костей. Мы, при свете костров спешно устанавливали юрты, рубили ближайшие деревья на дрова, несколько человек наблюдало за противоположным берегом — род Большезуба тоже разбивал лагерь. Бывшим пленникам вручали по куску пеммикана и отправляли греться. Я попросил женщин, не ожидавших услышать знакомые слова на родном наречии, присмотреть за маленькими детьми. Варг слукавил, старшей девочке едва год исполнился...

Меня поняли, хныкающих малышей забрали. Хмурые взгляды исподлобья никуда не исчезли, но сначала один мужчина, затем другой, третий начали робко и неуверенно задавать мучившие их вопросы. Не видя привычного наказания за разговоры, к ним присоединились и остальные, вопросы посыпались со всех сторон.

— Сейчас, поставим последние укрытия, и мы поговорим. Вот моя юрта, выберете нескольких людей, много сюда не влезет. Ждите.

Хорошо поспать сегодня все равно не получится, будем дежурить в две смены всем отрядом. Когда под боком столько вооруженных людей, лучше не расслабляться...

— Люди, приходящие от Вечного Льда, ушли?

— Твои мужчины нас убьют?

— Моя женщина не сможет долго идти, она вчера подвернула ногу...

— Мы надолго здесь останемся?

Пятеро мужчин... Значит выбрали по одному от каждого рода. Заросшие длинными бородами обветренные лица, худые, аж скулы заострились. Одежда — невообразимая смесь лохмотьев, впрочем изначально она была похожа на ту, что мы шили в Крыму. Но за время перехода по Европе ее десятки раз ремонтировали любыми подходящими по размеру кусками шкур.

— Стоп! Первое — вы больше не пленники. Я отдал роду Большезуба, убившему ваших близких, очень много ценных предметов. Вы их видели, на льду реки. Теперь вы снова свободны!

Про свою роль в этой аванюре лучше умолчать, им не за чем знать, почему вместо привычной дани в виде женщин северные люди решили забрать и остальных.

— Ты не станешь нас удерживать силой?

— Нет. Но и провожать вас туда, где вы жили раньше, тоже не буду.

Поняли... Второй такой переход не выдержит никто из них — без оружия, вещей, когда тепло придет ещё не скоро. Это верная смерть.

— Второе — ваших родов больше нет, так мне сказал Варг, вождь людей, которые вас пленили. Верно?

— Да...

— Вы видели, сколько мужчин со мной?

— Очень много, твой род силен!..

— Это только малая часть. Мне нужны новые охотники, новые рабочие и новые воины. Вы можете ими стать.

— Мы не будем рабами?

— Нет, в Лантирске нет рабов. Вам придется работать, и очень много. Отдых будет выпадать не часто. Но взамен вы всегда будете сыты, и получите за свой труд новые удивительные вещи и оружие. А со временем и переселитесь в теплых дома, намного лучшие, чем эти юрты. Ваши женщины и дети всегда будут в безопасности за стенами города.

Слишком много незнакомых слов, приходится объяснять их значение.

— Ты тот, кто пошел против воли Предков?!..

— Да. Откуда знаешь?

— Наш энной говорил, что далеко на востоке появилась новая сила, с которой Предки не в силах совладать. Но если такие могущественные духи не справились, значит ты несёшь ещё большее зло?

Привычное библейское противостояние добра и зла здешние энной заменили гораздо более реалистичной борьбой зла привычного и зла ещё большего, неизвестного...

— Зло?.. Для части Предков я зло в чистом виде, это правда. Мои люди больше их не боятся, и не питают их своим страхом. Эти призраки, которых вы так боитесь, просто начали гибнуть от голода.

— А люди?..

— А что люди? В городе почти семь сотен человек, и никто не голодает.

— Семь "сотен" это много?

— Много. Если вы останетесь со мной, вы научитесь нормально считать. Мы учим этому всех.

— Но Предки могут наказать нас...

— Не смогут. Но только если вы всем сердцем примете наши обычаи. Я энной, и могу защитить от них любого, кто верит в меня и мои действия!

Мужчины молчат, пытаясь осознать новую информацию. Пусть думают, главное они услышали.

— Я с МОИМИ людьми завтра возвращаюсь в город. Утром вы должны решить — идёте со мной, или снова становитесь рабами людей Вечного Льда.

Моя смена дежурить выпала под утро. До рассвета в соседнем лагере два раза начиналось непонятное шевеление, темные силуэты отходили от костров и пристально вглядывались в нашу сторону. Мы все тут же вставали, и повторяли их движения.

Едва небо начало светлеть, род Большезуба свернул лагерь и двинулся на север. Напасть на нас они так и не решились. Это меня и удивило, и обрадовало, шансов отбиться у нас, если честно, было немного.

Возвращаться к Варгу не захотел никто. Я дал бывшим пленникам иллюзию выбора, теперь они считают, что сами приняли это решение, и весь негатив от перемены в их судьбах достанется работоторговцу. Но на душе все равно гадко...

Десятого марта мы вернулись в Лантирск, и заселились в подготовленные юрты. Морозы ещё держались, и я, каждый день отслеживая перемещение Варга, стал надеяться, что все обойдется — искорок костров вокруг не было, а выжить без огня в таких условиях не смог бы и самый закалённый человек.

Эрика, взобравшись на стену, пересказывала мне новости. Пока мы отсутствовали, к лагерю охотников на юге ещё раз отвезли сено. Мамонты не уходили, и завидев людей с кормом во второй раз, сами подошли к телеге.

Представляю, что чувствовали люди, когда рядом с ними стоит зверь в десять тонн весом, способный одним движением лишит их жизни, и спокойно жуёт сено!

Мамонты оказались на редкость сообразительными — когда мужчины все же начали разгружать сено, освобождая транспорт, одна из самок просто поддела бивнями весь стог, сбросив его на землю.

Волки поймали двух куниц, которые пробрались к леднику и спокойно подьедали мерзлые туши бизонов. На поднятый визг и рычание прибежали часовые и помогли добить непрошенных гостей. "Собаки" приносили все больше пользы, не только на охоте, но и охраняя поселение.

В проруби, из которой брали воду, стала собираться рыба, и ее вычерпывали на лёд сачком. Теперь весь город только ее и ест, уже неделю...

Это плохая новость. Кислорода в реке становится мало и рыба начинает задыхаться. Эрика позвала на стену Лтара, и вскоре нам передали три десятка топоров. Мой отряд в полном составе отправился на реку делать новые проруби и вставлять в них пучки тростника, чтобы не так быстро замерзали.

В конце месяца солнце выглянуло на целых три дня. Карантин закончился, за все время лёгкой простудой переболели только пятеро человек из новичков, остальные оставались здоровыми. Я разрешил перенести все юрты за стену, в домах места все равно не было. Пользуясь потеплением, сразу три больших отряда ушли на охоту, обследовать камышовые плавни вдоль реки.

Каждый день подолгу разговаривал с приведенными людьми, собирая их во дворце, и объясняя установившиеся в городе порядки и обычаи. Им приходилось тяжело, в основном из-за языкового барьера. Так же в прошлом году чувствовали себя л'тоа — когда они увидели Лантирск и его жителей в первый раз, то испытали самый настоящий шок. Примерно так в двадцать первом веке чувствовали себя приезжие из отдаленных сел в крупный мегаполис — все вокруг вроде и понятно, но все равно чужое и непривычное.

Сейчас ситуацию спасли прошлогодние переселенцы — многие из них были родичами, и сразу взяли новичков под свою опеку. Выданные из казны "подъемные" тоже в немалой степени помогли им почувствовать себя полноправными членами общества. Этот прием

работал безотказно, и уже не раз был проверен и на "старых людях", и на присоединившихся ранее родах. Постепенно лица бывших пленников разглаживались, и на них появились первые улыбки..

Утар, получивший по квоте вождя право взять вторую жену, воспользовался им на последней свадебной церемонии. Маленькая и стройная женщина-л'тоа, к всеобщему удивлению, среди четырех вышедших к ней женихов выбрала именно моего телохранителя. Теперь обе его супруги сбивались с ног, ухаживая за пятеркой годовалых девочек — как и прошлый раз, этот гигант вновь забрал их в свою семью. Такими темпами роду Искателей Знаний скоро станет тесно во "дворце"!

В апреле потеплело ещё больше, морозы стали вполне привычными. В воздухе стали разноситься удары топоров, люди продолжили расчистку территории за стенами. Но когда к этим звукам добавился необычный трубный рев слонов, за ворота выбежали все жители Лантирска.

Перейдя замёрзший приток Аркаима, пятерка мамонтов выбралась на расчищенное пространство перед городскими стенами, и с удовольствием объедали молодые ветки поваленных деревьев. Вскоре им вывезли немного сена, и взрослые животные тут же подтолкнули хоботами троих детенышей к новому угощению.

Сегодня вечером, сидя у огня, я в который раз осматривал местность вокруг в поисках точек чужих костров. Пусто, темное пространство протянулось на сотни километров. Мой взгляд скользил все дальше, вот на краю поля зрения появились далёкие огоньки энноев в Карпатах... Стоп! Что-то вновь изменилось, привычное расположение Говорящих с огнем нарушено. И через мгновение я понял, чего не хватает — далеко на севере, за замёрзшим Днепром, на месте стоянки рода Большезуба осталась только россыпь едва заметных красноватых искорок. Привычный яркий огонь, обозначающий Варга, бесследно исчез...

Глава 3. Северный гамбит

*Древние рощи полны голосов
Шёпота трав и камней
К северу тянется дым от костров
Враг рыщет в той стороне
Духи грозы бьют в барабан
Из молний куют нам мечи
Мы принесём жертву богам
Кровью своей напоим...
Группа "Ария", "Крещение огнем"*

Весна все больше запаздывала, дневная температура окончательно поднялась выше нуля только в середине мая. На смену снегопадам пришли затяжные дожди. Вода пропитывала грязную рыхлую корку образовавшегося наста, превращая все вокруг в непролазное болото. Впервые на нашей памяти уровень Аркаима поднялся настолько, что вода пошла поперек настила мостов. Серая мгла, хоть и стала немного светлее, все так же продолжала скрывать за собой солнце, лишая природу долгожданного тепла.

За северными воротами, где ещё не успели срубить отдельные крупные деревья, мы стали строить новую наблюдательную вышку, по той же схеме, что и в лагере охотников. Когда земля хоть немного просохнет, и дороги станут проходимыми для телег, такие же нужно будет построить и на обеих рудниках, и на полпути к ним, расширяя сигнальную сеть.

— Дим, сена осталось на месяц, великие звери едят его больше, чем десять лошадей..

— Делайте порции поменьше, но подкармливать мамонтов не прекращайте, это очень важно!

Лтар горестно вздохнул — огромные стога под стенами, ещё с осени укрытые шкурами, казалось, таяли быстрее, чем сходил последний снег.

Мамонты так и остались у города, привыкнув к подкормке. Конечно, ее не хватало для таких массивных животных, и они, побродив немного по вырубке, вновь перебрались через приток Аркаима. Теперь все семейство усиленно прореживало заросли кустарников на противоположном берегу, подчас просто ломая или выворачивая с корнем небольшие деревья.

Я не стал идти в Первую Пещеру, и проверять, там ли сейчас Варг. Опытнейший энной, он на голову превосходил и меня, и тех выживших из ума призраков, обитавших во тьме. Их одиночные и совместные атаки раньше не смогли причинить мне вреда. Но если Варг станет лидером большинства Предков, боюсь, что Дима просто размажут по той самой кирпичной кладке, недавно появившейся на месте одной из стен. Арика, Сенг, Ника и остальные союзники пока молчат, надеюсь, с ними все в порядке...

Костры рода Большезуба некоторое время оставались на месте, но вскоре сместились к востоку. Кто бы не захватил там власть, плевать он хотел и на традицию кочевать у границы ледника, и на остальные правила, так тщательно оберегаемые Варгом и его предшественниками. Периодически отдельные искорки зажигались в стороне от основной стоянки, охотники расходились за добычей далеко в стороны. До них сейчас больше полутысячи километров — если я верно представляю масштаб, все эти люди остановились в районе будущего Чернигова. Но головной боли и мне, и Кругу Воинов они добавили изрядно

— кроме строительства новых вышек, нам теперь придется ещё больше увеличивать все отряды, выходящие за ворота.

Последний снег растаял в конце мая, и из земли стали пробиваться первые зелёные ростки. На деревьях набухали и лопались почки, прямо на глазах разворачивались листья. Пшеница и рожь перезимовали хорошо, но, как и все растения вокруг, были бледными и вытянутыми.

Мы разметили большой участок под вторую стену, которая должна будет по дуге прикрыть нас с северо-запада, но пока вместо нее собрали высокий плотный забор. Коз, лошадей и ослов вскоре выпустили из загонов, и они с удовольствием щипали молодую траву, отрастающую на месте обширной просеки. Десяток "собак" постоянно вертелась рядом, и л'тоа учили их загонять стада вечером обратно. Да и других хищников волки почуют намного раньше людей, если те надумают напасть на животных...

С приходом лета, такого же серого и мокрого, мы решили начинать заготовку продуктов, не дожидаясь осени. Строительство домов остановили — сушить кирпичи и черепицу при такой погоде невозможно, и свободных рук было множество. Рыба ловилась плохо, сказался зимний замор, съедобных растений тоже находили намного меньше обычного.

Тогда охотники стали выбивать вокруг все живое. Три стада кабанов уничтожили полностью, пощадили только поросят — их переловили и принесли в город. Та же участь постигла и подошедших слишком близко к Лантирску гиен, волков, лисиц и нескольких саблезубых кошек. Ряды их пушистых шкур теперь пытались высушить под длинными навесами. Наш зоопарк пополнился "тигренок", на этот раз самцом, а к "собакам" добавили десяток щенков, приучая более взрослых волков к тому, что эти малыши не конкуренты, а новые члены их стаи.

В степь вернулись туры и бизоны, на окраинах леса появились олени. Охотники перебрались в южный лагерь, за более весомой добычей, сменяясь каждые несколько дней. Луки и особенно арбалеты творили чудеса — мяса стало хватать и на ежедневную еду, и на заготовки. В этом году никаких дальних походов не планировалось, уводить много мужчин на длительное время было слишком опасно. Кроманьонцы, как я и предполагал, осели вдоль левого берега Днепра, и нас не беспокоили. А вот род Большезуба медленно двигался на юго-восток, россыпь точек становилась всё ближе...

Нас все же застали врасплох. По моим расчетам, до родичей Варга было ещё три сотни километров, когда на вышке лагеря охотников зажгли сигнал тревоги. В городе раздались частые удары молотов по большим чугунным пластинам, подвешенным у ворот. Люди спешно возвращались из-за стен, л'тоа загоняли животных в загоны, от реки бежали рыбаки, бросив на берегу и лодки, и улов...

Хуже всего было то, что основной отряд охотников вернулся сегодня утром, привезя десяток туш убитых животных. Мужчины собирались отдохнуть в Лантирске несколько дней, вместо них после обеда должна была выйти новая смена. За невысоким частоколом лагеря остались пятеро взрослых во главе с Раугом, и два подростка-наблюдателя, дежуривших на вышке.

Из огромного для этого времени количества жителей Лантирска — восьмисот тридцати, взрослыми мужчинами можно было назвать, и то с натяжкой, только сто девяносто семь человек. Все они были вооружены железными копьями, но те же "старые люди" пользоваться оружием практически не умели. Многим тяжёлые копья были не по

руке, парни ещё не доросли до пропорций Утара, Зенга или Рауга.

За зиму собрали десяток арбалетов и в два раза больше луков. С учетом изготовленных осенью, Круг Воинов сейчас мог выставить больше сорока стрелков. Стрелы и болты до сих пор изготавливались вручную, их успели сделать всего по пять штук на каждую единицу оружия. Я так и не успел довести до ума оба станка — они уже кое-как работали, но из-за сильного биения заготовок при обработке пришлось дожидаться новой плавки и замены части деталей.

С броней дела обстояли ещё хуже — хоть какая-то защита была только у вождя, четверых моих телохранителей и десятка охотников, не пожалевших на оплату труда мастеров целое состояние. К созданию шлемов я приступил всего месяц назад, изготовив из дерева и толстой кожи несколько вариантов, которые только предстояло воплотить в металле...

Триста пятьдесят женщин и подростков обеих полов составляли резерв, их вооружили копьеметалками. В случае непосредственной опасности штурма города они поднимутся на стены вместе с мужчинами, и отправят в сторону противника сотни дротиков. Без регулярных тренировок о какой-либо особенной меткости говорить не приходилось, но массовость броска должна была сыграть свою роль.

Полсотни мужчин сейчас были на руднике, поэтому в Лантирске осталась треть копейщиков и половина стрелков. До лагеря охотников всего пять километров, и даже если в наше отсутствие произойдет нападение, мы успеем вернуться и помочь, стены задержат врагов.

Собрались всего за полчаса — длинная колонна воинов вышла из южных ворот, быстрым шагом добралась до моста, и, очутившись на другом берегу, перешла на бег.

Только когда вдалеке показался частокол, мы притормозили, и, переводя дыхание, собрались в более плотный строй. Столб дыма на вышке все ещё подымался в воздух, но сквозь него я разглядел маленькую фигурку, взобравшуюся на навес и отчаянно размахивающую руками.

— Тур, что этот мальчишка показывает?

— Не пойму... Вроде что "враг близко!", нужно быть осторожнее!

— Давай стрелков внутрь колонны, всех, кто в броне — в первые ряды! Смотрим по сторонам!

Мы быстро перестроились. Частокол приближался, но никого видно не было. Большой щит, заменяющий ворота, лежит на земле, у подножья огромного дуба ещё дымиться прогоревший костер. Теперь я уже могу слышать крики наблюдателя:

— Враги рядом!

Вокруг лагеря уже расчистили приличный кусок площади, за зиму мамонты растащили все мелкие ветки, и укрыться тут крупному мужчине особо негде. Противник или притаился за частоколом, или на границе леса.

— Задние ряды — копья к лесу, стрелки — все внимание на заросли! Вперёд!

До входного проема осталось совсем немного, и я командую атаку. Ну, с богом!

Мы вбегаем за частокол, выставив перед собой копья, ожидая увидеть прячущихся за стеной врагов. Пусто... На земле разбросаны осколки глиняной посуды, все юрты повалены и сломаны, на выбеленной от времени поверхности шкур видны грязные отпечатки огромных ступней. У корней дуба лежат два моих охотника, мертвые. Руки и ноги мужчин стянуты ремнями, глотки перерезаны, вытекшая кровь пропитала и одежду, и землю вокруг.

Чуть дальше — странно изломанное тело подростка-л'тоа. Рядом, с пробитой грудью лежит огромный светловолосый воин. После смерти его обезображенное шрамами лицо разгладилось, он всматривается застывшими навсегда льдисто-голубыми глазами в хмурое небо и улыбается...

Но самое ужасное было впереди — к каждой из четырех опор наблюдательной вышки привязаны тела моих людей. Руки вывернуты, в зубах кляпы из обрывков одежды. Только по валяющимся среди окровавленных полос человеческой кожи костяным медальонам можно опознать мертвецов.

Рауг!.. Обезображенное лицо друга, с которым мы бок о бок прожили пять лет, не раз стояли плечом к плечу, прошли сотни километров, сейчас почти невозможно узнать. Пришедшие сюда люди рода Большезуба знали толк в пытках...

За спиной раздаются крики боли, и моих людей, и чужие. Слышны щелчки арбалетов и хлопки тетивы, стрелки вбегают вслед за нами, прячась за стенами, спешно перезаряжают оружие. Мы пропускаем их за спины, пробиваясь вперед, ко входу. Шум битвы нарастает, в рев моих воинов вплетаются не менее яростные голоса врагов. Грубые мужские затихают, перейдя в хрип, остаются ломающиеся, звонкие и... детские?..

В бок прилетает чувствительный удар, но броня выдержала, не пропустив к телу острый кусок кремня. Мои воины выстроились полукругом, за ними на земле лежат четверо, крича от боли. Не так давно отданное нами оружие обернулось против своих создателей — железные наконечники копий глубоко ушли в тела охотников. Вряд ли они выживут, с такими ранами их бы не вытянули и в двадцать первом веке, когда к услугам хирургов и врачей были все достижения науки и техники...

Впереди продолжается бойня — на ошестинившихся копьями мужчин, дико крича, бросаются подростки и дети. В расширенных, безумных глазах нет и намёка на страх — вот один подросток, буквально нанизывается на копьё, но все равно успеваешь метнуть тяжёлый дротик с каменным наконечником. Устаревшее для нас оружие не перестает от этого быть менее смертоносным, и ещё один мой воин падает на землю, зажимая рукой пробитое плечо. Рядом невысокий мальчишка, совсем ещё ребенок, уже умирая, всаживает нож в ступню противника. Дети пытаются добраться до нас любой ценой. И падают, получая короткие точные удары...

Ни один из них не попытался убежать с поля боя, увидев смерть товарищей. Худые, жилистые тела, большинство вообще без одежды — все они остались лежать на размокшей от крови земле.

Лучники и арбалетчики, успевшие точными выстрелами убить пятерых взрослых, самых опасных врагов в начале боя, водят оружием из стороны в сторону, но целей больше нет, все уже закончилось.

Противник сделал свой первый ход, и пока его гамбит не увенчался успехом. Отданные на убой пешки так и не смогли стать ферзем...

... Воины рода Большезуба напали внезапно. Десятки стремительных теней выскользнули из зарослей, в считанные секунды преодолели расчищенное пространство, и, словно и не заметив двухметровый частокол, очутились в лагере. Рауг успел убить одного из нападавших, но на этом схватка закончилась. Взрослых охотников избивали до тех пор, пока те не перестали сопротивляться, затем связали. Парнишку-л'тоа, попытавшегося незаметно спуститься, заметили, перехватили на полпути и сбросили вниз...

Вит, бывший в этот день вторым наблюдателем, сообразил забраться на навес над

площадкой, прикрывавший дозорных от дождя. Это спасло мальчишке жизнь, его не заметили с земли. Сейчас надышавшийся дымом парень, непрерывно кашляя и хватая ртом свежий воздух, пытался рассказать нам о том, что здесь произошло.

... Дальше к частоколу подошёл целый отряд — и взрослых воинов, и подростков с детьми. Не сумев понять ответы захваченных охотников, двоих из них зарезали сразу, а остальных стали пытать. Тщетно, ни Рауг, ни другие не понимали северное наречие неандертальцев, и вскоре отправились в Земли Вечной Охоты.

Обыскав лагерь и попутно разрушив все, что только можно, пришельцы забрали себе найденную еду, воду и оружие. Долго варили на костре отвар из принесенных с собой листьев, мха и грибов. Затем все сделали по несколько больших глотков, и через некоторое время основная часть взрослых скрылись в лесу. Оставшиеся стали прятаться вокруг частокола — пятеро белокурых гигантов засели в зарослях, а дети зарылись в листья и хворост, поджидая нас. Вит сумел дотянуться до горшка с тлеющими углями, и поджечь охапку дров, щедро политую дегтем. Оставшееся время он прятался, распластавшись на шатком навесе и пытаясь не задохнуться от поднимающихся вверх клубов густого черного дыма. Вит просил добрых Предков и энная Дима скрыть его от врагов...

Не знаю, подействовала ли эта молитва, или воины рода Большезуба просто не захотели лезть наверх, но парень продержался до нашего появления. Увидев большой приближающийся отряд, Вит осмелел и попытался предупредить нас о засаде. Остальное я видел сам.

Снова отправляю парня наверх, мне не хочется пропустить новое нападение. Мы спешно разбираем обломки юрт, сооружая носилки. Десять человек с лёгкими ранениями смогут идти, но пятеро тяжёлых — нет. Они, скорее всего, не выживут, раны очень серьезные, но это не повод бросать их здесь.

Сообщение о большом отряде врагов набатом стучит в висках, меня начинает потряхивать от выплеснувшегося в кровь адреналина. За стенами осталось всего тридцать семь копейщиков и двадцать стрелков. Смогут ли они продержаться против неизвестного числа закалённых и отлично тренированных убийц до нашего возвращения?... Вит не сумел точно сосчитать врагов, но по его словам их было больше восьмидесяти. Шестеро из них уже никогда не смогут забрать чужую жизнь, но остальные ушли в лес явно не ягоды и грибы собирать...

Нервы сжимаются в тугую пружину, мы наскоро перевязываем раненых кусками полотна, и укладываем часть из них на носилки. Воины вновь выстраиваются в колонну, готовясь возвращаться. Они не хуже меня понимают, что единственная достойная цель для рода Большезуба в этих краях — Лантирск. И, словно в подтверждение этих мыслей, сверху доносится крик Вита:

— Над городом дым!

Конечно, это не сам город горит, и даже не стена. Поджечь отсыревшие от постоянных дождей бревна и крытые глиняной черепицей крыши, без наличия нефти или хотя бы спирта — задача совершенно невыполнимая. Сигнал тревоги подали с наблюдательной вышки, заметив приближающихся врагов.

Рассудив, что от раненых сейчас толку в бою не будет, и в Лантирск сквозь толпу противников мы их пронести не сможем, оставляю с ними пятерых копейщиков и двоих стрелков. Если подымут щит на воротах и займут хорошие позиции, врасплох их не застанут.

Так мы дойдем быстрее, и ударим в спину воинам рода Большезуба. Какими бы

тренированными и ловкими они не были, с ходу преодолеть пятиметровую стену не смогут, это не хлипкий частокол...

— Возвращаемся! Бегом!

Второй рывок дался намного тяжелее, чем предыдущий, но люди выкладывались по полной. Сейчас все понимали важность каждой секунды, и когда вновь показался южный мост, вряд ли прошло намного более получаса...

Лантирск держался вполне уверенно — даже отсюда было видно, что на стенах много народа.

— Все кто в доспехах — в первый ряд! Стрелки — в центр и зарядить оружие! Копейщики — прикрывают нас сбоку и сзади. Вперёд!

Дорога от моста до города хорошая, ее неоднократно выравнивали. Мы переходим на быстрый шаг, ещё плотнее сбивая ряды.

Триста метров до стен, двести, сто ... Уже отчётливо видны десятки неподвижных фигур, лежащих на земле. Но не меньшее количество врагов пытается взобраться на стену, а некоторые — подбирают вонзившиеся в землю дротики и бросают их в защитников.

— Всем — стоять на месте! Арбалетчики — залп! Лучникам приготовиться!

Пятеро противников упали и не двигаются, двое пытаются вырвать болты из ран... Теперь нас заметили — навстречу бросились последние два десятка северных воинов. Со стены им вслед продолжают лететь стрелы и дротики, вот один упал на бегу, второй...

— Лучники — залп! Копейщики — держим строй, у них не осталось железных копий!

Несколько дротиков отскакивают от доспехов, не причинив вреда, но один из стоящих рядом со мной падает, получив смертельный подарок в неприкрытую защитой голову...

— Стрелять по готовности!

До нас добежали семеро. В могучие тела впились уже по несколько стрел и болтов, но этого оказалось недостаточно, чтобы остановить таких гигантов. Вот один в прыжке метает в нас тяжёлую дубину, и поймав грудью сразу две стрелы, падает. Второй на бегу отклоняет в стороны острия копий, и, размахнувшись, бросает в меня топор. Вонзаю в противника оружие, пытаюсь отклониться... Не успел. В левое плечо врезается тяжёлый кусок металла, костяная чешуя с треском разлетается кучей осколков. Рука немеет, я оставляю копьё в теле врага и отступаю внутрь строя. Прямо над ухом громко щёлкают арбалеты, некоторое время слышно отрывистое хеканье моих людей, раз за разом вонзающих копьё в противников. И все стихает...

Бой завершён, род Большезуба прекратил свое существование. Сильные, выносливые северные воины, закалённые в многочисленных схватках с дикими животными, потерпели сокрушительное поражение от "слабых людей". Они никогда не сталкивались с дальнобойным оружием, и весь их опыт предыдущих сражений с западными родами неандертальцев, вооруженных только копьями, сейчас не сработал.

Южные ворота распахнулись, к нам спешат наши женщины. С радостью замечаю живую и невредимую Эрику, слегка прихрамывающего Утара, тенью двигавшегося за ней. Кое-как обнимаю жену одной рукой, рядом другие уже поднимают раненых и уносят в город. Вскоре к лагерю охотников отправляется несколько телег в сопровождении большого отряда воинов. Вряд ли кто-то из противников выжил, но пока мы не обыщем все окрестности, лучше не рисковать.

Трупы северян стаскивают в одну кучу, их позже вывезут. Эрика и ее телохранитель, перебивая друг друга, рассказывают о прошедшей битве.

... После нашего ухода некоторое время все было спокойно. Город ждал нападения черных людей, ведь первый сигнал тревоги был с юга, а не с севера. Поэтому, когда шестьдесят семь огромных воинов рода Большезуба попытались атаковать Лантирск с двух сторон, наблюдатели на вышке очень удивились. Впрочем, подать сигнал тревоги им это не помешало. И так настороженные люди были на стенах, враг никого застать не удалось. Да и саму стену никто из подбегающих противников так и не смог преодолеть — враги из всех сил цеплялись за бревна, пытались лезть вверх, но их легко сбрасывали на землю прямыми ударами копий.

Понесся первые потери, воины Большезуба стали метать свои копья в ответ, поверх стены. Тут потери понесли уже мы — восемь защитников не успели увернуться, и получив смертельные ранения, сорвались с настилов. Четыре копья нашли своих жертв за стеной, попав в готовящихся к обороне женщин, столпившихся у лестниц. Остальные застряли в земле и стенах ближайших юрт, не причинив вреда.

Тут уже свое слово сказали луки и арбалеты, выбивая из толпы нападающих одного воина за другим. Несколько сотен дротиков, за считанные минуты выпущенные подростками и "слабым полом", довершили разгром. Когда я привел свой отряд назад, в помощи уже не было особой необходимости. Единственный плюс от моего поступка — никто из врагов не ушел живым.

Во "дворце" Эрика помогла мне снять доспех — его придется долго восстанавливать. Свою функцию он выполнил на сто процентов — вождь отделался небольшим синяком под ребрами и огромным кровоподтеком во все плечо. Ноющая боль в левой руке теперь сопровождала каждое движение. Но без брони лезвие топора разрубило бы кожу и мышцы до кости, и вряд ли бы я вообще выжил после такой раны...

К вечеру мы подсчитали потери. За смерть семидесяти трёх взрослых, трех десятков подростков и детей бывшего рода Большезуба племя Солнца заплатило жизнями двадцати двух мужчин, четырех женщин и одного подростка-л'тоа. Род Черного Камня лишился своего главы, многие семьи стали неполными. Высокая защитная стена и наличие метательного стрелкового оружия спасли Лантирск, но выводы из множества допущенных ошибок я сделал.

Первый мой промах — понадеявшись на то, что россыпь костров северян была ещё далеко, неопытный энной и военачальник Дим не принял во внимание то, что закалённые и выносливые воины вполне могут обойтись и без огня, тем самым приблизившись вплотную и ничем не выдав свое присутствие.

Второй ошибкой стало слабое укрепление охотничьего лагеря. Если бы мы не спешили, и сделали такую же пятиметровую стену, как и в городе, то она бы задержала нападающих. Тогда мои люди смогли бы отсидеться на вышке и дожидаться помощи — заняв верхние площадки, удерживать неширокие лестницы было не сложно. Да и пересменка отныне будет проводиться по-другому — только когда новые охотники занимают лагерь, предыдущие уходят в город.

Третья ошибка — недостаток доспехов, полное отсутствие шлемов и крепких ростовых щитов. Сегодня бы эти вещи могли спасти немало жизней, не один из тяжелораненых воинов не выжил...

Четвертая — практически полное отсутствие разведки. Нужно расширять сеть наблюдательных вышек, чтобы контролировать дальние подступы к нашей территории. Полностью перекрыть огромный лесной массив на севере не получится, под сенью деревьев

можно незамеченными провести и десять тысяч воинов, но в степи на юге — другое дело.

Ну и пятая, главная ошибка — я полез в битву лично, рискуя своей гибелью разрушить все, что было создано. Не думаю, что после моей смерти жители Лантирска сразу начнут убивать друг друга или вновь разобьются на мелкие группы. Скорее всего город выживет, но весь наметившийся прогресс остановится на десятилетия, а то и на века — нормальной системы образования ещё не существует. Да и создание листов бумаги, хранящих записанные мною знания из будущего, мало того что не завершено — их прочесть сейчас могут единицы, не говоря уже о том, чтобы понять смысл прочитанного...

Наутро, впервые за много дней, небо почти полностью очистилось. Теплое июльское солнце на глазах высушивало грязь и непросыхающие лужи вдоль дорог. Большая часть незанятого населения вышла за стену — собирать разбросанное оружие, разыскивать стрелы, болты и готовить огромный погребальный костер. В сторону степи потянулся караван телег, нагруженных труппами северян.

Мамонты, напуганные вчерашней битвой, вернулись, и с удовольствием уничтожали охапки свежескошенной травы и тростника. С козами, лошадьми и ослами эти гиганты уживались отлично, на домашних волков просто не обращали внимания, не считая их опасными. Трое детенышей, по размеру уже приближающихся к микроавтобусу, часто устраивали игры, толкаясь лбами и обливая друг друга речной водой. "Старые люди", все наши дети и подростки, души в них не чаяли. Они откапывали для своих любимцев вкусные корешки, приносили охапки молодых веток с вкусными листьями, самую сочную траву. И мамонты отвечали им взаимностью, не только разрешая свободно ходить рядом с собой, но и гладить протянутые за угощением хоботы и покрытые грубой коричневой шерстью ноги и бока.

Род Черного Камня, посоветовавшись, избрал на место погибшего Рауга его товарища, Венда. Он, и ещё двое мужчин — вот и все, кто остался от той пятерки охотников, что помогли мне в свое время создать племя Солнца...

Главы родов выдали пострадавшим семьям компенсацию, и право участвовать в ближайшей свадебной церемонии. Все вещи погибших оставались у их супругов, детей до появления нового отца или матери обязывались воспитывать родичи.

Я сидел у своей резиденции, и осторожно срезал крепления разбитых костяных пластин с доспеха, стараясь не повредить саму основу.

Запасные "чешуи" были, заменить этот участок можно быстро. Вокруг сновали люди, занимаясь повседневными делами, на солнце выбежали десятки детей, гоняющих по тесным улочкам сшитый из обрывков старой одежды мяч.

— Дим... Я теперь такая же жительница Лантирска, как и остальные?

Рядом со мной присаживается темноволосая девушка, одна из тех, кого этой зимой привел Варг.

— Конечно. Не важно, кто где жил до этого, вы все — племя Солнца.

— Тогда можно тебя попросить о помощи? Я буду говорить за всех женщин, которых ты спас от людей Вечного Льда.

— Я слушаю. Если твоя просьба важна и не навредит другим людям — она будет исполнена.

Девушка всхлипывает, но быстро берет себя в руки. Вытерев проступившие слезы, она начинает быстро говорить, словно опасаясь, что я передумал и не стану ее слушать

— Дим, когда северные люди пришли к стоянке нашего рода, они забрали с собой не

только пары мужчин и женщин с детьми. Их энной выбрал двоих женщин, высоких, крепких, хорошо сложенных. Их мужчин и детей убили, а самих забрали к себе. Так бывало и раньше, две зимы назад они увели мою сестру...

— Варг выбирал самых сильных женщин для своих мужчин. Так поступали многие поколения его предков, и ты видела результат — дети и воины рода Большезуба намного крупнее и выносливее наших.

— Это случилось не только с моим родом. В других происходило тоже самое! Дим, твои воины убили всех пришедших сюда людей Вечного Льда, но женщины из наших родов, которых они забирали, живы и все ещё там, на севере! Они сильные, летом смогут выжить и без мужчин, но зима их убьет. Наши мужья могут отправиться за ними и привести их сюда, в город! Мы все просим тебя разрешить это сделать!..

Я думал не долго — кроме оставшихся женщин и грудных детей, несущих в себе ценнейшие генетические линии, стоянка наших бывших противников могла хранить огромные ценности. Это и остатки ранее переданных Варгу железных изделий, и трофеи самих северных охотников. Мамонтовая кость, бивни моржей, клыки саблезубых тигров, рога гигантских оленей, шерстистых носорогов и эласмотериев — причем отборные экземпляры, абы что они возить с собой не будут. Бывшие пленники в разговорах не раз упоминали множество волокуш, которые мужчины рода Большезуба не доверяли тащить никому. Именно эти свидетельства удачной охоты определяли статус и положение своего владельца среди других воинов. Они составляли едва ли не половину всей поклажи, и упускать такое богатство было никак нельзя!

— Я разрешаю этот поход, пусть собираются. Отберите по два человека из каждого рода с закатных земель, хорошо знающих местные наречия. Остальных воинов назначу сам. Отряд отправится завтра.

— Спасибо!

Девушка, светясь от радости, убегает, а я ведь даже имя ее не спросил... Это раньше вождь знал каждого жителя, теперь всех запомнить просто невозможно.

Круг Воинов, услышав о возможности получить ценную добычу, собрался сразу. Недавно вернулись отсутствующие мужчины, притащив несколько тонн руды, и гарнизон Лантирска существенно увеличился.

— Тинг, это нужно сделать быстро. Стоянка максимум в пяти переходах от нас, больших рек по дороге не будет, вы легко найдете броды. Телеги не берите, они застрянут.

— Если там много трофеев, мы все не унесем.

— Возьмите рамы с колесами для ловли лошадей, они весят немного.

— Арбалеты брать?

— Да, и луки тоже. Двадцать опытных стрелков вам хватит, чтобы без проблем прокормить и себя, и женщин на обратном пути. Взрослых мужчин там быть не должно, Варг раньше хвастался, что их у него сотня. Большинство убили мы, остальные, скорее всего, погибли при смене власти.

— Дим, а если нет?

— Тогда даже не думайте вступать в переговоры. Друзей среди воинов рода Большезуба вы не встретите, стреляйте сразу, как только их увидите. В ближний бой первыми не лезть!

— С женщинами не возникнут проблемы?

— Их положение там хуже рабов. И помогать своим хозяевам они точно не станут. С вами пойдут люди из уничтоженных Варгом закатных родов, они легко найдут с женщинами

общий язык. Родичи всё-таки...

— Сколько тогда воинов брать?

— Половину. Город будет ждать вашего возвращения, охота и заготовки временно отменяются.

Мужчины расходятся, им теперь нужно много успеть — оповестить всех участников похода, проверить оружие, собрать припасы в дорогу... Если все пройдет удачно, они получают огромное по нынешним меркам вознаграждение, достаточное, чтобы приобрести полный доспех. Просто так добавлять новые чайбы в оборот нежелательно, а так ещё и Круг Мастеров будет обеспечен работой на год вперёд.

Пока никакой инфляции не наблюдалось, единственная валюта все больше прибавляла в стоимости — в первую очередь из-за огромного притока новых людей. В эту плавку я хотел сделать более мелкие чайбы, весом около пяти грамм, помощники Слава всю зиму изготавливали формы под них. Введение нового номинала, равного одной десятой от предыдущего, существенно упростит расчеты между людьми.

К вечеру у реки сложили огромную кучу дров, намного выше человеческого роста. На нее уложили всех погибших во вчерашней битве, и я поджёл погребальный костер.

— Сегодня мы прощаемся с теми, кто отдал свои жизни ради нас! Многие из вас потеряли своих близких, но их жертва не была напрасной — Лантирск выстоял в битве с сильнейшими воинами этого мира! Сейчас они в Землях Вечной Охоты, и только от вас зависит, сколько продлится их жизнь в мире духов! Аарх!..

— Аархх!!..

— Мы создали Стену Памяти, где стоят урны с прахом людей, покинувших этот мир. Приходите к ней почаще, каждое ваше воспоминание придаст им сил! Вечная память героям! Ааррх!!..

— Аааррх!.. Аааррх!!..

Вчера наши воины защитили город от живых врагов. Но только ваша вера в новую жизнь, свободную от воли и запретов злых Предков, может защитить нас от других энноев и их призраков, таящихся во тьме! Ааррхх!!!..

— Ааррхх!.. Ааррхх!!!.. Ааррхх!!!..

Негромкие возгласы постепенно затихают. Высоко взметнувшиеся языки огня освещают сотни лиц, на многих из них блестят слезы. Люди по очереди подходят к гудящему пламени, и бросают в него небольшие кусочки сухой древесины.

Лантирск прощается со своими защитниками...

Солнце радовало нас целых три дня, воздух заметно прогрелся, и растения вокруг стали терять нездоровую бледность, оживая на глазах.

Я стоял у огороженного поля, засеянного рожью и пшеницей, и все гадал — успеет ли она вызреть? Кустики были уже большими, но стебли и листья сильно вытянулись, а колоски только начали намечаться. Шансы получить хоть какой-то урожай ещё оставались — все зависело от того, как быстро осядет поднятый в стратосферу пепел. Участвовавшие в последнее время разрывы в серой пелене вселяли некоторый оптимизм.

Остальные садово-огородные культуры тоже отставали в развитии — если на щавле и черемше недостаток света отразился мало, то принесенные из леса кустарники только завязали ягоды, и было их совсем немного.

Меда тоже будет мало, трудолюбивые насекомые постепенно наполняли соты, но ослаблять пчелиные семьи перед зимовкой мы не будем. Несколько пасечников

вооруженные дымарями, периодически осматривали ульи, и срезали появляющиеся маточники, чтобы не допустить роения. Теперешние два десятка больших колод, утепленных саманом, укрытых от дождя навесом из коры, уже второй год снабжали нас и воском, и медом. Дальнейшее расширение пасеки станет возможным только с изготовлением более лёгких переносных ульев, которые можно будет вывозить далеко в степь.

Тинг вел большой отряд на север, и уже успешно преодолел ту самую реку, где мы встречались с Варгом зимой. Брод был всего в километре от этого места. Далек в сторону от цели они не отклонялись, и пока мое участие в корректировке маршрута не требовалось.

Чтобы не терять время зря, свободные от работы люди стали свозить глину от реки к стенам. Даже если в этом году мы не сможем изготавливать кирпичи и саманные блоки, большой запас сырья пригодится в следующем. Предоставленные новым жителям юрты были не хуже их предыдущих убежищ, но ведь рядом уже стояли ДОМА. Переполненные, не все равно более комфортные. Это со временем могло перерасти в ссоры между "старожилами" и "понаехавшими", что меня совершенно не устраивало. Извержение вулкана на Балканах сильно подпортило график строительства, да и Варг своей смертью подложил мне большую свинью...

Ближе к забору, огораживающему пастбище, стали свозить и штабеля бревен. Новой стене однозначно быть, я уже прикинул ее длину — немного больше шести километров. На осуществление такого масштабного проекта силами пятидесяти человек, работающих все теплое время, уйдет приблизительно два года. Кроме того, дополнительная нагрузка ляжет на кузнецов и землекопов. Первым придется выковать тысячи гвоздей, а вторым — тщательно выровнять огромную окружность диаметром в два километра, и вырыть траншею под основание.

Вечером большинство людей собралось у костров, разожженных на площади перед дворцом. Обсуждали недавнее сражение, понесенные потери, высказывали предположения о том, когда придут новые враги.

— Дим, черные люди могут так же незаметно подкрасться?

— Да, им это будет сделать намного проще — костры их не выдадут, сколько бы они не смотрели на огонь.

— Но как тогда их обнаружить? Может, отправим на запад большой отряд, чтобы следил за их стоянками у Великой Реки?

— Большой отряд они быстро обнаружат... Нам нужно расчищать пространство за Аркаимом и лес на северо-западе, много мужчин я отпустить не смогу, даже когда Тинг вернется. А вот небольшую группу опытных охотников и л'тоа отправить можно. Возьмут с собой пеммикана на месяц, и разведают, что творится на землях рода Выдры! Ну, кто хочет попробовать себя в роли "старого человека"?

Вызвались трое неандертальцев во главе с Тенаком, и семеро л'тоа. Ч'чонг, перекинувшись со своими сородичами несколькими фразами, подошел к нашей компании "великих стратегов", и присел рядом со мной.

— Дим, черные люди жить не только на закат. Когда прийти большая вода, л'тоа уйти на север. Л'тоа идти две, три луны. Нет пустые земли, без люди. Везде есть черные люди, много. Есть большие люди, мало. Только за большая река нет! Тут холодно и жить много большие люди, Дим и племя Солнца. Теперь тут жить и л'тоа!

Часть из этого мы уже знали из рассказов Мтан и ее подруг. Земли между Кумо-Маньчской впадиной, сейчас затопленной, и Доном были заселены кроманьонцами и

редкими малочисленными семьями неандертальцев. Но вот о том, что именно это затопление привело к Лантирску остатки "старых людей", прячущихся на обширных просторах Закавказья, раньше не слышал никто.

— Ч'чонг, и как они живут?

— Не как племя Солнца. Мало черные люди одна стоянка. Только когда с теплых земель приходят новые черные люди, собираться вместе. Вместе они отгонять новые черные люди назад.

— Всегда отгоняют?

— Нет, руку... да, руку и один зима назад много злые черные люди пройти дальше, на восход. Они есть другие черные люди. Они хорошо уметь драться!

Не о том ли племени черных людоедов, с которыми столкнулся сначала род Гремящей воды, а затем и мы с покойным Раугом, говорит этот старик? По времени похоже...

— Может, попробуем сами прогнать черных людей за Великую Реку? Мы же победили род Большезуба?

Я, конечно, понимаю желание Ленга поквитаться с обидчиками, но сейчас он явно торопится

— Мы победили их, сидя за надёжными стенами. Сколько воинов выставили черные люди? Пять сотен?

— Наверное, я не очень хорошо считаю..

— Даже если чуть меньше, пока мы будем перезаряжать оружие, большая часть этой толпы добежит до нас. И что тогда?

— Ну, если мы пойдем с верховьев реки вниз, то можно будет уничтожать каждую их стоянку по отдельности.

И далеко мы так дойдем? Черные люди не глупее нас, они сначала отступят, а позже соберут все силы вместе, и задавят числом. Нет, Лэнг, пока у нас не будет сотни стрелков, ни о какой освободительной войне можешь и не мечтать.

— Но мы же пойдем к ним, пусть и позже?

— Обязательно!

К нам подсаживаются женщины, их больше интересует не наступление, а защита.

— Дим, нужно перенести юрты дальше от стен. Много копий проббили стены, только чудом не заделали детей.

— И куда? Все доступное место уже застроено. Даже на площади сейчас устанавливают юрты для людей, которых приведет Тинг. Если к городу вновь подойдут враги, всем детям на это время нужно будет просто укрыться в домах. Они намного крепче.

— А взрослым как укрыться?..

Вопрос справедливый, чего уж там... На нашей стене нет зубцов, укрыться от броска копья можно только резко присев или пригнувшись

— Завтра я покажу мастерам как делать щиты. Нет, не те маленькие, для защиты от волков. Большие, в рост человека, они защитят от копий воинов.

— Копья убили женщин за стенами, мы даже подняться ещё не успели!

— Стоять нужно рядом со стеной, под настилом. Все, кто метнул дротики, должны спуститься и пропустить наверх других, а сами отбежать под защиту домов! Нельзя сбиваться в толпу!

Завтра же дам задание Кругу Мастеров сделать длинные навесы на подходах к лестницам, ведущим на стену. И нужно будет проводить тренировки, хоть раз в месяц. Тогда

не будет бестолковой суеты, наука там не хитрая, но потери среди населения сведутся к минимуму...

Разошлись мы далеко за полночь, но эти посиделки помогли выявить многие слабые места в обороне, и на следующий день люди начали их активно исправлять.

Солнечные дни вновь сменились серой мглой, но теперь в ней появились большие разрывы. Пепел постепенно оседал ниже, и дожди вымывали его из атмосферы. Самого худшего — длительной вулканической зимы — не случилось, погода постепенно возвращалась в привычные рамки.

Пока плотники модернизировали стену, я занялся изготовлением ростового щита. За основу взял широко известный скутум, представляющий собой слегка изогнутую прямоугольную пластину, охватывающую тело воина, с одной горизонтальной ручкой и умбоном по центру. Такие щиты хорошо зарекомендовали себя на протяжении сотен лет истории Римской Империи, став важнейшей частью экипировки легионеров. Они хорошо защищали воинов от копий, стрел и болтов, а при построении "черепаха" — и от обстрела со стен крепостей и возвышенностей. Позже их опыт переняли византийцы, слегка изменив форму — закруглив края и сделав щиты более плоскими.

Каркас я набрал из тонких дубовых и берёзовых дощечек, формируя из них три слоя с продольным и поперечным расположением. Толщина щита увеличивалась от кромок к середине, где составляла полтора сантиметра. Затем все тщательно проклеил между собой, и оставил сохнуть в изогнутом положении.

Пока каркас сох, вырезал крепкую ручку, за нее боец будет удерживать щит кулачным хватом. Для обшивки сначала использовал кусок шкуры шерстистого носорога, выбрав самый тонкий участок. Более толстые, со спины, достигали четырех сантиметров, и были слишком тяжёлыми. Этот материал, как и большая часть шкуры мамонта, мог подойти только для изготовления стационарных башенных щитов. Не намного хуже получился вариант со сложенной вдвое кожи туров и бизонов, он у нас и станет основным для массового производства. Умбон выковали в кузне, впоследствии его закрепили напротив рукоятки, он должен будет защитить кисть руки воина при прямом ударе копья.

Готовый щит получился метр сорок в высоту и восемьдесят сантиметров в ширину, весом в пятнадцать килограмм.

Литые шлемы на манер древнерусских шоломов изготовить пока не было возможности, чугун для этой цели не годился, а меди или бронзы у меня не было. Сделать металлические клепанные шлемы из нескольких частей кузнецы Лантирска пока тоже были не в состоянии, хоть и двигались в этом направлении.

Поэтому я принял единственное возможное решение — сделать шлемы составными. Достав изготовленные ранее прототипы, выбрал самый удачный из них, слегка его доработав. Теперь больше всего мой вариант напоминал западноевропейские или византийские шпангельхельмы.

Основная деталь — толстая кожаная шапка, плотно облегающая голову, подшитая мехом изнутри. Сзади к ней пришита "юбка", по бокам — широкие нащечники, спереди — наносник. На нее сверху крепилась сплошная полусфера из железа, а на остальные части в дальнейшем предполагалось нашить пластины из того же материала, или заменить дефицитное железо костью.

Получившие от меня новое задание, кузнецы самостоятельно придумали осаживать раскалённый железный лист между двумя деревянными формами. Так мы доросли до

горячей штамповки...

Конечно, при первой же плавке деревянные матрицу и пуансон заменим чугунными, но пока люди справились и так, разве что сажу от обуглившихся форм пришлось оттирать. За внедрение "нового" метода в производство я вручил каждому мастеру хорошую премию, и сообщил всем, что отныне такая награда будет выдаваться за любое полезное изобретение. Нужно всеми силами стимулировать в неандертальцах развитие смекалки и творческой жилки, так они смогут и сами двигать прогресс!

Ночью заглянул в сон Тинга, и глава рода Горностаев рассказал мне о своих приключениях

... На высокий берег большой реки передовой отряд,двигающийся чуть впереди от основного состава, вышел рано утром. Впереди, в каких-то сотне метров, расположилась большая стоянка, и ее хозяева их уже заметили. Огромные, не человечески быстрые фигуры шестерых неандертальцев бежали к ним, заноса копы для броска. И только команда подоспевшего Тинга спасла им жизнь.

— Ложись!

Мужчины без колебаний падают в траву, и тяжёлые копы со свистом проносятся над ними.

— Стрелкам — залп!

Слитные щелчки арбалетов и спущенных тетив луков остановили последних воинов рода Большезуба. Все шестеро упали, и были без жалости добиты подбежавшими копейщиками. Эти враги были уже в возрасте, их длинные светлые волосы окончательно выбелила седина. Может, поэтому они и не пошли в набег к Лантирску, оставшись здесь, вместе с женщинами.

То, что им доверили охрану всего имущества — и живого, и трофеев, говорило о высоком статусе этих стариков. Трупы обыскали, у каждого оказался железный топор на пояском ремне и нож в грубых самодельных ножнах, болтавшихся на шее. Ожерелья из десятков разнообразных клыков и когтей никого не заинтересовали, их и после битвы под стенами города никто не брал.

Дальше просто так идти было нельзя — между юртами показались десятки крепко сложенных женщин, сжимающих в руках копы с каменными наконечниками. Лица измученные, но решительные, под глазами то ли мешки от усталости, то ли следы от ударов. Часть из них выглядели старухами, но некоторые ещё не растеряли былой красоты.

— Все знающие закатные наречия — ко мне!

Вскоре завязался разговор, а когда опознали четверых мужчин как родичей, все оружие разом полетело в сторону. Некоторое время слышны были только отдельные фразы, на разных языках

— Мы пришли забрать вас домой!

— Нет, мы не пойдём на запад, ваших родов там нет... Но они есть в Лантирске!

— Город — это место, где живут десятки родов, и так много людей, что легко перебили воинов Вечного Льда!

— Дим — очень сильный энной, он бросил вызов злым Предкам! И они его не трогают, потому что слабее!

— Все к огню, сейчас мы вас накормим!

— Пратт, тащи мешок с пеммиканом!

Постепенно первые эмоции от встречи схлынули, и разговор перешёл в более

конструктивное русло. Женщин было много — сто пять человек, половина из них беременны, остальные с грудными детьми.

— Мы шли сюда шесть дней — много времени ушло на поиск бродов через реки. Назад пойдем по оставленным знакам, уже быстрее.

— Нас примут в "городе"?..

— Если бы Дим не хотел вас принять, он бы не отправил нас сюда.

— Мы правда теперь свободны? А как нам жить без мужчин?

— Свободны. С мужчинами у нас не очень, вы ещё попробуйте найти себе мужа...

Думаю, на свадебной церемонии вам всем предоставят право стать вторыми женами.

— А первые жены... они не будут против?..

— Решения Дима и трех Кругов обязательны для всех. Не бойтесь, не побьют они вас, вон вы какие вымахали, сами кого хочешь побьете...

Пока собеседницы обдумывают полученную информацию, Тинг задаёт не менее важный вопрос

— Лучшие части от добычи охотников рода Большезуба здесь?

— Да, они все ушли налегке, забрали только оружие. И сыновей... Наши дети живы?

По враз помрачневшим лицам мужчин ответ стал ясен и без слов.

— Их напоили отваром грибов, да? Он помогает не чувствовать боль и страх, не чувствовать ничего кроме желания выполнить приказ старших.

— Да...

— Варг не разрешал поить им детей... Но когда его убили, все запреты объявили выдумкой.

— Варг был очень сильный энной. Как он умер?

— Они долго готовились. А потом ночью задушили всех, кто был верен вождю, и его самого. Тогда многих убили, две руки сильных воинов.

— Я считал, что энной увидит заговор заранее

— Он и видел его... Но считал, что так, в постоянной борьбе, мужчины рода становятся сильнее.

— Глупо...

— Варг ошибся, но он жестоко отомстил за свою ошибку. В первую же ночь после его смерти в Земли Вечной Охоты отправились все заговорщики. Две руки людей сразу, и ещё одна — к вечеру, пролежав неподвижно весь день.

— И что случилось потом?

— Старшие охотники, те, которых вы сегодня убили, сказали, что во всем виноват энной Дим. Он дал мало железного оружия, значит, его и всех слабых людей нужно убить, а железные вещи — забрать.

— Поэтому род Большезуба не пошел к Вечному Льду, и остался здесь?

— Не только... Мужчины больше не хотели жить как раньше. В теплых землях много лёгкой добычи, так зачем усложнять себе жизнь? Так решили старшие...

— Понятно. Их поход провалился, хоть эти люди и успели причинить немало вреда.

Наутро обследовали стоянку. Ожидания оправдались — найденные трофеи с трудом поместили на принесенных с собой колёсных рамах. Каждую нагрузили так, что прогинались несущие жерди...

Кроме ожидаемой мамонтовой кости, рогов и бивней нашли и оружие самого Варга — и топор, и тот самый "меч", совсем недавно переданный энной. Он вообще оказался

запасливым стариком — в свертках шкур, тщательно упакованные, лежали сушеные грибы, полоски необычного мха странного фиолетового оттенка, пучки трав и корней. Их оставили на месте, а вот тяжёлые жёлтые камни, так ценимые Димом, забрали все...

Рассказ Тинга меня обрадовал — прежде всего потому, что он сберёт своих людей. Всё-таки я не был уверен до конца в том, что Варг сказал мне точное число своих воинов...

Теперь им предстоял обратный путь, с тяжёлым грузом он растянется на долгие две недели. Лантирская неделя хоть и короче обычной — в ней всего пять (одна рука) дней — но все равно, без половины воинов, покинувших город, я чувствовал себя неуютно.

Но удар нам нанесли совершенно с другой стороны...

Глава 4. Тысячелетний страх

*Не отступай назад
Сожми кулак и бей
Пойми, что этот ад
Не стоит слез из глаз твоих детей
Не нужно больше ждать
Сожми кулак и бей
Нам нечего терять
Кроме своих оков, решеток и цепей
Loupa, "Бойцовский клуб"*

Интерлюдия 1

*... Несколько искорок затухали на исполосованном сотнями шрамов запястье.
— Ничтожества!*

Варг брезгливо отряхнул руку, бесконечная гонка за силой выматывала почище долгой загонной охоты. С тех пор, как Зерг отправил его в Первую Пещеру, он только и делал, что мстил, растрачивая накопленную за годы жизни силу.

Сначала старый энной посетил сны всех заговорщиков, с удовольствием лишив их и жизни, и короткого посмертия в Землях Вечной Охоты. Все шло отлично, род Большезуба очистился от слабых!

А потом все рухнуло... Он не стал вмешиваться, когда старшие охотники решили забрать у наглого молодого энной с восхода все оставшееся железо и самых крепких женщин. Они были в своем праве, праве сильного. Ради этого стерпел даже неслыханное кощунство — род стал на стоянку в теплых землях!

Но его воины, ради которых и сам Варг, и давно умершие Предки, на протяжении сотен лет отбирали только лучших людей, потерпели поражение... Более того, они, уверенные, что жалкие слабаки, живущие на юге, не способны драться, как подобает мужчинам, отправили добывать славу и уважение детей!

— Тупицы!!..

Помотав головой, чтобы разогнать затмевающую разум волну ярости, Варг со злостью ударил кулаком в застывшее "эхо" Дима. Проклятый мальчишка все ещё жив! Жаль, что его здесь нет, этой тени не навредить... Отодвинувшиеся было старики, сидевшие рядом, переглянулись, и, сцепив руки, создали Стену.

— Труссы! Выйдите и сразитесь со мной!!

Ему никто не ответил... Пусть тратят свою силу, он оставит их напоследок! Последний энной погибшего рода, он обладал многими знаниями, в тайне передающимися от отца к сыну. Такого не умели и сами Предки...

— Ничтожные черви, трясущиеся над своей такой же ничтожной жизнью! Вы не захотели мне помочь! Но больше вас никто не будет спрашивать!

Варг спешил, прекрасно зная о том, что в мире живых время течет быстрее. Его мысли все чаще путались, осталось только одно желание — отомстить, любой ценой! Никаких правил и запретов! Даже если придется уничтожить этот мир...

Проснулся я от крика жены. Ей приснился кошмар, и она, сама толком не понимая, чего так испугалась, не смогла уснуть до утра. Прижавшись ко мне, Эрика рассказывала, что

видела во сне переливающиеся полосы света, совсем как на ночном небе.

— Ты испугалась северного сияния?..

— Дим, оно было совсем другим, необычным. На небе свет зелёный, а я видела ещё и красный...

— Не бойся, это только игра твоего воображения. Я рядом, мы в доме, за крепкими стенами, Лантирск охраняют десятки воинов. Ты в безопасности!

— Я испугалась не этого... За этим "северным сиянием" была темнота. Потом проступил силуэт огромной фигуры, ещё более темной. По ней пробегали красные искры, и она тянула ко мне руку...

— Но ты же не поддалась?

— Нет, но я очень испугалась... Совсем как в детстве, когда нам рассказывали о таящихся во тьме опасностях...

— Все хорошо, ты ведь уже взрослая, и не веришь в эти сказки. Правда, любимая?

— Да, Дим... Но все равно было очень страшно...

На утро вновь выглянуло солнце, и вскоре Эрика уже забыла о своем сне, отвлекшись на сына и ежедневную работу. Я продолжал собирать первый шлем, подгоняя его по своей голове. Понадеявшись на хорошую погоду, часть людей занялась формовкой кирпичей, остальные отправились к реке за глиной.

Мирный, спокойный день пролетел незаметно. Вечером большая часть населения города снова собрались у костров, поужинать и поболтать перед сном. К привычным темам разговоров — погоде, работе, проделкам детей неожиданно добавилось и обсуждение сновидений.

— Моей дочери сегодня страшный сон приснился... Давно такого не было, мы уже и забыли о таких кошмарах.

— Мне тоже какая-то муть снилась!..

— И я спал плохо, что сейчас на небе дурные знаки, что во сне...

Последний мужчина недовольно поглядел на яркие переливы зелёного света, уже несколько дней освещавшие ночью Лантирск. Похоже, на Солнце снова вспышки. Но само по себе никаких кошмаров это природное явление раньше не вызывало...

— Лтар, позови сюда свою дочь. Я хочу услышать о том, что ее напугало

— Да не обращай внимание, мало ли что ребенку приснится. Нечего ей делать на собрании взрослых...

— Лтар!

— Сейчас позову... Ри-Ка, бегом сюда!

К нам подбежала молодая девушка, лет тринадцати-четырнадцати на вид. Скоро Лтару придется ее отпускать в дом мужа, совсем невеста уже.

— Отец, ты звал?

— С тобой хочет поговорить вождь нашего племени. Отвечай четко, не болтай о всяких пустяках, как всегда...

— Лтар!!

Глава рода Куниц, раздражённо махнув рукой, подвинулся, и девушка присела рядом с ним, настороженно глядя на меня.

— Рика, расскажи мне о своем сегодняшнем сне.

— Эээ... Дим, то есть энной Дим... Мне снился кошмар, и отец уже отругал меня за то, что я рассказала об этом...

— Я не буду тебя ругать. Рассказывай, это может быть важно.

— Мне снилось вот это!

Девушка показывает пальцем в играющее всеми оттенками зелёного ночное небо.

— А ещё?..

Сидящая рядом со мной Эрика, игравшая с Ингваром и другими детьми, подалась вперёд.

— За этим свечением была какая-то черная фигура, вроде человек... Он хотел меня утащить за собой, я испугалась, закричала... И отец меня разбудил. Вот.

Мы с женой переглядываемся. Не могут несколько людей видеть один и тот же сон. Вскоре мои подозрения усилились — ещё трое людей видели то же самое.

Я давно привык к тому, что вера моего племени в новую, лучшую жизнь и в меня, как проводника этих перемен, защищает нас. И от других Говорящих с огнем, и от давно мертвых энноев в Первой Пещере. Но сейчас кто-то настойчиво пытался захватить сознание спящих!

Зря люди винили северное сияние, оно тут не при чем. Я вспомнил, что когда Варг попадал в мой сон, и наоборот, мы были окружены похожим барьером. С моей стороны он ведь тоже был зелёным... Варг! Кроме него, больше некому — Дим не переходил дорогу остальным Говорящим с огнем, а призраки Предков на такое были не способны. Но как?

Раньше я несколько раз пытался заглянуть в сон человека, связанного с энным паутиной энергии. И меня тут же выбивало из транса, ощущения были похожи на хороший удар по голове. Свечение и насыщенность цвета Лантирска сейчас превосходила даже род Большезуба на пике силы, не говоря уже об остальных огоньках на западе. Как Варг смог не только удержаться рядом с защищёнными людьми, но и попытаться повлиять на них? Сейчас бы расспросить Арику, Сенга или Нику...

— Дим, это Варг?

Эрика не хуже меня умела складывать факты.

— Да.

— Что нам тогда делать?

Хотел бы я это знать... Единственный способ хоть как то усилить меня, и защиту племени — вера и мысли о лучшей жизни. Почти молитва...

— Верить, что Варгу не хватит сил пробиться сквозь тот зелёный свет, что защищает нас.

Рика шмыгнула носом, втянула голову в плечи. Упоминание страшного энноя северных людей напугало ее не на шутку.

— Рика, попробуй перед сном подойти к Стене Памяти. Представь себе все хорошее, что было в твоей жизни. Посмотри на меня, Слав очень старался, энной племени Солнца живёт в дереве, и все слышит. Верь, что мы самое сильное племя в этом мире!

Разговоры стихли, нас слушают не только те, кто сидит рядом. От других костров подошли люди, и молча стоят рядом, ловя каждое мое слово. В огне тихо потрескивают дрова, зеленоватые языки огня облизывают бока котелка с чаем...

— Дим, смотри!

Я и сам уже вижу — в глубине изменившего цвет пламени среди багровых сполохов проступает темная фигура, а в висках нарастает ноющая боль...

Ну уж нет, не на моей территории! Закрываю глаза, представляю, как от всех людей ко мне тонкими струйками стекается живительная энергия. Рядом пискнула Рика, едва слышно выругался Лтар. Эрика обняла меня за плечи, стало чуть легче. Сквозь гулкие удары крови в

ушах слышу крики и топот ног, к нам со всех сторон подбегают все новые и новые люди.

— Давай руку...

— Держись за Эрику...

Сквозь прикрытые веки я продолжаю видеть огонь. Он разгорается все ярче, зелёная стена поднимается до неба, сливаясь с ним. Темная фигура окутывается красными искрами, пытается пробиться сквозь эту защиту, от нее во все стороны растекаются красные вспышки.

Варг! Теперь я различаю его лицо, тускло светящиеся красным угольки глаз, неотрывно смотрящие на меня.

— Беритесь за руки...

— Зовите остальных!..

— Все сюда!

Зеленый свет становится настолько ярким, что за ним уже ничего не видно. И боль разом исчезает, с плеч словно гора свалилась...

Костер горит так же, как и раньше, все это световое шоу происходило только в моем подсознании. Только в моем... или нет?

Вокруг меня собралась плотная толпа, больше ста человек. Эрика все ещё держит меня за плечи, но к ней протянулись несколько рук — Лтара, Рики и Утара. Они сжимают ладони других неандертальцев, формируя длинные разветвленные цепочки. И все они сходятся на мне...

Только маленьким детям все нипочём — и Ингвар, и его сверстники увлеченно вытаскивают из основания небольшой башенки отдельные ветки, стараясь не допустить ее падение.

Люди открывают глаза, часто моргают, привыкая к обычному освещению.

— Дим, он ушел?

Жена убирает руки и тоже трет глаза.

— Да, вы помогли мне его прогнать. Но если бы рядом не было столько людей, я бы не справился.

— Варг вернётся ночью?

— Только что он получил очень сильный удар. Чтобы его отразить, нужно было потратить огромное количество энергии. В Первой Пещере ее мало, огонь в центре только поддерживает силы энноев. Надеюсь, Варг надолго оставит нас в покое!

Прислушивающиеся к нашему разговору люди начинают улыбаться, возвращаются к огню, с сожалением глядя на пустые миски. Многие бегут к домам за добавкой... Несколько подростков кричат на всю площадь:

— Все слышали? Только что мы все помогли Диму победили самого сильного энноя из злых Предков!

— Варг слабый!

— Наша вера в Дима и добрых Предков сильнее!

Это происшествие сильно укрепило мою уверенность в своих силах. При хорошей поддержке мне нечего бояться! Хватит тянуть с посещением Пещеры Предков, проблему с Варгом нужно решать, и чем быстрее, тем лучше. Но сначала нужно будет дождаться возвращения отряда Тинга — почти девяносто человек дадут солидную прибавку к питающей меня энергии. Да и тонкие ручейки веры от приведенных им женщин не помешают, к части из них от меня уже протянулись бледные зелёные линии...

Ночь прошла спокойно, кошмары никого не мучали. Как я и предполагал, потеряв часть

сил, энной затаился. Ну и ладно, расстраиваться из-за этого мы точно не будем!

Шлем и щит я отдал Кругу Мастеров, процесс изготовления они видели, пусть начинают производство. Мужики только руками развели, все свободные люди заняты. Пришлось прикреплять к каждому по паре подростков, в ученики.

Мне их было и вправду жаль — те же плотники с ног падали от усталости, целый день выстругивая всего одну большую ровную доску. Про то, что в отходы при этом уходила большая часть бревна, лучше промолчу.

Мысль сделать лесопилку назревала давно, и сегодня я занялся подробным обследованием излучины Аркаима — почти все деревья на нашем берегу срубили, местность хорошо просматривалась. Рядом шагали Дар с Антом, таща длинные мотки веревок, отвес и примитивный невелир. Никаких линз там не было — просто полая деревянная трубка на треноге. Но даже так, с огромной погрешностью, но все же можно было вычислить перепад высот.

Река текла с юга на север по равнине, течение было не сильным. На двухкилометровом участке перепад высоты составил меньше метра. Это сразу ставило крест на постройке стационарной лесопилки с водяным приводом на берегу. Второй вариант — сделать плавучую лесопилку — тоже отпадал, слишком медленным было течение Аркаима. Единственным выходом могло стать сооружение дамбы ниже по течению. Она бы не только дала Лантирску дармовую гидроэнергию, способную привести в действие лесопилку, кузнечные меха и валы мельниц, но и существенно увеличила рыбные запасы. Жаль, что пока позволить себе подобные трудозатраты мы не могли...

Раз не получилось с рекой, придется использовать силу животных. Конные мельницы известны с глубокой древности и работали вплоть до начала двадцатого века, "джины" применялись при устройстве шахт. Так что мешает сделать лесопилку на конной или ослиной тяге?

Само устройство такого привода не слишком сложное. Из крепкого дерева делается вертикальный вал, к верхнему концу которого крепится крестовина с длинными плечами — их будут тянуть животные. Нижний конец вала, через кривошипно-шатунные механизмы, приводит в движение длинные зубчатые полотна, закреплённые горизонтально. Второй край этих полотен тянут противовесы. Сами бревна подаются на распиловку по деревянным каткам рабочими. Таким образом можно будет получить брус, обрешную и необрешную доску.

Опыт в изготовлении зубчатых пил у нас уже имелся, с ними проблем не будет. Основными трудностями станет изготовление двух массивных упорных подшипников из чугуна и отсыпка высокой насыпи, по которой по кругу станут ходить животные. Ещё с самими передающими механизмами придется повозиться, но там всего по три детали, соединённые шарнирами.

До вечера я просидел за расчетами, выходило, что такую установку мы сможем создать где-то за месяц, если отольём все чугунные детали. Лучше разместить ее на западе, где ещё был нетронутый лес, перед намеченной второй стеной. В дальнейшем, когда научимся изготавливать надёжные шестерни, можно будет сделать вторую такую установку, для более тонкой работы с деревом на дисковых пилах.

Ночью заглянул в сон к Тингу, и все мое спокойствие тут же исчезло. Лидер отряда не знал, что делать — вчера утром не проснулась одна из женщин, а сегодня вечером у костра замертво упали сразу две, вызвав настоящую панику среди остальных.

— Тинг, два дня назад Варг попытался захватить нескольких жителей Лантирска во сне, но не смог. Тогда он предпринял попытку повлиять на их сознание через огонь, и у него это почти получилось. Я смог отбить удар, но мне помогли все, кто был рядом... Понимаешь, к чему веду?

— Да... Но мы не можем отказаться от костров — места вокруг нетронутые, зверя много. И хищников тоже.

— Вам придется самим готовить еду, женщины не должны смотреть на огонь.

— Справимся, не в первой. Что тогда делать спящим, как защититься?

— Рассказывайте им как можно больше о городе, о наших порядках и обычаях. Пусть рядом с ними идут их родственники, и те, кто хорошо знает западные наречия.

— Сделаем, Дим. Двое охотников говорили мне раньше о странных снах, но я не придал этому значения.

— Они в порядке?

— Да, только не выспавшиеся были на следующий день.

— Вы все уже привыкли к новой жизни, и верите в выбранный мною путь. А эти женщины — ещё нет, хоть и пытаются, я это вижу. Они сейчас очень уязвимы, Тинг. Постарайся их сберечь.

— Я попробую. Но обещать не могу, сам понимаешь...

У меня уже получалось покидать сон собеседника аккуратно, из транса выбивало все реже. Вот и сейчас я разглядывал линии, протянувшиеся от меня к людям возле костров. Восемьдесят семь ярко-зелёных "паутинок", это отряд мужчин. О них можно пока особо не беспокоиться. Гораздо более тусклые линии связи к женщинам, которых ведут в город. Но они есть — пятьдесят, семьдесят, девяносто одна! И одиннадцать едва различимых нейтрально-белых точек...

Все они — потенциальные цели для Варга. Но если он может заглянуть к ним в сон, почему этого не могу сделать я? Сейчас полночь, до утра можно успеть нанести несколько таких визитов.

... Над морем дул ветер, холодный пронизывающий. Редкие снежинки кружились в воздухе, неприятно покалывая кожу. Впереди, в паре сотнях метров, среди нагромождения невысоких скал и утесов, расположилось лежбище моржей. К ним медленно подкрадываются два пожилых неандертальца, вот один из них заносит для удара копьё, и с силой отправляет его в небольшого детёныша огромных ластоногих.

Картинка странно подрагивает, вот уже добытую тушку тащат к небольшой прибрежной пещере. У входа стоят несколько человек, и совсем маленькая девочка. Она неотрывно смотрит на приближающихся мужчин, ведь один из них — ее отец. Сегодня у всего этого небольшого рода будет вкусный ужин.

— Не бойся меня. Я не Варг, и не причиню тебе вреда.

— Кто ты, энной?

Образ девочки плывет, меняется, и передо мной уже стоит взрослая женщина. Несколько лет назад она была очень красивой, но жизнь с родом Большезуба не пошла ей на пользу.

— Меня зовут Дим. Это я послал отряд мужчин за вами.

— Я Гек-Ка. Зачем же ты пришел в мой сон?

— Извини, что помешал досмотреть его до конца... Гекка, ты ведь знаешь, что троих твоих подруг уже не стало?

— Да. Варг не прощает предательства...

— Они умерли, потому что до сих пор верят ему. Слышишь меня? Нельзя бояться, это даёт ему силу!

— Это проще сказать, чем сделать. Я прожила рядом с ним три зимы... Знаешь, каково это — потерять дочь?

— Когда это случилось?

— Прошлой зимой, он просто забрал ее у меня, и больше я ее не видела! Это страшный человек, раньше он убивал всех новорожденных девочек, но мне разрешил оставить ее на год...

— Гекка, твоя дочь жива. Я выкупил ее жизнь у Варга, и как только ты доберешься до Лантирска, вы снова будете вместе.

— Правда?..

Я молча киваю, слова здесь больше не нужны. Совсем немного затраченного времени, короткий разговор — и от Гекки ко мне протянулась тоненькая нить доверия...

... На горизонте возвышаются белоснежные горные вершины. Но здесь, внизу, снега нет — небольшая уютная долина заросла смешанным лесом. На поляне, между пятеркой юрт, горит большой костер, готовят еду женщины, играют дети.

Изображение подергивается дымкой, и вот уже между жилищами появляются высокие, широкоплечие фигуры светловолосых охотников рода Большезуба. К ним подходят гораздо меньшие местные мужчины, но разговора не получается — всего несколько хорошо поставленных ударов, и они летят на землю. Один из "гостей" вытягивает руку в сторону молодой девушки, она в ужасе подаётся назад...

— Не бойся, это только сон.

Картинка застывает, и вновь черты лица моей собеседницы меняются, но на этот раз совсем немного. Ее забрали совсем недавно, скорее всего прошлой осенью.

— Ты тот, кто нарушил волю Предков?

— Да.

— Энной Дим... Верно?

— Все так. Вам должны были рассказать, куда вас ведут.

— Говорили... Но как может один человек сопротивляться другим энноям? Предков очень много...

— Как тебя зовут?

— Ма-Ли-Ка...

— Малика, ты права в том, что один мужчина не сможет победить сотню других мужчин. Но если перед ним будет сотня... скажем детей, проживших всего пару зим?

— Духам Предков столько зим, что мы не можем этого даже представить, Дим!

— Верно. И за это время они растратили почти всю свою силу, понимаешь? Только то, что их очень много, сотни, если не тысячи, позволяет этим призракам держать в страхе живых людей.

— А Варг?.. Он переселился в Первую Пещеру недавно, и его сила никуда не делась!

— Его сила тоже не безгранична. Недавно он попытался причинить вред тем, кто верит в меня.

— Я же говорю!..

— У Варга ничего не вышло, Малика. Подумай, почему так получилось. Может, из-за того, что вера моих людей оказалась сильнее воли Предков?

Надеюсь, моих доводов хватит, чтобы эта женщина стала сомневаться в привычной с детства картине мира. Иначе она просто погибнет...

До утра получилось убедить ещё двоих. Время во сне текло быстро, казалось, совсем короткие разговоры занимали по нескольку часов. Весь следующий день я проходил не выспавшийся и уставший, словно не пролежал у огня всю ночь, а лес рубил... Да и есть сильно хотелось, особенно тянуло на сладкое — вождь не удержался, и наведаясь к пчеловодам. Взрослые мужчины сильно удивились, обычно к ним с такой просьбой прибегают дети, но кусок сот с медом мне вручили.

Раньше я не проводил столько времени в трансе, и особых последствий не ощущал. Сейчас же, потратив много энергии, организм искал самые простые способы ее пополнить. "Быстрые углеводы" — мед и сахар подходили для этого как нельзя лучше.

Возле Стены Памяти стало собираться намного больше людей. И взрослые, и подростки подолгу стояли перед огнем, смотря в неподвижные глаза статуи энной. И, странное дело — к вечеру я полностью восстановился, и ощущал в себе силы продолжить гонку с Варгом — кто быстрее доберется до последних семерых сомневающихся женщин. Надеюсь, успею предотвратить появление новых могил у Тинга за спиной...

Внезапно меня осенило — зачем вообще ввязываться в гонку, если можно просто закрыть сознание человека? Тем более способ был мне давно известен. Отряд взял с собой около двух литров крепчайшего самогона, на случай ранений, и этот запас сейчас очень понадобится!

Теперь наступления ночи я ждал с нетерпением. К сожалению, хороших новостей не было — отряд похоронил ещё двоих...

— Тинг, слушай меня внимательно. После нашего разговора попытайся сразу проснуться. Ты должен найти и разбудить пятерых женщин, трое из них на самом краю лагеря, они вместе, метки почти сливаются. Одна недалеко от костра, ближе всего к ней сейчас Пратт. Последняя примерно на одинаковом расстоянии от тебя и Зенга.

— Если они не перешли на новое место, я их разбужу. Что дальше?

— Раздели спирт, огненную воду на... Сколько вам ещё идти?

— Шесть дней, быстрее никак — слишком большой груз мы везём.

— Значит, делишь огненную воду на шесть равных частей. К одной части добавь воды до полного горшка. И этой разведенной огненной водой напои разбуженных.

— Не много для них будет? На свадебной церемонии ты отмерял крохотные порции, и то потом голова гудела...

— В самый раз. Их сознание на некоторое время закроется, от Предков, от меня. И, главное — от Варга.

— Ясно. Идти то они сами смогут после этого?..

— Не знаю, Тинг. Пусть их поддерживают подруги. Это будет лучше, чем смерть. Все, давай, просыпайся!

Около часа я пролежал, разглядывая слабо освещенные мерцанием огня в печи силуэты спящих Ингвара и Эрики. Затем попытался проникнуть в сон одной из оставшихся женщин, и потерпел неудачу. Вторая, третья, четвертая... А вот пятая спала, и ее сознание не было закрыто. Тинг перепутал, напоил не ту? Или не успел?..

Шагнув дальше, и очутился в непонятном месте — такие сны у неандертальцев мне ещё не попадались. Равнинный пейзаж покрылся трещинами, словно старая фреска. Стоянка людей неподалёку то появлялась из воздуха, то вновь исчезала. Сама хозяйка сна лежала на

земле, свернувшись в клубок и прикрыв голову руками. Ей было чего бояться — прямо передо мной, закрывая половину горизонта, мерцала багровыми сполохами сфера искажений. Ее край, расширяясь, приближался к нам все ближе. Варг, чья огромная фигура делала его похожим на сказочных демонов или великанов, просто шел вперед, разрушая чужой сон.

Я нагнулся к лежащей на земле женщине, поднял ее. Не знаю, что она увидела или представила себе, но мое появление напугало ее ещё больше. Женщина, что-то шепча побелевшими от страха губами, вырвалась из моих рук, и бросилась прочь...

Далеко убежать не получилось — едва она пересекла границу приближающейся сферы, как рука Варга, в одно мгновение вытянувшаяся на десяток метров, схватила добычу. За его спиной появился хорошо мне знакомый огромный зал, с горящим в центре огнем. Вот только светящегося зелёным купола я там раньше не видел!

Отчаянный крик жертвы закладывает уши, и они оба исчезают. Мир чужого сна вокруг начинает стремительно осыпаться, все расплывается клочьями серого тумана. Вот на глазах истончается рукав одежды, вот начинает бледнеть кисть руки... Ощущение страшной опасности нарастает, я изо всех сил пытаюсь проснуться — и меня наконец выбивает в реальность.

Только что я проиграл, вчистую... Варг даже не обратил на меня внимание, его интересовала только хозяйка сна. Зачем он ее убил? Только ради мести, или старый энной преследовал другую цель?

Потирая онемевшую ладонь, подумал о том, насколько большой была фигура моего противника. Когда мы разговаривали с ним раньше, он не сильно отличался от обычных неандертальцев — да, покрупнее и помускулистие, но в пределах разумного. А тут я чувствовал себя пигмеем, пытающимся перехватить мяч у баскетболиста!

Решив больше не искушать судьбу, вернулся к безмятежно спящей семье. Нужно нормально выспаться, кто знает, до чего могут довести такие игры с подсознанием...

Следующие дни, чтобы отвлечься от невеселых мыслей, я занялся давно откладываемым "на потом" делом — получением краски, точнее, красящих пигментов. Выбор пока был небольшой — из охры путем ее растирания добыл жёлтый порошок, а из нее же, прокаленной на огне — красный. Получить белый порошок каолина и черный из сажи тоже никаких трудностей не составило. Сложнее было с лаком — мне не хватало последнего компонента, олифы. Все остальное — канифоль и скипидар — можно получить из смолы хвойных растений (живицы), при ее перегонке с водяным паром. Отвердитель — сплав канифоли с гашёной известью, тоже получить не сложно. Сейчас мы использовали пигменты для окрашивания дерева, втирая их в поверхность вместе с воском. Процесс не самый технологичный, и получить надолго стойкий цвет не получалось.

А вот первый органический краситель у меня был! Ещё в прошлом году, при вырубке леса, я заметил на дубовых листьях многочисленные красно-коричневые наросты. Это оказались насекомые-вредители, намертво присосавшиеся к поверхности. Их яркий цвет и внешняя схожесть с кошенилью навела меня на мысль о кармине. Этот ярко красный краситель изготавливают, размалывая панцири похожих жучков, заливают горячей водой и отфильтровывают полученный раствор. Настоящий кармин получают добавлением сульфатов калия и алюминия, образующих ярко-красную соль. Я поступил проще — просто выпарил раствор до образования темно-красного порошка сухой кошенили. Ним можно было красить ткань, и, из-за отсутствия опасных химических соединений, применить как пигмент

для губной помады.

Пять оттенков "главного женского оружия" получились путем добавления различного количества каолина, от темно-бордового до ярко — красного и нежно-розового. Основой послужила смесь воска и жира, нужное соотношение получилось подобрать после десятка попыток. Все это я упаковал в небольшие высверленные изнутри кусочки гладко ошкуренных веток, добавив поршень снизу в виде подходящей по диаметру палочки. Закрывался каждый такой "флакон" плотно подогнанной пробкой.

Конечно, первыми косметику попробовали женщины рода Искателей Знаний. Не сразу, с моими подсказками, они освоили новую науку. Учитывая, что единственным зеркалом была тщательно отполированная железная пластина, это было сложной задачей... Впрочем, выход нашли быстро, помогая друг другу наносить помаду. Вечером они получили заслуженную порцию восхищённых мужских и завистливых женских взглядов...

Меня и весь Круг Мастеров стали осаждать по всем правилам военного искусства, требуя наладить производство таких замечательных вещей. Я-то еще кое-как отбил, сославшись на занятость, а вот остальным пришлось обещать изготовить такие наборы для всех представительниц прекрасного пола к ближайшей свадебной церемонии. Женщин в Лантирске много — в два с лишним раза больше, чем мужчин, поэтому работать над таким заказом им придется долго.

Вся эта суета с косметикой хорошо отвлекла не только меня, но и остальных жителей города от так и не решённой проблемы с Варгом. Тот пока никак себя никак не проявлял, и люди немного успокоились. Тинг был совсем рядом, в одном дневном переходе, и уже завтра к вечеру должен подойти к городу. Короткий разговор с лидером отряда внушал оптимизм — спирт действовал отлично, больше смертей во сне не было.

С утра начали установку временного жилья для возвращающихся, уже в который раз собирая карантинный поселок за стенами Лантирска. С момента встречи с остатками рода Большезуба прошло уже восемь дней, если все нормально, то долго там жить им не придется — два-три дня максимум. Полностью отказываться от этой меры предосторожности я не хотел, с увеличением количества населения любая ошибка будет обходиться все дороже. Да и изменять мною же введённые правила не стоило.

— Дим, осторожно быть! Маленький великий зверь как ребенок, любить играть. Если он наступит на ногу, беда быть.

Ч'чонг, стоящий рядом, наблюдает, как я кормлю мамонтенка с рук, протягивая тому охапки сочной травы. За моей спиной Эрика, она держит на руках сына и опасно поглядывает на подошедших взрослых животных.

— Не бойся, она тоже мать и приглядывает за своим ребенком.

— Этот "ребенок" весит больше бизонов, которых приносят охотники!

— Он ещё маленький... Смотри, ему нравится!

Я глажу теплый морщинистый хобот, зверь фыркает и, оставив траву, ощупывает его кончиком мои руки и лицо. Не могу удержаться от смеха. Щекотно!.. Ингвар поддерживает меня, его звонкий смех колокольчиком разносится над речным берегом. Забираю его у жены, теперь, сидя у меня на руках, он может сам покормить такого чудесного зверя. Сын в полном восторге!

Двое других детенышей подходят к Эрике, и я подвигаю к ней корзинку клубней и толстых питательных корней, нарытых утром л'тоа. Жена набирает полную пригоршню угощения, протягивает сложенные ковшиком ладони вверх, и его тут же подхватывают.

Взрослая самка издает негромкий трубный звук, один из детенышей пытается его повторить. И вот уже все семейство мохнатых гигантов, окружив нас, знакомится с новыми двуногими, которые принесли им вкусную еду...

Мамонты часто отходили от города в степь, здесь травы им не хватало. Но проходил день, другой — и вот уже они громким ревом оповещали Лантирск о своем возвращении. Наблюдая за лесорубами, детёныши, считая это игрой, захватывали хоботами обрубленные ветки, и, подражая людям, стаскивали их в кучи. Иногда к ним присоединились и взрослые, с легкостью поддевая бревна бивнями и в считанные минуты перенося тяжёлый груз к штабелям. Долго это не продолжалось, животные, "поиграв" таким образом, получали заслуженное лакомство и уходили пастись дальше. Но полезный навык постепенно закреплялся, такие случаи происходили все чаще. Ничего, скоро мы продолжим заготовку сена, корма станет вдоволь, и это ещё больше привяжет мамонтов к людям!

— Идут!

— Наши мужчины возвращаются!

Отряд Тинга с наблюдательной башни заметили ещё издали, когда они пересекали большую поляну среди леса в десяти километрах от нас. И все это время дозорные "вели" приближающихся людей, замечая то одного, то другого человека в просветах между кронами деревьев.

Тяжело груженные колесные рамы прогрохотали по мосту, первые люди уже стали разгружаться, устало опустив поклажу на землю. Длинный караван все еще втягивался в поселок, а стоящим на стенах людям уже спешил Тинг. Помахав руками обеим своим женам, он подошёл ближе ко мне.

— Дим, твое задание выполнено!

— Молодцы, так держать! Как люди?

— Устали, но ничего из добычи по дороге не бросили, все довели. Женщины в порядке, только те четверо не хотят больше огненную воду пить, говорят от нее потом весь день голова болит.

— Потерпят, зато ночью спят спокойно... Ладно, больше никаких происшествий не было?

— Троиц сегодня ночью приснились кошмары, но проснулись все.

Плохо... Варг не оставляет попыток добраться до моих людей. Но как же быстро он восстановил силы!..

— Тинг, все здоровы? Ни на кого не напали невидимые злые духи?

— Все нормально, только тот проклятый энной вредил...

— Три дня ещё побудете за стенами. Отдыхайте, больше разговаривайте с новичками.

Воду и еду вам вынесут.

— Дим, огненной воды не осталось.

— И ее тоже вынесут. Потерпите ещё немного, как только вы переберетесь в город, я пойду в Первую Пещеру!

Надеюсь, что нам хватит сил справиться с Варгом. Все это — нападение северных людей, угрозы их бывшего лидера, поход к стоянке рода Большезуба — очень плохо отразилось на запасах пищи для людей и корма для животных. Лантирск уже долгое время находился фактически на осадном положении, и закрома, и так полупустые после зимы, стали показывать дно. Нужно было срочно восстанавливать и укреплять охотничий лагерь, без постоянного притока свежего мяса такое население не прокормить. Животные сейчас

перебивались на подножном корме, приходилось срезать молодой тростник и зеленые ветви деревьев у реки. Это перекрывало недостачу, но полностью заменить привычный рацион не могло.

Да и психологически было тяжело, особенно новичкам. Каково это — лечь спать, не зная, проснешься ты завтра или нет? Я вполне обоснованно полагал, что интенсивность окраски метки, обозначающей человека, напрямую связана с силой его веры. Если противник пытался попасть в сон Эрики, которая была рядом шесть лет и верила в меня безгранично, то что тут говорить о женщинах, узнавших о моем существовании всего десять дней назад...

А через день случилось ещё одно событие, подтолкнувшее меня действовать быстрее — в пламени костра я увидел лица Ники и Сенга. Они сидели с закрытыми глазами, только вздувшиеся вены и капельки пота на лбу выдают их напряжение. Рядом застыли фигуры других моих союзников, такие же безмолвные и неподвижные. За их спинами зелёными волнами переливалась уходящая к потолку пещеры стена света... Больше тянуть нельзя, меня просят о помощи!

Раннее утро. В чистом голубом небе ярко светит жаркое летнее солнце, вчерашняя мгла рассеялась без следа. Но привычный распорядок дня нарушен — люди, накормив животных, не приступили к своим обычным занятиям. Тонкими ручейками они стекают на площадь перед дворцом, заполняя и ее, и ведущие к ней дороги, и пространство рядом с домами. Здесь, у Стены Памяти, перед пылающим огнем, установили удобное "кресло" из набитых сеном мешков и мягких шкур.

За спиной стоит Эрика, за ней — мой деревянный истукан, притягивающий взгляды толпы. Энной Дим всегда на месте, он никогда не спит...

— Пора, любимая.

Прокаленный на огне, остро отточенный нож с лёгкостью разрезает кожу, и в небольшую глиняную миску бежит ручеек крови. Мне на плечи ложатся нежные ладони жены, крепкие руки Тура, Анта, Тинга, огромные лапищи Зенга и Утара. Доносятся первые возгласы со стороны собравшихся:

— Ди-ии-им!

— Ди-ии-им!!

Все больше людей присоединяются к нам, длинные цепочки взявших за руки лантирцев разбегаются во все стороны. Кожу начинает покалывать, словно электричеством. Я вдруг замечаю, что плохо двигавшаяся после посещения сна умершей женщины рука вновь сгибается нормально. Слитные возгласы моего племени, моего народа заполняют все вокруг, пугая птиц и отражаясь эхом от стен.

— Ди-ии-им! Ди-ии-им!!

— Ди-ии-им! Ди-ии-им!!

Сейчас мне нужны они все — вплоть до едва научившихся замечать что-то необычное в пламени костра детей и подростков. Прошлый раз, когда их было чуть больше сотни, Варг не смог пробиться. Теперь, опираясь на веру огромной толпы, я чувствовал, что с каждой секундой становлюсь всё сильнее.

Последние капли крови стекают по запястью, я быстро перевязываю рану полоской чистого полотна. Откидываюсь на спинку своего "кресла", и устремляю взгляд в ярко разгоревшееся пламя...

Мое появление в Первой Пещере не прошло незамеченным. В тот же миг, как

неподвижное "эхо" Дима ожило, окружающая нас всех зелёная полусфера скачком увеличилась в размерах. Та ее часть, что примыкала к костру засветилась, разбрасывая ослепительные красные и зелёные искры. Пол пещеры задрожал, как при землетрясении, где-то с грохотом падали камни. Опять я своими действиями разрушаю облик этого места...

— Что здесь происходит? Сенг, Арика, очнитесь!

Одна из фигур, окруживших меня, шевельнулась.

— Ты всё-таки пришел...

— Сенг, что с вами? Почему вы не двигаетесь?

— Мы бережем силы, Дим. Только поэтому ставший на путь истинной тьмы энной ещё не добрался до нас.

— Так это ваша работа?

Указываю на светящийся зелёный купол. Сенг молча кивает.

— Почему вы не позвали меня раньше?

— Надеялись справиться сами. Но два дня назад ты сильно разозлил Варга, разом лишив его половины сил.

— И? Он же стал слабее, верно?

— Да. Но не надолго...

— Он убил пятерых женщин из бывшего рода Большезуба, я не успел их защитить.

Рядом шевельнулась Ника. Медленно открыла глаза, сфокусировала свой взгляд на мне

— Дим... Пять человек не могли дать ему такую мощь, когда энной против воли приводит в Пещеру Предков обычного человека, ему достаются жалкие крохи силы.

— Варг пытался попасть в сон ко многим людям, но не смог.

— К ТВОИМ людям! На закате живет много, очень много родов людей, в которых нет энноев. Их сознание некому защищать!

Ч-черт!.. Значит, этот окончательно спятивший старик совсем недавно уничтожил сотни человек, по крупицам накапливая энергию!

Сенг, внимательно на меня посмотрев, удовлетворённо улыбнулся.

— Догадался собрать всех, кто в тебя верит?

— Да, сейчас шесть сотен человек стоят на площади Лантирска вокруг меня. Сенг, это правильно?

— Другого выхода нет. Если ты не пробудешь тут слишком долго, это не навредит людям, разве что несколько дней будут немного слабее и постоянно голодными.

— А если нет?..

— Сначала они начнут засыпать, и, через некоторое время, попадут в Земли Вечной Охоты. Подойди к огню, твой враг с другой стороны Очага.

— Как заставить его исчезнуть?

— Ты должен быть сильнее его, никакие хитрости тут не помогут.

Делаю пару шагов к костру, прохожу прямо сквозь чье-то неподвижное "эхо", и теплые зелёные языки пламени безвредно охватывают протянутую руку. Границы защитных сфер, мерцающие при соприкосновении друг с другом тысячами вспышек, совсем рядом, а за ними — огромная фигура Варга. Он вырос ещё на пару метров, и казался совсем живым — нет ни малейшего намека на прозрачность, как у тех древних призраков...

Странно, даже не смотря на постоянно пробегающую рябь на защитном куполе, я чётко вижу дальние стены пещеры. Больше ничто не скрывает их от света Очага. Ничто... или никто?

Варг резко вытягивает руку вперёд и хватает не успевший увернуться силуэт Предка. У того нет сил сопротивляться, и пальцы энной с легкостью сжимаются. Полупрозрачное тело призрака вспыхивает облаком красноватых искорок, и они, падая на пол пещеры, медленно гаснут. Несколько штук остаются на коже Варга, и растворяются в ней. Мне показалось, или старик подрост ещё на пару сантиметров?

— Сенг, он уничтожает духов Предков!

— Уже давно... Сейчас Варг ловит последних из них.

— Ты видел его? Он стал в несколько раз больше меня!

— Ты живой. Пока... Не забывай об этом. Живой энной может больше, чем мертвый.

— Друзья, прошу вас — хватит говорить загадками! В мире живых за это время уже прошло больше часа, я не хочу увидеть мертвый город, когда вернусь!

Ника выставила перед собой руки, успокаивая меня:

— Пока рано волноваться. Время у тебя ещё есть, Дим.

— Что мне делать?

— Ты тоже собрал много силы. Я не знаю, кто из вас сейчас сильнее, размер тела не главное. Муравей может тащить добычу, намного больше его, понимаешь?

Муравей так муравей... хорошо хоть Ника для примера не выбрала гораздо более неприятных насекомых. После моего появления наш купол увеличился, и практически сравнялся в размерах с таким же, со стороны Варга. Может, она говорила об этом?

Делаю шаг к огню, выставив перед собой руки. Ладони упираются в прозрачную пружинящую пленку, по ней во все стороны расходятся волны колебаний. Ещё шаг! Пальцы начинает щипать и покалывать, вокруг них сверкают зелёные искры. Медленно, сантиметр за сантиметром, я начинаю продавливать барьер.

— Дим! Проклятый сын гиены!

Варг, отбросив в сторону угасающие останки последнего пойманного Предка, в несколько шагов преодолевает расстояние от каменных стен до Очага.

Огромный кулак летит прямо мне в лицо, я инстинктивно отшатываюсь. Удар не достиг цели — зелёная завеса чуть подалась назад и полыхнула так, что я на несколько мгновений ослеп...

— Ты! Посмел! Убить! Моих! Людей!

С каждым словом энной продолжает наносить удары, навалившись на невидимую преграду всем своим весом. Сотни сознаний Предков больше не поддерживают привычный образ Пещеры, со стен обсыпается камни, появляются полотна натянутых на жерди шкур, обширные участки глиняных и земляных стен. Купол сияет как новогодняя ёлка, разбрасывает искры, и... медленно сжимается!

Противник наклоняется, его лицо совсем близко, и я отвечаю тем же — коротко размахнувшись, впечатываю кулак в перекошенную от злости рожу. М-да... все равно что в резиновый баллон ударил! Сверкнуло, грохнуло, Варг даже на мгновение опешил от такой наглости, и барьер подался назад, возвращая мне потерянную площадь.

— Слабым нет места в Первой Пещере!

Энной делает шаг мне навстречу, ему очень тяжело, видно, как под лохмотьями, оставшимися от одежды, вздулись бугры мышц. Пытаюсь упираться, навалившись на барьер плечом — тщетно... Ноги скользят по полу, не находя опоры. Напрасно я представил на ногах высокие берцы с рифлёной подошвой — теперь стал сминаться сам камень, становясь мягким, как пластилин.

— Зря ты сюда пришёл!

По спине разливается холод, я натолкнулся на кого-то из союзников.

— Сейчас ты умрешь!

Варг, видя, что я не могу удержать натиск, удваивает усилия. Теперь с ним бороться все равно что с надвигающимся поездом, тот же результат. Оба барьера, столкнувшись, теряют энергию и уменьшаются, но наш купол тает намного быстрее...

— Дим, присмотри за внуком! Он сможет стать энном!

Голос Сенга пробивается сквозь рев Варга, треск разваливающегося купола и грохот камнепада. На мгновение становится светло, как днём, тысячи зелёных огоньков окутывают меня со всех сторон. Под ногами неожиданно появляется опора, пол и стены немного отдаляются.

— Рауг сидит у входа, он почти смог сюда пробиться! Помоги ему, он был мне как сын!

Арика кладет ледяную руку мне на грудь, грустно улыбается и исчезает в ослепительной вспышке, оставив после себя новое облако зелёных искр. Они все растворяются во мне, и неудержимое движение барьера, грозящего расплющить нас в лепешку, окончательно останавливается.

— Я обещала, что сделаю все, чтобы мой род выжил!

Обжигающее холодом прикосновение, и новая вспышка на месте Ники...

— Не судьба, Дим. Спасибо, что дал мне своими глазами увидеть Первую Пещеру!

Шенк, сжимает на прощанье мою ладонь холодными пальцами. Вспышка!.. И оставшийся после него совсем небольшой рой искорок, тут же устремляется ко мне.

— Тьма не заберёт живых...

Последние призраки древних стариков, ставшие совсем маленькими, прикасаются к моим ногам, и один за другим исчезают в лучах изумрудного света.

Я остался один. Но самопожертвование друзей не пропало даром — теперь уже Варг кажется мне школьником, по ошибке забредшим в качалку для взрослых парней...

— Нет, Варг, не зря. Ты убил сотни людей, и сейчас впустую растратил полученную силу!

Шаг вперёд — и мой купол, гудящий от избытка энергии, с лёгкостью сминает защиту противника, отбросив того на пару метров.

— Ты своими собственными руками уничтожил свой род и своих людей!

Я иду вперёд, не останавливаясь, практически не чувствуя сопротивления.

— Мы слабые, но не забыли, что значат дружба, любовь и вера в светлое будущее!

Очаг и горстка застывших возле него истуканов остаётся позади. Энной, живущие на западе, как всегда, отсутствовали. Варг пятится, все дальше отступая к покрытой потрескавшейся глиной стене.

— Теперь нет вообще никакого будущего! Ты уничтожил единственную надежду людей выжить во время Долгой Зимы!

— Твой путь не единственный. Изменяя тело, ты забыл о разуме, превратив людей в безжалостных убийц!

Старый энной упирается в стену, глиняная крошка начинает осыпаться. В прорехах нет ничего, кроме клубящегося серого тумана.

— Больше ты никого не убьешь!

Защитная сфера, съжившись до пары метров, вспыхивает в последний раз и исчезает. Варг ещё пытается удержаться, хватаясь руками за края пролома, но прикосновение к

поверхности тумана стремительно вытягивают из него остатки сил

Последний шаг, и фигура человека, принесшего другим столько горя, растворяется в непроглядной серой мгле. Там нет ничего — ни жизни, ни света, ни времени...

Не встречая больше сопротивления, защитный купол вокруг меня мигнул несколько раз и погас. Сразу стало немного темнее, но видимость все равно была намного лучше, чем в предыдущие разы. Бросив быстрый взгляд на медленно затягивающийся пролом в стене пещеры, я поспешил к выходу. Последнее желание Арики нужно обязательно исполнить!

Однажды молодой и ещё ничего не знающий об этом месте энной Дим уже пытался дойти до далёкого пятна света, но не преодолел и половины пути. Скорость течения времени в Первой Пещере и Землях Вечной Охоты сильно отличалась, и преодолеть этот барьер можно было только с другой стороны, затратив большое количество энергии. Энной обладал таким запасом, обычный человек — нет...

Мой старый друг сидел у входа, перед призрачным костерком, и выглядел неплохо. Никакой прозрачности, его помнили не только жена и дети, но и большая часть лантирцев. Охотник медленно поднял голову, так же неестественно плавно поднялся и побежал ко мне. Рауг двигался, словно в замедленной съёмке, для него проходила секунда, а для меня — почти шесть. Вот он становится всё ближе, пять метров, два, один... И застряет, увязнув на границе темпоральных потоков. Он ещё бежит, рвется к цели, становясь все прозрачнее, но дальше пройти не может. Он — нет, а я?

До протянутой руки друга всего несколько сантиметров! Меня переполняет энергия, и хоть размер тела вернулся к прежнему, ощущение силы ни куда не исчезло. Большая часть Очага в центре пылает зелёным пламенем, это совсем не те одиночные проблески, что были раньше... Ускоряю шаг, и охотник становится чуть ближе, всего на пару сантиметров, но и это результат! Перехожу на бег, отвоевывая один миллиметр за другим, и, наконец, касаюсь ледяной кожи охотника. Это ощущение мне знакомо, так в свое время я протащил Шенка.

Но сейчас все намного легче — Рауг, словно прорвав невидимую пленку, летит прямо на меня, и мы вместе падаем на хорошо утоптанную... глину? Целые участки каменного пола исчезли, сменившись на привычный мне по Лантирску строительный материал...

— Дим! Я верил, что ты мне поможешь!

Мы поднимаемся, и я крепко обнимаю старого друга. Ощущение холода медленно отступает, тело охотника жадно впитывает растрченную почти до конца энергию.

— Ты прошел почти весь путь сам, Рауг. Я лишь передал тебе немного силы.

— Знал бы ты, сколько раз я уже пытался пройти в Первую Пещеру!

— Верю, ты и раньше никогда не сдавался.

— Дим, а что здесь случилось?

Мой друг с недоумением разглядывает обмазанные глиной стены, чередующиеся с рядами кирпичной кладки, шкурами и грубым необработанным камнем.

— Сегодня закончилась целая эпоха. Все Предки исчезли навсегда, и их "воля" исчезла вместе с ними.

Рауг подбегает к сидящим у пылающего костра истуканам, заглядывает им в лица.

— А где Арика, она ведь должна быть в этой пещере?..

— Не тревожь зря "эхо" других энноев, они все равно тебе не ответят. Ее больше нет, Рауг. Так получилось.

— Варг тоже исчез?

— Да. Он и его люди успели натворить дел, тебе ли не знать...

— Я встретил нескольких наших людей в Землях Вечной Охоты. Вы отбились?

— С городом все в порядке, но без потерь не обошлось.

Мы садимся у Очага, и теперь я понимаю, насколько безлюдным стало это место... Четырнадцать неподвижных копий Говорящих с огнем, застывших в виде "эха". Они вглядываются в редкие жёлтые языки огня, мелькающие среди зеленого пламени. Рауг, протянувший руки к огню, даже глаза прикрывший от ощущения тепла — сейчас он быстро восстанавливает силы, рядом нет других мертвых энноев. И я, навсегда изменившийся как сложившийся за тысячелетия назад расклад сил, так и саму Первую Пещеру. Вот и все, кто остался...

— Мне нужно возвращаться. Рауг, ты останешься здесь один, и для тебя есть два важных дела. Если кто-то из энноев появится здесь, поговори с ним сам, и передай, что энной Дим тоже хочет поговорить. Мое сознание будет открыто каждую полную луну, пусть приходят в мой сон. И ещё... Я не рискну отправиться в Земли Вечной Охоты сам, но если Гер успеет найти вход в Первую Пещеру раньше, чем исчезнет, дай ему знак, пусть ждёт у входа и бережет силы.

— Я его не встретил, но тот мир огромен, он мог быть где угодно... Тебя долго ждать?

— Время здесь течет иначе, но раньше, чем через несколько лун, я сюда не вернусь. Если срочно понадобится, попробуй передать свои мысли через Очаг, у Арики и Сенга это неплохо получалось.

— Буду учиться, все равно делать тут больше нечего...

— Помни, ты теперь тоже энной, и сможешь сделать для живых очень много! В следующий раз я расскажу тебе то, что успел узнать сам. До встречи, Рауг!

Я крепко сжимаю ладонь охотника, усаживаюсь перед огнем, и пламя Очага послушно отправляет меня в мир живых...

Низко склонившееся к горизонту солнце освещает усталые и осунувшиеся лица людей. Многие сидят на земле, прикрыв глаза, другие продолжают стоять. Ни один из них не разорвал контакт, поддерживая меня до последнего.

— Все закончилось...

Горло пересохло, слова звучат хрипло. Я осторожно разжимаю пальцы жены, и она, вздрогнув от неожиданности, открывает глаза.

— Зенг, Утар, я уже никуда не денусь, отпускайте...

Пошатываясь, встаю. Мужчины, услышав мой голос, один за другим убирают руки с моих плеч. Эрика протягивает мне миску с прохладным мятным отваром.

— Лантирцы, сегодня вы прошли самое сложное испытание в своей жизни!..

Толпа приходит в движение, люди с облегчением разжимают руки, отпуская соседей.

— Варг исчез навсегда. Он больше никогда не сможет причинить вред никому из вас!..
Ааррх!

— Аааррхх!

Над рядами собравшихся проносятся первые радостные возгласы. К собранию подходят ближе л'тоа и кроманьонки, все это время они охраняли город и пытались хоть как то помочь остальным, доставляя на площадь воду и еду.

— Тысячи лет вам запрещали изменять мир и искать новые знания. Здесь, в городе, я прикрывал вас от влияния злобных призраков. Но сегодня, с вашей помощью, все эти страхи и запреты уничтожены навсегда! Духов Предков больше нет! Ааррх!

— Аааррхх! Аааррхх!!

На несколько минут рев толпы заглушает все вокруг. Выждав, пока выплеснувшиеся радостные эмоции немного утихнут, продолжаю:

— В Первой Пещере остались энной, живущие далеко на закате, со временем появятся и другие. Но пока вы верите в меня, никто из них и близко не сможет собрать столько силы, чтобы стать угрозой! Ааррхх!!

— Аааррхх!!

— Охотники! Рауг сумел пройти из Земель Вечной Охоты в Первую Пещеру! Я научу его приходить в ваши сны, и он сможет передать свои знания! Его дух всегда будет рядом с вами, принося удачу!

— Аааррхх!!!

— Этот день, двадцать шестое июля, навсегда объявляется праздником нашего народа! Сегодня и завтра все отдыхают! Ааррхх!!!

Мне тоже не помешает отдохнуть, только поддержка стоящих рядом Эрики и Дара не даёт упасть. Обнимаю крепче жену, и мы с трудом пробираемся через взбудораженную последними новостями толпу. Сейчас великому энной Диму хочется только одного — поест и хорошенько выспаться...

Глава 5. Степные паломники

*Всё, что с нами было
стало прошлым сном
Где горы нас манили,
пронзая небосклон
Мир открыл объятья
и светилась даль
К вершинам нас, как братьев,
вела одна мечта
Группа "Ария", "Пусть будет так"
— Эхх, такой хороший горшок разбить!*

Ч'чонг с сожалением посмотрел на глиняные черепки, но сердиться на своих любимцев не стал. Этому немало способствовало и яркое солнце, уже неделю радующее лантирцев летним теплом, и вкусный, слегка подсоленный мясной суп, принесённый внучком прямо на пастбище.

Взрослые мамонты ощупывали пустую тару хоботом, и, не рассчитав усилий, раздавили хрупкую посудину. Теперь они пытались сложить осколки вместе, но круглый глиняный камень никак не хотел восстанавливаться...

— Валт'и, его мать сердится!

Паренек лет восьми от роду вскарабкался на спину мамонтенку, и держась руками за густую шерсть, что-то восторженно кричал. Взрослая самка повернулась к нарушителю тишины, и набрав из реки полный хобот воды, окатила обеих детей прохладным душем.

Наступила середина августа, и погода, словно решив вознаградить людей за все перенесенные испытания, стала по-настоящему летней. Пляж на берегу Аркаима существенно расширили, и там сейчас было не протолкнуться от детворы и решивших окунуться в прохладную воду взрослых. Привлеченные шумом и весёлыми криками мамонты тоже подошли к отдыхающим, и теперь развлекались, поливая водой и себя и других.

Я не упускал ни единой возможности пообщаться с этими величественными животными. Всякий раз, когда они переходили вброд реку, вождь сам, а иногда и вместе с семьёй, выходил за стену. Да и остальные горожане выбегали за ворота, вынося мохнатым гостям различные "вкусняшки".

Вот и сегодня, подождав, когда стайки детворы вволю наиграются с неуклюжими мамонтятами, подсел к Ч'чонгу. Он до сих пор был единственным взрослым человеком, которому эти слоны позволяли взбираться на себя.

Когда я впервые это увидел, то чуть не потерял дар речи — старый л'тоа восседал на мамонте и спокойно поглядывал на остальных с высоты более четырех метров. Сидел Ч'чонг по-индийски, свесив ноги по обеим сторонам могучей шеи. Управлять зверем у него не получалось, но даже просто проехаться на таком "транспорте" — это достижение.

В управлении преуспели дети — они, залезая на мамонтенка, хлопали ладонью того по голове, справа или слева, и тот шел в нужную сторону. Впрочем, бывало и так, что разыгравшись, животные сбрасывали маленьких седоков, а то и с удовольствием плюхались в грязь на берегу. Тут уже было не до игр, успеть бы увернуться от падающей полоторатонной туши...

— Ч'чонг, как ты это делаешь?

— Нужно много говорить с великий зверь. Кормить вкусные корешки. Он слушать, не бояться л'тоа.

— Взрослых мамонтов и так все кормят, Лтар жалуется, что кабанчикам одна трава остаётся... Но сесть себе на шею они разрешают только тебе!

— Ч'чонг л'тоа. Л'тоа много знать о разный зверь, что кушать траву! Большие люди столько не знать.

— И что ты хочешь получить за свой секрет? Если это поможет нам приручить мамонтов, я тебе сотню чайб отсыплю!

Старик хитро прищурился, обдумывая мое предложение:

— Не надо сотня чайб. Дети л'тоа хотеть учиться стрелять из "лук" и "арбалет". Они бояться идти к дикий зверь с копьём. А стрелять далеко — не бояться. Хотят все стать великий охотник, и мальчики, и девочки.

— Стрелять хотят, значит?..

Ч'чонг неспеша кивнул. Как-то я раньше не замечал в робких и миролюбивых "старых людях" склонности к охоте. Но, если подумать, тут налицо влияние их сверстников-неандертальцев. Ведь что главное для любого мальчишки каменного века? Конечно же, стать самым сильным и удачливым охотником рода или даже племени!

— Рассказывай! Будут им луки, обещаю. Круг Мастеров сделает модели поменьше, как раз под детскую руку. Осенью бить птицу на озёрах — в самый раз, там большая мощность не нужна.

Ч'чонг молча встаёт, заходит по колени в воду и выдерживает большой куст рогоза. Затем достает из кармана горсть грязно-белых крупинок, и втирает их в разрезанные вдоль корневища.

— Дим, великие звери очень сильно любить белый камень, который женщины бросать в суп!

— Соль?..

— Соль, соль... Брать корни, делать как Ч'чонг!

Старик, держа на вытянутых руках большую охапку корней, неспеша подходит к взрослой мамонтихе. Та, заметив намечающиеся угощение, тут же прекращает банные процедуры, и, издав негромкий трубный звук, разворачивается. Протягивает хобот, намереваясь разом захватить побольше вкусной еды, но Ч'чонг, отступив пару метров назад, приседает. Зверь делает шаг навстречу, но получает всего один небольшой корешок...

Так происходит несколько раз, л'тоа отходит все дальше, не переставая демонстрировать, что он ест вкусный корень, только когда сидит на земле. Наконец, животное сгибает передние ноги, и вытягивает голову. Старик, оставив перед мамонтихой все оставшиеся корни, с удивительной для его возраста ловкостью, взбирается ей на шею.

— Дим, повторять!

Вторая самка, наблюдавшая все это время за подругой, завидев у меня в руках такие же соленые корни, громко трубит и выходит из воды на берег. Делать нечего, нужно поддерживать репутацию храброго вождя!

Мне пришлось всего раз повторить трюк с демонстрацией приема пищи на согнутых ногах — мамонтиха не стала тянуть время, и вот уже многотонное животное грузно опускается рядом. Кладу угощение на землю, и становлюсь на огромную ногу...

Эхх, хоть бы не навернуться! Цепляясь за жёсткий коричневый мех, поднимаюсь выше.

Я обхватываю ногами толстую шею, и мамонтиха одним слитным движением встаёт с земли. Уфф! Ощущение — будто ты на корабле, и этот корабль неплохо так качнуло набежавшей волной.

— Дамб'о очень умный великий зверь. Моя Бинб'о — нет, долго учится, каждый раз заново показывать.

— Ч'чонг, она опять в воду идет!

— Вода теплый, Дим купаться сейчас...

Дослушать я не успел — эта "умная" Дамбо, за считанные минуты съев все угощение, вернулась к царившей на реке суматохе, и решила принять душ. Мое мнение на этот счёт никого не интересовало...

Детей стало поменьше, многие вместе с взрослыми отправились в Лантирск обедать. Оставшиеся же раз за разом взбирались на возвышающиеся над водой спины мамонтьят, и, словно с горки, с криками и визгом скатывались в воду. Животным это явно нравилось, они то и дело поддевали детей хоботами, фыркали и брызгались.

— Ч'чонг, как слезать будем?

— Когда великий зверь надоест катать большой человек, она опустится снова.

— А попросить ее ты не пробовал?

— Мало белый камень, женщины его беречь, говорить, что нужен для зимы. Хранить рыба и мясо, вот. И не давать Ч'чонг много белый камень для великий зверь.

Да, соль стали экономить, и именно с моей подачи ее потребление урезали до минимума. На складе ещё оставался солидный запас, но вопрос с новым источником этого полезного минерала после затопления южного побережья Крыма оставался открытым.

Перспектива дрессировки мамонтов открывала возможность их использования прежде всего для обработки земли и грузоперевозок. Так, в будущем слоны свободно тащили повозку, равную собственному весу, а по хорошей дороге — даже более тяжёлую. Во время Второй мировой войны животные из цирков и зоопарков вполне успешно вспахивали поля.

Когда у нас эти самые поля появятся, придется придумать, как уберечь посевы от таких "помощников". Обычные слоны съедали центнеры травы в день, у мамонтов аппетит был ничуть не хуже. Страшно представить, что может сделать с созревающей рожью или пшеницей даже один такой гигант...

Сейчас наши посадки были огорожены полутарометровым забором из переплетённых лозой бревен. Рядом с оградой находились часовые, здесь постоянно горел костер и крутилось большинство "собак". Пока в эту сторону наши многотонные гости не заходили, запах дыма и волков им не нравился.

Второй вариант использования мамонтов, пусть и ограниченно — в военном деле. Огромные звери, весившие в среднем десять тонн, были защищены гораздо лучше обычных слонов. Это и толстый слой жира, достигающий десяти сантиметров, и прочная толстая кожа, и густой жёсткий мех, остевые волоски которого напоминали тонкую проволоку. А уж если сделать для такого "танка" хорошую броню, то справиться с ним в этом мире не сможет вообще никто...

В город я вернулся через час. Развесил мокрую одежду сушиться, переделся, и отправился к Прагту. Он, вместе с несколькими плотниками, уже три дня вытесывал корпус для новой лодки.

От предыдущих плоскодонок эта модель отличалась как большими размерами — десять метров длины, и два с половиной — ширины, так и более "хищными" обводами. Нос

заострен, четко выражен киль и ребра жёсткости, борта в четырех точках имеют явно избыточную толщину. Нет, судостроители не ошиблись — просто я решил изготовить тримаран. Аркаим мало подходил для такого судна, но мне важно было отработать саму технологию строительства, выявив неизбежные ошибки и недоработки. Да и первые выходы под парусом проще совершить не в открытом море, а на тихой спокойной реке.

Два поплавка изготавливались по принципу индейских пирог — жёсткий каркас, обтянутый пропитанными дегтем шкурами. Только в моем случае верх был закрыт и тщательно загерметизирован. Крепились они к бортам длинными поперечными балками. Конструкция была беспалубной, но между балками в дальнейшем планировалось натянуть мелкаячеистую сеть для безопасности. Венчать все это великолепие будет высокая восьмиметровая мачта, снабженная дополнительным носовым упором и способная нести большой косой парус.

О мореходстве я имел смутные представления, большей частью почерпнутые из книг и фильмов. В этом деле масса своих нюансов, и выяснить их можно только опытным путем. Сам тримаран в дальнейшем можно будет использовать как для длительных походов по рекам, вплоть до Днепра, так и для обычной рыбалки.

К вечеру в Лантирске стало намного меньше людей. Ушла на запад небольшая группа разведчиков во главе с Тенаком. Охотники вернулись в свой разгромленный лагерь, с ними туда же отправились бригады плотников и скотоводов. Первые должны будут вдвое увеличить высоту частокола, вторые — навестывать упущенное из-за непогоды и стычки с людьми Варга время, заготавливая сено для животных. Ушли шахтеры и рудокопы, забрав последних лошадей.

Часть женщин окончательно сменили работу на кухне на ремесла. Уход за животными, небольшим участком обработанной земли, где пока вместе помещались поле, сад и огород, изготовление посуды, ткани и одежды, выделка шкур и даже склеивание луков — все это легло на их плечи. И, надо сказать, что тонкая работа с мелкими предметами у них получалась намного лучше, чем у мужчин. Сколько раз я портил хорошую заготовку просто потому, что мои пальцы были слишком толстыми и грубыми, и часто просто не обладали нужной ловкостью.

Эта проблема была очевидна только для меня, остальные считали себя верхом ловкости и совершенства. Но я-то, пусть и смутно, но помнил, насколько точнее были мои движения в прошлой жизни.

Теперь каждую зиму, когда появлялось свободное время, вождь делал игрушки. Сначала сам, а затем вместе со всеми, кто умел обращаться с деревом или костью. Простенькие поделки, направленные прежде всего для развития моторики и ловкости детских рук. Кубики, составные пирамидки из колец, различные погремушки, сортеры, крупные бусы и четки, простенькие пазлы из нескольких частей — все это вручалось малышам под Новый год.

Если заниматься развитием ребенка с детства, то, повзрослев, ему будет намного проще овладеть любой понравившейся профессией. Эту мысль я донес до Круга Матерей, и получил полную поддержку в своем начинании. Они же обязались рассказать молодым, и не очень, родителям о важности подобных игр с детьми. Посмотрим к чему это приведет — эволюция человека продолжается постоянно, и через десяток-другой поколений положительные изменения начнут закрепляться и передаваться по наследству.

Раньше я делал наборы из цветной глины, а в этом году впервые заменил ее

пластилином. Смешать глину с воском и жиром в разных пропорциях, выбрать наилучшее сочетание и добавить яркие пигменты — что может быть проще? Мои старания первым оценил Ингвар, увлеченно занявшийся лепкой шариков с ручками и ножками, означающих маму, папу и различных животных. Все эти произведения искусства он не поленился принести во "дворец", где они и благополучно растаяли на горячей печи.

Сын наконец научился ходить! Эту радостную новость Эрика сообщила мне после памятного двадцать шестого июля. Мальчик тогда самостоятельно встал с четверенек, сделал первые шаги, и, под присмотром девчонки-л'тоа, пошел искать отсутствующих слишком долго родителей. Жена тогда сумела, не разрывая связь, уговорить его поиграться с другими детьми ещё немножко...

Раньше нас с ней все сильнее расстраивало то, что Ингвар, в свои без пары месяцев два года, все ещё не ходит — и тут такой подарок! Теперь, если не считать размеров, сын наконец догнал в этом своих сверстников. А во многом и перегнал — он уже уверенно называл больше двух сотен предметов и строил короткие, но вполне осмысленные фразы.

Пластелина в пробной партии было много, его хватило, чтобы сделать десятки небольших разноцветных наборов. Получив новую игрушку, все живущие в Лантирске дети, подростки и даже некоторые взрослые большую часть свободного времени стали посвящать лепке, и так несколько дней подряд. Когда ажиотаж немного схлынул, появилась небольшая проблема, исправить которую сейчас было невозможно — пластилин сильно пачкал не только руки, но любые вещи, до которых дотянулись юные скульпторы. Ещё долго женщины укоризненно качали головами при встрече со мной — отстирать эту липкую, мажущуюся массу с одежды оказалось намного сложнее, чем ее создать...

Уничтожив всех нападающих, мы получили долгожданную передышку, и теперь старались сполна ею воспользоваться. Проблему с жильем нужно было решать в первую очередь — все готовые дома за стеной были переполнены. Население города и так значительно возросло за счёт женщин и детей рода Большезуба, а с конца месяца ожидалось ещё и резкое увеличение числа новорожденных. Сказывалось проведение всех свадеб в один день...

Это снова поставило крест на индивидуальном семейном строительстве — стандартный проект общего дома остался без изменений. Оставшиеся в городе мужчины заложили фундаменты первых домов третьей и четвертой улиц, начав разметку от загонов с животными. Их, как и высаженные растения, перенесут на новое место в последнюю очередь.

Много построить не успеем, но каждое такое общежитие сможет вместить минимум два десятка человек. Проблему безопасности решили установкой частокола, в случае нападения он выиграет время, и жители палисада по спущенным лестницам успеют взобраться на стену и укрыться в городе.

Время летело быстро, серые дни без солнца к концу месяца исчезли вовсе. Рожь и пшеницу убрали две недели назад — они всё-таки дозрели, но их размер и урожайность оставляли желать лучшего. Пока зерно находилось в периоде покоя, мы вручную вскопали участки площадью в две и четыре сотки, подготавливая новые поля. Через месяц зерно придется сеять замоченным, чтобы ускорить всхожесть. До первых морозов ещё будет время, растения успеют взойти и окрепнуть перед зимовкой. Немного зерен оставил, их перетрем в муку и попробуем спечь хлебные лепешки. Мне давно уже хотелось вспомнить основательно подзабытый на мясной диете вкус хлеба и выпечки — ммм, вкуснота! К тому же понадобятся

и сухари — принесённые из Крыма апельсиновые корки, со спорами пенициллина нужно было обновить. Споры могут храниться долго, но лучше с этим делом не затягивать, потерять проверенный штамм грибка не хотелось. Попробуй потом вычисли нужный среди десятков похожих видов плесени...

Когда я заканчивал отбирать самые крупные семена, предназначенные для дальнейшей обработки соком безвременника, ко мне прибежал мальчишка-л'тоа, Валт'и.

— Энной Дим, великий зверь увез Ч'чонга в степь!

— Как увез?

— Они с утра странные, часто трубили и меня тоже хоботом подталкивали, хотели, чтобы и Валт'и шел за великими зверями!

— Может, с мамонтиями что-то случилось?

— Нет, все маленькие великие звери рядом с большими.

Раньше мамонты так себя не вели — они свободно уходили к лагерю охотников, вволю паслись в степи, и снова возвращались. Но людей никогда не трогали...

— Валт'и, сейчас я соберу людей, нужно это проверить. Подожди пока у южных ворот, ты пойдешь с нами.

— Мы пойдем догонять деда?

— Конечно, мамонты это не лошади, далеко не убегут.

Хорошо, что сейчас в город вернулась часть мужчин, есть из кого выбрать сопровождающих — даже вечно занятого после женитьбы Тора получилось найти. Собирались недолго, захватили только копья и пару арбалетов. Мерно шагающих животных мы догнали у самого охотничьего лагеря. Ч'чонг уже был на земле, и спокойно шел рядом со своей Бинб'о.

— Далеко собрались?

— А, Дим... Великий зверь звать за собой, он хотеть, чтобы Ч'чонг и большие люди идти с ним.

— С чего ты это взял?

— Великий зверь делать шаг, ждать, пока Ч'чонг подойти. Снова делать шаг и ждать. Ч'чонг умный, сразу понять, что великий зверь хотеть, чтобы рядом был л'тоа и большие люди.

— Ладно, надеюсь, они не заведут нас на Камчатку...

Просека расширилась, показался высокий надстроенный частокол и обширное расчищенное пространство вокруг, занятое длинными полосами скошенной травы. Сена требовалось все больше, поэтому заготовщики корма работали в паре с охотниками — к покосам подходили стада животных, и их легко отстреливали. Десяток неандертальцев ловко орудовали косами и сейчас, отойдя далеко в степь.

Но в этот раз добычи не предвиделось — в степь пришли мамонты. Большое стадо, насчитывающее несколько сотен животных, медленно двигалось на северо-восток. Четко прослеживались отдельные группы, возглавляемые старыми самками, в них шли их дочери и детёныши. Чуть в стороне брели несколько десятков разновозрастных самцов. Их, как и в обычных слоновьих стадах, в обычное время отгоняли подальше и подпускали только на время размножения.

"Наши" мамонты остановились на краю степи, и, то и дело оглядываясь на людей, призывно трубили. Ч'чонг подошёл к ним, стал гладить, успокаивая тихим голосом. Но этого Дамб'о показалось мало — она вернулась к нашему отряду, и стала хоботом подталкивать

людей в степь. Может, дальше действительно скрывается что-то важное?

— Кто хочет прогуляться с великими зверями по степи? Если они отойдут дальше, чем на пять дневных переходов, вернётесь обратно.

Вызвались трое л'тоа и четверо неандертальцев. Понять их можно — вождь фактически предлагал две недели отдыха. Конечно, эти люди пригодились бы и на заготовке, и на строительстве, но и выяснить, куда нас так настойчиво приглашали мамонты было интересно. Я уже убедился, что по уровню интеллекта они не уступают нашим детям, обладают отличной памятью и легко запомнили не только свои имена, но и некоторые имена людей.

— Возьмёте два лука у охотников, посуду и запас пеммикана на пару дней. Огонь развести вы сможете, далеко от воды эти гиганты стараются не отходить. Хищники вряд ли будут следовать за стадом, сильно крупные это цели, но все равно будьте внимательны.

— А другие мамонты на нас не нападут?

Думаю, что "наши" животные будут держаться в конце стада. Будьте рядом с ними, к вам вскоре привыкнут. Захватите одну лопату, пригодится копать корни.

— Дим, скажешь Та-Ни-Ке, что я выполняю твое поручение...

Едва сдерживаюсь, чтобы не улыбнуться — неплохо же его перевоспитала эта самая Таника! Второй близнец теперь настоящий глава рода, степенный, рассудительный, куда и делась былая бесшабашность и азарт охотника..

— Хорошо! Тор, раз уж ты решил сбежать от жены, связь будет через тебя. Не пугайся, когда во сне все замрёт, и появится Дим, иначе проснешься, и меня тоже выбьет.

— Попробую...

— То, что нужно оставлять знаки, запоминать дорогу и ориентиры, всем понятно? Вам возвращаться назад этим же путем. Я смогу помочь, если вы свернёте не туда, но так будет быстрее.

Через полчаса добровольцы собрали все необходимое, и, присоединившись к довольным мамонтам, все вместе побрели догонять основную часть стада. Часть ихнего маршрута я представлял со слов Тинга, ходившего в спасательный поход к стоянке рода Белого Волка. Они в тот раз тоже шли по "слоновьей тропе" — окраинам степи, цепочке полян среди леса, широким просветам в зарослях. Причем хорошо было видно, что мамонты ходят одним и тем же маршрутом десятки лет — все мешающие движению крупные растения были повалены или сломаны, молодая поросль регулярно объедалась, как и ветви ближайших деревьев. Во время исхода из Крыма мы тоже пересекли эту тропу зимой, впервые воочию увидев этих зверей.

Такое постоянство не могло быть вызвано простой сменой пастбищ — тогда бы животные не углублялись на север в лесной массив. Вот пусть Тор и разузнает причину, заодно отдохнёт парень...

Назад я вернулся с частью охотников, увозивших добычу в город. Лантирску теперь каждый день требовалось минимум две-три туши бизона или тура, а лучше ещё больше, чтобы не прерывалась заготовка на зиму. Люди стали серьезными конкурентами степным хищникам, и, с появлением луков и арбалетов, объявили последним войну на уничтожение. Массово истреблялись стаи волков, гиен, редкие большезубы и осторожные лисицы. Специально прочесывался лес, в поисках куниц, белок, горностаев и ласок, выше по течению Аркаима иногда добывали речных выдр и бобров. Последних я попросил оставить в покое — сооруженная ими невысокая плотина позволяла накопить большой объем воды после

весенних паводков, что благоприятно сказывалось на рыбных запасах.

Немного западнее от охотничьего лагеря нашли несколько больших колоний старых знакомых — сурков, и теперь тушки этих зверьков, наравне с заячьими, стали все чаще попадаться среди трофеев. Нескончаемый поток шкур и меха позволял не только закрыть проблему с материалом для одежды, но и изготавливать из них тенты для укрытия дерева и кормов — сена, сухих листьев и тростника.

В окрестностях города можно было теперь гулять, практически не опасаясь нападений хищников. Хотя сопровождающие детей взрослые остались, но теперь "охрана" состояла из одного-двух мужчин, вооруженных арбалетами. А недавно, с появлением моделей с воротком, облегчающим натяжение тетивы, их стали все чаще заменять женщины.

Единственные, кого не трогали до осени — птицы. Куропатки, перепела, рябчики и тетерева становились целью редко из-за боязни промазать и потерять ценную стрелу или болт. Ситуацию с боеприпасами я частично исправил — для изготовления древков стрел, не дожидаясь, пока отольют новые детали для станков, сделал форму в виде полукруглой выемки в твердой толстой доске. Кузнецы выковали такие же полукруглые резцы, и вместо вытачивания заготовки обстругивались до тех пор, пока их толщина не становилась равной размеру этой выемки. За день таким образом получалось изготовить несколько десятков одинаковых по размеру и весу стрел, клеить наконечники и оперение было гораздо более простой задачей.

С болтами было сложнее — я хотел придать их древкам слегка коническую форму, чтобы за счёт разности давления воздуха на широкую и узкую часть сделать полет таких боеприпасов более точным. Размер лопаток при этом тоже уменьшался, а при нанесении тонких продольных канавок на хвостовой части без них можно было обойтись вовсе. В дальнейшем это позволит создать магазинные арбалеты, похожие на китайские чо-ко-ну. Точность и пробивная способность такого оружия, конечно, снизится, но взамен сильно увеличится скорострельность. По сути, это идеальное оружие для обороны городских стен при массовом нападении, когда появится возможность стрельбы по площадям.

— Дим, эта гадость воняет почище клея!..

— Стойте с наветренной стороны, чтобы ветер уносил запах. Он не самый полезный для здоровья, но зато обработанные бревна простоят в земле очень долго. И без рукавиц в смолу не лезьте!

Двое неандертальцев, вооружившись большими кистями, на четверть длины обмазывали бревна каменноугольной смолой. Для второй, намного большей стены их понадобится тысячи, поэтому материал стали накапливать и подготавливать заранее.

Каменноугольная смола — это ценнейший источник сырья для дальнейшей переработки и разделения на фракции. В ней содержится более тысячи веществ, если их отделить, то можно получить бензол, толуол, нафталин, креозот, антраценовое масло и высокотемпературный пек. Правда, пока такое мне было ещё не под силу — на изготовление ректификационной колонны уйдет огромное количество железа и ещё больше усилий. Сейчас коксовый газ через глиняную трубу поступал в большую бочку с холодной водой и конденсировался там. Образовавшаяся смола оседала плотным слоем на дне, откуда ее периодически сливали. Единственное применение для нее пока — пропитка древесины, эта процедура защитит бревна от гниения на десятки лет. А если пропитать такой смолой деревянные сваи из дуба или лиственницы, то они пролежат в земле несколько веков, ничем не уступая бетонным.

Для строительства каркасов домов такая пропитка не годилась, жить в них станет невозможно из-за резкого неприятного запаха. Нужно ждать, пока мы сможем получать большее количество растительного масла и варить из него олифу. Сейчас в Лантирске было только два подходящих для этого растения — мак и горчица. Несколько успешных опытов по отжиму оливы мы провели, получив по небольшой миске каждого вида масла. Все оно ушло на кухню для приготовления салатов...

На следующий год мы засеем обеими растениями уже по небольшому полю, да и селекция станет проводится активнее, с использованием колхицина.

— В степи никого нет, только животные. Мы уже подошли к тому месту, где встретили род Выдры.

— И никаких следов черных людей?

— Мы нашли несколько старых кострищ, но их разводили давно. Разве что звери пугливые, бизоны и туры не подпускают нас близко, значит они сталкивались с человеком!

Группа Тенака быстро продвигалась на запад, и уже отошла больше чем на сотню километров. Они шли знакомым маршрутом, далеко отклонившись от края лесного массива в степь. Сегодня ночью я заглянул в сон их лидера, чтобы обменяться новостями.

— Поверните к северу, так вы выйдете к Хортице. Помнишь тот остров посреди большой реки, напротив которого ночевали зимой, во время исхода?

— Да, место приметное.

От него пойдете вниз по течению. Ваша задача — скрытно подойти к каждой стоянке черных людей, сосчитать примерное количество жителей, оценить их оружие и защитные сооружения.

— Дим, может, захватить кого-нибудь в плен?

— И как вы с ним будете говорить? Их язык не знает никто. Даже Нгеп тут вряд ли смогла бы помочь, она из совершенно другого рода. Пропажу быстро заметят, поднимут тревогу... Нет, Тенак, пока нам это не нужно.

Сейчас для Лантирска важнее всего разведка — я уже считал всю территорию между Доном на востоке и Днепром на западе принадлежащей нашему племени. Кроманьонцы, осевшие на землях рода Выдры, в таком количестве мне были не нужны, ещё год, максимум два — и мы сможем отогнать их назад, за реку. А пока подготавливается армия, такие разведывательные группы будут периодически навещать их стоянки, стараясь ничем себя не выдать.

— Три дня на дорогу вам должно хватить, потом ещё поговорим. Вдоль реки идите осторожно, вас могут заметить и с воды, и с берега. Если такое все же случится — сразу отрывайтесь и уходите в степь.

— А если нас заметят всего один или два черных человека, их можно убить?

— Да, но это в крайнем случае. И не забудьте хорошо спрятать тела.

Тенак ещё немного порасспрашивал о том, что сейчас происходит в Лантирске, и я прервал связь. Парень держался хорошо, до конца нашего разговора даже часть его сна не развеялась полностью, а представляемые ним образы скал Каменной могилы были четкими и яркими, словно фотографии.

Второй сеанс связи, на этот раз с Тором, дался мне намного сложнее. Вчера вообще ничего не вышло, сон собеседника растаял, и меня выбило. Сегодня "старший" как он утверждал, близнец сумел сдержать эмоции, но все равно окружающие декорации — склон холма у Тихой реки и родная пещера —плыли и искажались.

— Тор, постарайся представить свои руки, так ты сможешь осознаться и контролировать сновидение.

— Дим, ты тут такой же, как в жизни!

— Здесь реальны только мы двое, остальное — плод нашего воображения.

— Получилось! Только пальцев почему-то шесть...

— Пробуй так тренироваться каждый раз, со временем у тебя будет получаться все лучше. Твой брат это давно освоил, не дело, когда "старший" отстаёт.

— Тур, с тех пор как перешёл в род Искателей Знаний, очень изменился. Он становится похожим на тебя — постоянно о чем-то думает, а спросишь — только отмахнется.

— О новом доспехе он думает... Бери с брата пример, он сам сделал форму и штамп для изготовления железной чешуи. Скоро у Тура появится первая в Лантирске железная броня!

— Так он постоянно с тобой рядом, вот и нахватался...

— Ладно, оставим его в покое. Как проходит ваш поход? Рассказывай быстрее, во сне время течет по-другому, ты в любую минуту можешь проснуться

— Да что там рассказывать? Скучно... Стадо мамонтов мы догнали, и первый день шли по степи. Ч'чонг большую часть времени так и сидит на шее своей Бинб'о, даже спит сидя.

— Как к вам отнеслись их сородичи?

— Пока мы рядом со "своими" мамонтами, другие не обращают на нас внимания. Я попробовал было подойти ближе к одной из групп, но на меня побежало сразу несколько великих зверей, громко трубя...

— Похоже, с людьми они знакомы, и не с самой лучшей стороны. Больше не повторяй такие опыты, затопчут.

Скорее всего, животные сталкивались с кроманьонцами у Днепра. Дальше на востоке могли проживать только небольшие семьи неандертальцев, я иногда замечал редкие искорки костров ближе к Дону. Но даже десять охотников с каменным оружием для охоты на такого зверя маловато, разве что больного или старого добить смогут.

"Наши" мамонты, хоть и были покрыты шерстью, но предпочитали жить в лесостепи, не заходя далеко на север. Вот там да, за десятки лет они бы хорошо запомнили род Большезуба и его методы охоты, когда животных загоняли к обрыву и они десятками падали вниз, ломая кости...

— Тор, не теряй зря время. Отдых от тебя и так никуда не денется, налаживай с великими зверьми контакт. С вами л'тоа, они научат.

— Да знаю я эту науку! Мы каждый день полные мешки корней копаем, даже поохотится некогда...

— А есть на кого?

— Олени часто подходят близко, мамонты их не прогоняют. Здоровые, с вот такими рогами!..

Тор знаменитым жестом заправского рыбака широко развел руки, намереваясь по видимому показать мне размер этих самых оленей. Картинка вокруг задрожала, по ней побежали волны, и парень исчез. Да, с контролем у него все плохо, это только снаружи он остепенился, а внутри — все тот же мальчишка...

Время едва перевалило за полночь, "дворец" большей частью спал, только со стороны Утара доносился детский плач и женский голос, успокаивающий ребенка. Из одиннадцати девочек, переданных мне Варгом, в семье моего телохранителя осталось пятеро, остальных опознали их настоящие матери, и дети вернулись к ним. Утар не сильно расстроился, у него

подростал свой сын, а на днях должна была родить и вторая его жена-л'тоа.

Я внимательно следил за всеми такими смешанными браками — если дети родятся здоровыми, то такая практика станет поощряться властями города и вождём. Чтобы сохранить доминирующие неандертальские гены, уже готовилось новое дополнение к закону о бракосочетании. Теперь, кроме близкородственных, станут невозможными браки между метисами и л'тоа, кроманьонцами и денисовцами, если те когда-нибудь появятся в Лантирске, на протяжении четырех следующих поколений. Таким образом, количество заимствованных генов никогда не превысит четыре процента. В тоже время, метисы через одно поколение могли избрать в спутники жизни человека другого вида, отличного от их второго родителя, но тогда первое правило продлевалось.

Например, ребенок, рождённый от союза неандертальца и кроманьонки мог вступить в брак только с неандертальцами. А его сын или дочь уже смогут выбрать себе в спутники или неандертальцев, или л'тоа, или денисовцев. Вступить в брак с кроманьонцами им все равно запрещалось ещё три поколения.

Разумеется, сердцу не прикажешь, и, в порядке исключения, отдельные "нарушители" все же будут пропущены. Но тут должны сыграть свою роль по настоящему щедрые свадебные подарки парам, подчиняющимся закону, и огромные штрафы для тех, кто решил поступить по-своему.

Вторым дополнением стал уже действующий запрет для людей с генетическими заболеваниями вступать в брак и заводить детей, или заводить второго ребенка, если первый родился больным. Такие люди, если болезни не слишком отражались на их жизни, могли стать приемными родителями-одиночками для детей-сирот, и получать при этом солидные выплаты.

Правило очень жестокое, но лучше ввести его, когда такие случаи единичны, и предотвратить загрязнение генофонда моего народа сейчас, чем позже, при населении в десятки тысяч человек, ломать уже сотни судеб. В будущем так и не научились лечить это зло, только ослаблять симптомы, продлевая таким людям жизнь. Но прямых запретов не было, и, прикрываясь гуманностью и милосердием, власти всех стран разрешали рождаться миллионам детей-инвалидов. Это было настоящим преступлением перед всем человечеством...

В Лантирске сейчас таких людей было всего двое — пожилая женщина-л'тоа, не различающая цвета, и молодой мужчина-неандерталец с аномально плохой свертываемостью крови.

В первом случае закон применять не стали — единственная дочь больной дальтонизмом умерла от голода два года назад, ещё до появления "старых людей" в городе.

Во втором было сложнее — я заподозрил гемофилию. Помня, что скрытыми носителями являются женщины, запрет распространился на его внешне здоровых мать и младшую сестру, ещё даже не достигшую возраста невесты.

Сам парень женился в прошлом году, но детей у пары до сих пор не появилось. Его жене разрешили в порядке исключения выбрать нового мужа, а его здоровому отцу — новую жену. Всем пострадавшим выплатили годовой доход взрослого охотника, а матери с сестрой теперь будут выплачивать помощь, такую же, как и при потере супруга и одного из родителей. Жаль их, конечно, но тут ничего не поделаешь...

Это правило могло ударить и по нам с Эрикой, Ингвар продолжал отставать в росте от сверстников, но у меня уже появились первые предположения на этот счёт. Перенос моего

сознания из будущего, где уровень энтропии был выше, на сорок две тысячи лет назад в прошлое, создал локальную аномалию в среде с более низким уровнем энтропии. Сознание, как разновидность электромагнитного поля — тоже вид материи, и оно изменило клетки доставшегося мне тела на генном уровне. Теперь, мое тело было более "старым", чем мир вокруг, и дальше стареть не желало. Полностью отменить законы биологии это не смогло — так, сравнивая скорость роста своих ногтей и волос с таковыми у других мужчин, я высчитал ее замедление приблизительно в семь с половиной раз. Это давало мне очень солидный бонус долголетия — к приблизительно четырнадцати годам биологического возраста сейчас ещё не добавился даже один.

Сложно сказать, как долго продержится этот эффект, но в генах Ингвара он уже проявился. Здесь столкнулись две противоположности — потребность в ускоренном развитии тела ребенка, заложенная самой природой, и противодействие не желающих обновляться клеток. Пока за счёт увеличения их количества при делении сын рос, хоть и медленнее других. Подозреваю, что этот процесс вскоре замедлится ещё больше, до половины от моего показателя. Но даже так, если эта линия закрепится, то мои потомки смогут прожить очень долгую жизнь!

Такая уникальная положительная мутация представляла большую ценность для цивилизации неандертальцев. Раньше я не хотел брать вторую жену из-за опасений возможной конкуренции наследников в будущем. По этой же причине не спешил заводить второго ребенка, ожидая, пока Ингвар достаточно подрастет, чтобы гарантировано заявить о своем старшинстве. Но теперь это теряло всякий смысл — что такое разница в три года при продолжительности жизни в двести лет? Более того, долголетие вовсе не отменяло случайную смерть от травмы или болезни, потому в древности и заводили больше детей. Вот только как создать не только универсальные законы, с четко прописанными правилами наследования, но и заставить потомков их беспрекословно выполнять?

Устав от этих размышлений, я затушил огонек работающего на жиру светильника. Спать тоже надо...

А под утро мне приснился необычный сон — яркий, очень детализированный, словно фильм на 3D экране.

... Мы стояли на обрывистом берегу, скорее всего, в горах. Рядом хорошо знакомые мне лица людей — подростки Дар и Тур, совсем постаревший и сторбившийся Ант. Чуть дальше могучие фигуры Тинга, Лтара и Зенга, а за ними — сотня, если не больше, других лантирцев. Ошибиться невозможно — такие одинаковые костюмы с карманами и пуговицами делали только в городе. Одежда вся грязная, будто мы прошли не одну сотню километров, видны многочисленные дыры и заплатки. Рядом с людьми стоят повозки, в них запряжены ослы и лошади, разбросаны кирки и лопаты.

Перед нами мчится бурлящий водный поток. Сила течения такова, что разрушает стены ущелья, в мутную воду обрушиваются огромные пласты почвы. Совсем рядом, в какой то сотне метров от нас, вся эта чудовищная масса воды, грязи и камней вырывается из ущелья на свободу, и с грохотом падает в сверкающее внизу озеро или море...

Утром долго думал, что бы это могло быть. Похожий сон я уже видел однажды — тогда мы, как позже выяснилось, переселялись всем племенем из Крыма в приазовские степи. Нынешний обрывок информации о будущих событиях был не менее важен, но пока я мало что понял.

В будущем на территории Восточной Украины не было больших рек с подобными

водопадами. Не было там их и в прошлом. Это явно дальняя экспедиция, и, судя по местности, мы были где-то в предгорьях.

Карпаты, Крым, Кавказ? Может, меня занесло ещё дальше, и я вижу Аппенины или Пиренеи?

Сложно сказать, в любых горах за прошедшую бездну времени рельеф мог измениться настолько, что оставалось только гадать. Разве что Крым можно было отбросить сразу, все его реки небольшие, и не содержат и десятой доли того потока. Подумав, отбросил и греческий хребет Пинд — горы там разрозненные, и совместного стока для воды нет.

Экспедиция была очень большой, и, судя по наличию шанцевого инструмента, мы пришли туда не просто так, а что-то добывать. Настолько ценное, что потащили за собой животных и пустые телеги. Вот тут снова начиналась полная неопределенность. Сейчас я бы собрал подобную экспедицию для добычи руды меди, олова, цинка, свинца, не говоря уже о серебре, золоте или платине. Нельзя было забывать и о сере, которую здесь тоже никогда не видели. В любом случае, судя по преклонному возрасту Анта, случиться это ещё очень нескоро...

Сегодня я участвовал в сборке тримарана — основной корпус установили на катки и отвезли к пляжу, туда же перетащили поплавки, балки и мачту. Процесс затянулся до вечера, в основном из-за тщательной подгонки деталей, их сажали в пазы на клей, дополнительно усиливая соединения гвоздями.

Все это будет ещё неделю сохнуть и пропитываться дегтем, на это время Пратт с мастерами поступал в полное распоряжение его жены. Их задачей станет сшить огромный парус из небольших кусков тканого полотна, сложенных в два слоя — причем работу нужно сделать качественно, так, чтобы швы не расползлись при первом же порыве ветра. После пропитки смесью дегтя и жира он займет свое законное место на мачте "Сайгака".

Название первого парусного судна было выбрано не случайно — с этими небольшими степными антилопами мало кто мог соперничать в скорости. И нам, его создателям, очень хотелось, чтобы имя такого животного сделало быстрее и сам тримаран.

Вернувшиеся из командировки плотники заканчивали собирать каркасы десяти новых домов. На этом количестве решили остановиться, в первую очередь из-за недостатка готового самана, кирпича и черепицы. Сейчас приступили к возведению и набивке глиняным раствором стен, параллельно выкладывали центральные печи. Технология была уже хорошо отработана, да и опытных мастеров старались не отвлекать для непрофильных работ, вроде заготовки сена или рубки дров. Строительство шло быстро, до холодов мне обещали сдать все постройки.

Все больше набирала обороты и заготовка провизии. Остатки от разделки мясных туш доставались "собакам", подросшим котяткам и их дальним родственникам, большезубам. Обе тигрицы уже мало отличались размерами от диких сородичей, рядом с их вольером построили второй, для подрастающего самца. Диго, названный так в честь персонажа из мультфильма, за полгода сильно обогнал волчат, но к Шерхане и Багире подселать его было рано. Впрочем, это не мешало им общаться через решетку, просовывая через толстые прутья лапы и облизывать друг другу морды.

Вторыми экспонатами в коллекции зоопарка стали крупные лесные куницы — охотники весной убили их мать, а пятерых малышей забрали из гнезда. Все они выжили, привыкли к людям и даже когда в первый раз выбрались из клетки на волю, никуда не разбежались. Решетку сделали более частой, а загнанных волчатами на крыши домов зверей

вернули назад. К вольерам часто прибегали дети, посмотреть на страшных "диких" хищников. Стараниями охотников увидеть их в природе рядом с городом стало практически невозможно...

На следующий год я хотел ещё больше расширить зверинец, добавив гиен, лисиц, и, если повезет — пещерных медведей. Последних рядом с Лантирском никогда не видели, но женщины из рода Белого Волка утверждали, что такие звери водятся в меловых пещерах на севере. Правда, при этом настаивали, что они травоядные.

Через три дня, как и обещал, заглянул к Тингу. Они добрались до Хортицы, но на берег Днепра выйти не могли.

— Дим, тут новое поселение черных людей, как раз напротив острова.

— Большое?

— Нет, не очень — взрослых мужчин всего три руки, столько же женщин, много детей и стариков. Десять рук и три пальца, мы их точно сосчитали. Стены вокруг нет, даже частокола не поставили.

— И чем эти люди занимаются?

— Рыбу ловят, у них тоже есть сеть и ловушки. А вот лодок нет, ни одной, они на плотках из бревен плавают.

— В степь ходят?

— Да, сегодня их охотники как раз небольшого быка притащили. И одного своего, раненого. У них старое оружие, а бизоны, если их легко ранить, могут и не убежать, а наоборот, броситься на обидчика

— Тенак, думаю, вам следует подняться ещё выше по течению, на север. Там тоже могут быть такие стоянки.

— Нет, это вряд ли... На юг уходит хорошо утоптанная тропа вдоль берега, ею часто пользуются. А на севере нетронутые заросли, мы там и сидим сейчас. Никто в эту сторону не ходит.

Может, он и прав — кроманьонцы заселили в первую очередь более теплый регион, не спеша уходить севернее.

— Дим, у них посреди стоянки насыпан холм земли, а на его вершине большая серо-коричневая каменюка. Черные люди садятся вокруг него, кланяются, а один старик, похоже, вообще умом тронулся — он прыгает рядом, кривляется, падает на землю и ногами дрыгает. Но его никто не уводит, все смотрят на это как на обычное дело...

— У черных людей нет энноев, вот они и придумывают сказки, чтобы запудрить мозги остальным такими фокусами. Понаблюдайте за этим стариком ещё пару дней, хорошо? Мне интересно, насколько далеко они могут зайти в идолопоклонничество.

— В идоло... чего?

— Это когда неживому предмету приписывают то, чем он не является.

— Хорошо, это не сложно.

— Тенак, главное, не высовывайтесь. Не стоит поднимать тревогу раньше времени.

Можно было и не напоминать, Тенак это не Тор, он намного осторожнее. А новости интересные, неужели кроманьонцы доросли до понятия богов? Вряд ли... Скорее всего этот камень символизирует какого-то духа или покровителя рода. Ну и ладно, каждый сходит с ума по-своему, нравится им вокруг камня хороводы водить, пусть развлекаются!

Второго близнеца тоже не мешает навестить. Их группа подстраивается под скорость стада мамонтов, а степные великаны не слишком торопятся, проходя за день не больше

пятнадцать километров. За прошедшее время, если судить по одинокой искорке костра, Тор отделился от Лантирска всего на три хороших дневных перехода.

— Чем порадуешь своего вождя?

— Дим, ты такой сон испортил...

— Тор, прекращай, а то я могу и случайно проговориться Танике, кто из девушек-л'тоа тебе сейчас снился! Да не пугайся ты так, сейчас из сна вылетишь... Это шутка, дружище. Шутка!

— Не нужно так шутить, это тебе с женой повезло, Эрика ни с кем и не спорит никогда...

— Спорит, ещё и как! Тор, давай рассказывай мне о мамонтах, про Эрику я и сам все знаю.

— А что им делается? Идут медленно, траву и ветки жуют постоянно.

— И все?

— Ну, кучи оставляют после себя ещё...

— Да я не об этом, Тор. Куда они все идут? В лесу пищи меньше, чем в степи, тем более что скоро зима. А эти звери целую дорогу натоптали.

— Ч'чонг говорит, что великие звери умные, раз идут так далеко, значит это важно. Не знаю, Дим. Пока каждый день в точности повторяет предыдущий.

— Ты не научился ехать верхом на мамонте?

— Пусть л'тоа сами так ездят! Я вчера раз попробовал, так чуть не свалился... Ну их к злым Предкам!

— Тор, если л'тоа расскажут своим девушкам, что большой человек испугался ехать на великом звере... Понимаешь, к чему я веду? Тебе ничего не обломится.

— Таника и так не хочет, чтобы я приводил вторую жену...

— В этом году все женщины рода Большезуба станут вторыми женами, так что свадебная церемония будет очень длинной. Если вы выясните, куда ходят мамонты, я включу вас всех в квоту вождя. Но захочет ли та девчонка выбрать именно тебя, от Дима никак не зависит. Не упusti шанс!

— А Ч'чонга зачем включать в женихи?

— Не придирайся к вождю! Для Ч'чонга будет другая награда, уже все обговорено.

Тор, услышав о такой возможности, тут же взбодрился. Думаю, что уже завтра он выпросит у Ч'чонга соль, и по примеру старика станет и спать на мамонте. Мотивация — великая штука!

Следующие дни я занимался изготовлением форм для чугунных деталей лесопилки. Чтобы они получились как можно точнее, сначала из дерева вырезал модели в натуральную величину, и только потом стал вырезать в глиняных плитах полости под них. Можно было поступить проще, сделав модели из воска, и потом выплавить его или выжечь. Но переводить такой дефицитный материал было жаль...

Тенак больше ничего нового на первой обнаруженной стоянке кроманьонцев не увидел, и отправился вниз по течению. Вчера они вышли ко второму поселению, точной копии первого — разве что численность жителей там была немного больше. Был там и свой сумасшедший, прыгающий около холма с таким же невзрачным булыжником. На камне не было никаких знаков или символов, которые бы могли подсказать его предназначение. Может, Тенак их не сумел разглядеть?

Единственным новым наблюдением было то, как две женщины приносили грудных

детей к этому холму, ложили их рядом с камнем, и что-то говорили. Дети были серьезно больны — у одного "заячья губа", у второго — большая опухоль на голове. Не трудно догадаться, что матери просили камень об исцелении...

В сон Тора я попал только под утро, парень, похоже, никак не мог заснуть.

— Диим! Наконец-то!

— Что случилось?

— Мы больше никуда не идём!

— Так, успокаивался, и давай по порядку. Где вы сейчас находитесь?

— Мы шли ещё три дня, а вчера вышли на берег озера. Тут уже было другое стадо великих зверей, не таких, как наши.

— Других?

— Да, они немного меньше и покрыты такой густой шерстью, что она свисает до самой земли. А на спине у них большие горбы!

Вот даже как... "Наши" мамонты тоже были заросшими длинной шерстью, но внешне напоминали очень крупных слонов, и жили в лесостепи. Описанные же Тором животные явно принадлежали к другому, более северному виду, обитающему в тундре и лесотундре. Именно их в будущем считали классическими мамонтами, последние из которых вымерли на острове Врангеля за четыре тысячи лет до моего рождения. Большой горб, скорее всего содержит запасы жира, как у верблюдов. Оба вида доисторических слонов собрались в одном месте...

— Тор, что они делают?

— Едят, пьют воду. Самцы отгоняют друг друга от своего стада.

— И больше никуда не идут?

— Ч'чонг говорит, что они нашли то, что искали.

— А тебе он сказал?

— Он набрал котелок воды из озера, и велел попробовать. Она очень соленая, Дим. Великие звери пришли сюда пить эту воду!

Я немного помолчал, обдумывая это известие. То, что слонам для нормальной жизнедеятельности нужна соль, было известно давно. В Африке они, да и другие травоядные даже в подземные пещеры спускались, проходя сотни метров в полной темноте, чтобы добраться до содержащих этот минерал пород. Бивнями слоны откалывали большие куски просоленных камней и почвы, тщательно пережёвывали их и глотали.

Мамонты тоже нашли свой источник соли — им оказались Торские соляные озера, расположенные в будущем на окраине Славянска. Это место было широко известно на востоке Украины, его иногда называли "донецким морем". Здесь добывали соль сотни лет, завод по ее выпариванию был разрушен только во время Второй мировой войны. Сами озера стали курортом, из-за доступности более популярным среди местных жителей, чем Чёрное или Азовское море. Был здесь и санаторий, использующий лечебную грязь со дна этих водоемов.

— Тор, можешь обрадовать всех участников похода, свои награды они заслужили! Соль Лантирску нужна не меньше, чем мамонтам, а вы обнаружили место, где ее можно легко добывать. Дорогу запомнил?

— Так ее не нужно запоминать, мамонты все, что им мешало идти, давно убрали.

— Телеги пройдут?

— Легко, броды через реки неглубокие.

— Отдыхайте пока, вернётесь с "нашими" мамонтам. Попробуйте выпарить немного соли на пробу, привезёте в город, покажите ее мне.

— Думаешь, они тут не долго будут?

— С неделю точно. Там рядом есть река с пресной водой, так что жажда им не грозит.

Скорее животные проголодаются, два стада за пару дней всю траву съедят!

Оставив Тора мечтать о новой жене, я проснулся и ещё долго обдумывал открывшиеся перед лантирцами перспективы. Паломничество мамонтов к солёным озёрам существенно облегчило нам жизнь, избавив от необходимости искать их самостоятельно. Они же за сотни лет протоптали хорошую дорогу, ее осталось самую малость подправить, и повозки с солью смогут доезжать почти до самого города.

Решено, в следующем году туда отправятся солевары. Бригады людей будут жить у озера, сменяя друг друга каждый месяц, с весны и до самых морозов!

Глава 6. Живые мертвецы

*Вам может быть одна из падающих звезд,
Может быть для вас, прочь от этих слез,
От жизни над землёй принесёт наш
поцелуй домой*

*И может на крови вырастет тот дом,
Чистый для любви... Может быть потом
Наших падших душ не коснётся больше зло.
Группа "Кукрыниксы", "Звезда"*

Интерлюдия 2

... Тафари умирал... Он ещё помнил, как это — быть здоровым и полным сил охотником, как легко было бежать по залитой ярким летним солнцем степи, преследуя пытающуюся спастись добычу. Как он впервые привел в свою хижину молодую жену, радовался рождению сына...

Теперь у него остались только воспоминания. Некогда сильное и выносливое тело подвело Тафари, и один из самых сильных мужчин Бинадаму был изгнан. Колдун Джитуку заявил, что на нём висит проклятие, и Тафари нет места среди людей, осененных благословением великого духа Плодородия.

Что сейчас с его семьёй? Есть ли у них еда, одежда и место у костра?

Рядом закашлялся Тувала, его младший брат. Вытерев проступившую кровь с губ, он сжал в руке амулет с частицей Священного Камня, и стал просить великого духа облегчить его страдания. Тщетно, такие просьбы в этом месте звучали постоянно, и ещё ни разу не были услышаны.

Тафари уже не верил рассказам колдуна о могущественном духе. Свой амулет он, в приступе злости, сорвал с шеи и забросил далеко в степь. Такие надевали всем детям при рождении, амулеты как раз и должны были защитить человека от подобной судьбы. Лучше от этого ему не стало, боль в лёгких не проходила, а вздувшаяся буграми шея почти не пропускала воздух. Тафари уже не долго осталось терпеть...

Сколько здесь таких же, как он? Никто не знает... Здоровые не считают проклятых за людей, только несколько его товарищей, нарушая волю Джитуку, иногда приносят сюда пищу. Колдуны заставляют оставшихся выполнять бессмысленные ритуалы, но изгнанный становится все больше. Могущественный союз Бинадаму, чьи предки прошли жаркие полуденные земли насквозь и нашли для людей новый дом, не мог справиться с невидимым врагом...

— Толкайте на счёт "три"!

— Все в стороны!

— Раз, два, три!

Стоящий на катках у самого уреза воды тримаран плавно скользнул вниз. Восемь человек поднажали ещё немного, и вот уже "Сайгак", преодолев пляжную отмель, закачался на воде. Новое судно было очень красивым — вытянутый в длину корпус, стремительные обводы бортов, да и огромный парус на высокой мачте создавали ощущение, что тримаран вот-вот сорвётся с места. Так отличается подтянутая антилопа от неповоротливых носорогов...

— Подтягивайте веревки, парус не должен болтаться!

Многократно прошитое полотнище с громким хлопком распрямилось, порыв ветра качнул судно и увлек прочь от берега. От неожиданности двое "моряков" свалились за борт, и теперь отжимали мокрую одежду на берегу. Вода уже холодная, не чета летней...

— Если парус расположить вот так, ветер не сможет тащить судно, и скорость упадет. А вот так — можно плыть, когда ветер дует сбоку.

— А если ветер будет дуть против движения?

— Тогда сложнее, придется двигаться галсами, постоянно перекидывая парус с одной стороны на другую. Сейчас отойдем подальше от берега, я покажу, как это выглядит.

— Дим, ветер может и прекратится, что тогда?

— Для этого на "Сайгаке" есть шесть пар весел. Только парус тогда нужно будет спустить, с ним грести тяжелее. Пратт, сейчас начнём поворот, следи за моими действиями, я буду удерживать парус в таком же положении относительно ветра.

Тримаран, разогнавшись до невиданных раньше двадцати километров в час, стал плавно разворачиваться, закладывая большую дугу около противоположного берега Аркаима.

— Держитесь крепче!

Судно сильно наклонилось, опираясь на правый поплавок, левый высоко поднялся над водой. В поворот мы едва вписались, все таки маленькая река не самое лучшее место для скоростных судов. Парус на мгновение провис, затем рею повело в сторону, и я, чтобы не вылететь за борт, повис над водой, цепляясь за веревки.

— Дим, давай руку!

— Лучше парус держите, ещё один рывок, и тогда я точно отправлюсь купаться!

Пратт последовал этому совету и "Сайгак" выровнялся, но почти полностью потерял набранную скорость. Вернувшись на свое место, поворачиваю парус, вновь ловя ветер — теперь мы идём почти параллельно берегу.

— Сейчас разворачиваемся, меняем галс. Готовы?

— Да!

— Начали!

На этот раз поворот прошел успешнее, скорость мы не потеряли, пляж стал ближе на десяток метров. Ещё три таких маневра, и тримаран уткнулся носом в песок рядом с мостом. Парус спустили, столпившиеся зрители поймали брошенную верёвку, и привязали судно к ближайшей опоре. Нам же не оставалось ничего другого, кроме как разбуться, подвернуть повыше штаны, и, спрыгнув в воду, брести к берегу по колено в воде. Первые испытания прошли успешно, до морозов моряки ещё потренируются работать с парусной оснасткой. Надеюсь, они освоят ее намного лучше меня — больше ничему научить их вождь не мог, остальные премудрости людям Пратта придется постигать опытным путем.

Собравшиеся вокруг женщины и подростки уже положили глаз на быстроходное плавсредство. Приближалась большая осенняя охота на водоплавающую птицу — если перетащить тримаран за северный мост, то под парусом можно будет отойти от города намного дальше, и взять на буксир несколько плоскодонок. Мужчины тоже оценили такой способ передвижения, судно могло отвозить по реке и забирать назад большие группы охотников. Думая, с весны это и станет его основной задачей, кроме выработки начальных навыков мореходства. Зимовать "Сайгак", как и остальные лодки, будет на берегу, укрытый шкурами от дождя и снега.

Вчера в город вернулся Тор, с видом триумфатора восседая на шее Дамб'о. Мамонты

провели у озера три дня, напившись вволю солёной воды, и, вместе со всем стадом, повернули назад. Обратная дорога заняла намного меньше времени, животные стремились быстрее вернуться с степь, где было больше корма.

Мое задание отправленная группа выполнила, выпарив несколько килограмм соли. На вкус она немного отличалась от морской, но от этого вовсе не становилась хуже, и годилась как для употребления в пищу, так и для выделки шкур и производства мыла.

Четверо мастеров Круга уже несколько недель занимались изготовлением "детских" луков, предназначенных в первую очередь для охоты на птиц, пушного зверя и сурков. Полученная в виде предоплаты сумма заставила их отложить пока все остальные заказы. Ч'чонг будет доволен, а подростки-л'тоа смогут неплохо заработать, сдавая на кухню добычу.

Родившийся сегодня ребенок из очередной "свадебной" волны, стал почетным тысячным жителем Лантирска. Быстрый рост населения меня одновременно и радовал, и пугал. Всего шесть лет назад я думал о том, что собрать такое количество людей будет очень трудно, если вообще возможно. Сейчас угроза вырождения неандертальцев стала постепенно отступать, сменившись растущим валом проблем с обеспечением людей всем необходимым.

Если проблему с жильем на какое-то время решили сорок семь общих домов, то потребление всего остального возрастало с каждым днём. Чистую воду постоянно подвозили от реки в больших бочках на площадь перед "дворцом", и там разливали всем желающим. В снабжении едой первое место прочно заняли охотники, оставив далеко позади и рыбаков, и собирателей. Огромные стада животных в степи легко могли прокормить и на порядок большее население. Подстрелить троих-пятерых бизонов было намного легче, чем добыть столько же рыбы, ягод или грибов по весу.

Производство посуды, одежды и инструментов небольшими партиями теперь вообще не прекращалось, все помещения для мастерских наконец достроили и людям больше не приходилось работать в тесных домах или на улице.

Одной общей столовой оказалось недостаточно — централизованное приготовление пищи быстро вытеснило домашнюю готовку, и повара не справлялись с потоком желающих воспользоваться услугами общепита. На следующий год планировалось возведение ещё трёх таких построек, чтобы охватить все население. Да и ввести строгий санитарно-гигиенический контроль при таком подходе будет намного легче.

Органические отходы стали вывозить дважды в день, и это был далеко не предел. Над селитряной ямой соорудили подъемник с опрокидом для бочек, чтобы облегчить разгрузку телег. Зато никаких свалок в городе не было — все, что могло гореть, сжигалось, осколки посуды, кирпича и камня собирались в отдельные кучи и использовались при производстве стройматериалов. Кости сначала вываривали для производства клея, затем их прокачивали на огне и дробили в порошок, использовавшийся как удобрение полей. Износившиеся инструменты сразу перековывались в кузне или накапливались в ожидании очередной плавки. Надеюсь, так продолжится и дальше — планета огромна, но если хорошо постараться, можно и ее засыпать мусором...

— Сколько нам придется ждать?

— Долго, Тенак, одну луну точно. Прости, что так получилось.

— Да я все понимаю... Дим, ты сможешь помочь, если невидимые злые духи все же прицепятся к нам?

— Нет... Если это серьезная инфекция, тут я бессилен.

— Сейчас мы все здоровы, осматриваем себя каждый день. Злые духи всегда долго

выжидают?

— По разному, но очень редко больше месяца. Расскажи мне ещё раз, что ты видел.

За прошедшее время разведчики Тенака спустились вдоль Днепра далеко на юг, к самому устью. Теперь их отделяло от Лантирска полтысячи километров. Парень увлекся, взятые с собой запасы пищи подошли к концу, но свою миссию он выполнил на отлично.

Во-первых, я теперь точно знал, сколько всего стоянок кроманьонцев на этом берегу — их оказалось семнадцать. В них обитали по меньшей мере тысяча двести человек, и все они принадлежали к одному племени или союзу. На это указывали одинаковые конструкции юрт, одежда и обычаи.

Во-вторых, Тенак выяснил, что общество чернокожих сильно зависит от верований. В каждом поселении обязательно был свой холм с камнем и свой бесноватый шаман. Как они умудрялись удерживать власть, для меня оставалось загадкой. На одних страшных сказках долго не протянешь, люди не дураки, и потребуют доказательств.

А в-третьих разведчики, повернув на северо-восток, и отойдя от самой крупной стоянки кроманьонцев на один дневной переход наткнулись на странное и пугающее место посреди степи. О нем мне сейчас и рассказывал расстроенный, но хорошо державший себя в руках лидер отряда.

... Мы шли по хорошо видимой тропинке, совпадавшей с нашим маршрутом, и ее решили обследовать. Черные люди не часто заходили так далеко в степь, они обычно поджидают добычу у водопоев. А тут — целую дорогу протоптали. Местность постепенно повышалась, море осталось далеко позади, вновь стали встречаться невысокие холмы и балки. В одной из таких небольших долин мы и наткнулись на ещё одно "поселение" чернокожих.

Я упал в траву, остальные последовали моему примеру. Так, где ползком, где низко пригибаясь, отряд привычно охватил обнаруженную стоянку со всех сторон. Мы стали наблюдать. Первые странности начались почти сразу — здесь не играли дети. На всех предыдущих стоянках они постоянно бегали между жилищами, а здесь — никого не видно. Дальше — больше, до полудня из-под свисающих лохмотьями, практически необработанных шкур, вышли только три человека. Две женщины, ещё довольно молодые, и один мужчина, постарше. Они, кашляя, пошатываясь от слабости и поддерживая друг друга, стали искать на склонах какую-то траву и сразу же ее есть. Через некоторое время все сборщики без сил опустились на землю, и долго лежали так с закрытыми глазами.

Присмотревшись внимательнее, мы поняли причину — тела черных людей захватили злые духи. Шея, грудь, а у мужчины ещё и голова, были обезображены большими вздутиями и наростами, на руках и ногах множество мелких кровоточащих ран. Я не на шутку испугался, помня, что рассказывал Дим о злых духах, живущих в грязи, настолько маленьких, что их не разглядеть. Зато очень многочисленных ... Командую отход, и мои люди смещаются западнее, чтобы ветер дул от нас. Заняв новую позицию, мы продолжили наблюдение.

Я уже думал, что эта троица отправились к своим чернокожим предкам — но нет, услышав далёкий вой волчьей стаи, они встали и побрели назад, прятаться в разваливающимся юртах. Глупо, наверное — без огня и оружия они и от лисицы не отобьются, не то что от волка. А огонь не разжигали уже давно, большую кучу золы в центре стоянки разметал ветер, обнажив чёрное пятно выжженной земли.

Через некоторое время мы увидели ещё нескольких обитателей этого места — двое

таких же изуродованных злыми духами мужчин с трудом выволокли из юрты труп третьего, и, оттащив тело на сотню метров, бросили его у небольшого ручейка. Прищурившись, я различаю груды разгрызенных костей рядом. Выходит, это далеко не первый труп, и хищные звери давно проведали об этом источнике "пищи"...

К вечеру мы насчитали около тридцати человек. Они ненадолго выбирались наружу, чаще всего, чтобы отойдя на пару метров, справить нужду, реже — выпить воды или поискать съедобные растения, и снова прятались. Точнее сосчитать этих людей, практически уже мертвых, помогли из здоровые сородичи. Заслышав шум позади, я отполз ещё дальше, и мы затаились в высокой траве.

К стоянке подошли четверо охотников, и сбросили на землю свою ношу — небольшого кабанчика и две массивные ноги, то ли тура, то ли бизона... К ним тут же выбрались все здешние жители, и стали есть мясо сырым, отрезая от принесенной добычи тонкие полоски. Что они говорили, понять было невозможно, скорее всего благодарили за еду. Вскоре охотники засобирались в обратный путь, поднялись по склону, и тут один из них, что-то заметив, направился в нашу сторону! Я услышал тихий щелчок от возводимого арбалета рядом, мои люди приготовились к схватке. Но до нас черный человек не дошёл, он нагнулся, и подобрал с земли большой нож, блеснувший в лучах заходящего солнца. Как позже выяснилось, его случайно обронил, отползая, один из л'тоа.

Громко что-то крича на ходу, чернокожий вернулся к своим, и стал показывать находку. Понимая, что сейчас они начнут все обыскивать и непременно обнаружат нас, я скомандовал отходить. Мы успели отойти далеко, балка с поселением живых мертвецов уже исчезла, когда заметили погоню. Четверо охотников уверенно шли по следу, быстро сокращая расстояние.

Но нас было больше, да и наличие арбалетов вселяло уверенность в победе. Отряд остановился, и, когда преследователи приблизились, два болта нашли свои цели. Оставшаяся пара бросилась бежать — думаю, что внезапная смерть соплеменников на таком расстоянии показалась им происками злых духов. Мы забрали болты, но железного ножа у убитых не оказалось. Преследовать сбежавших в сгущающейся темноте было слишком опасно, поэтому мои люди отошли в сторону и встали лагерем на ночовку. А утром я решил возвращаться в Лантирск, как можно быстрее...

— Не расстраивайся по поводу ножа, не велика потеря. Несколько дней проверяйте, не отправили ли за вами большой отряд.

— Мы идём очень быстро, только под вечер остановились, чтобы подстрелить похожее на козу животное.

— Сайгака?

— Наверное, их там было что муравьев в муравейнике. И все убежали после выстрела, пугливые...

Парень старается не подать виду, что боится, но голос его выдает... Попробую успокоить, описанные симптомы больше похожи на онкологию, чем на инфекцию.

— Тенак, я не думаю, что это заразная болезнь. Больше похоже на то, что случилось с Гером. Хотя, конечно странно, черная кожа намного лучше защищает от лучей солнца.

— Мы не станем жертвой злых духов?

— Время покажет. Но то, что здоровые охотники подходили к этой стоянке и разговаривали с ее обитателями, даёт вам надежду. Они не боялись заболеть.

— Мы все выкупались в первой же речке с мылом, хоть и холодно было. Это поможет?

— Лишним не будет точно. Грейтесь у костра ночью, а то простуду ещё захватите.

— Мы привычные...

На утро в пяти километрах западнее лагеря охотников поставили две юрты и собрали высокий частокол. Все пространство между оградой и временным жильем заложили дровами и сухой травой. Такие же завалы из веток окружили частокол снаружи.

Позже сюда доставят новую одежду, большой запас воды и еды. Тенак будет добираться минимум три недели, ещё столько же продлится карантин. Если у них обнаружатся симптомы неизвестной болезни, это место сначала оцепят охотники. А потом, дождавшись развязки, они же выпустят зажигательные стрелы по запасам топлива. Пламя поглотит и юрты, и тела, и ближайший участок леса, его уже стали отделять просекой...

Рассказанная Тенаком история заставила меня задуматься о защитных костюмах на случай контакта с больными людьми, своими или пришлыми. Вот придет под стены города несколько сотен кроманьонцев, и что с ними делать? Нет, что делать понятно — часть перебьют из-за стен, остальные или сбегут, или разделят их участь. Но останутся тела павших врагов. И они могут нести угрозу не меньшую, чем живые...

Все пространство за стенами можно будет обработать негашеной известью, это простейшее средство дезинфекции я уже получал, пусть и в небольшом количестве. Одежду, обувь, перчатки санитарных команд, потом, разумеется, сожжем. Открытые участки кожи людей несколько раз обработаем мылом и спиртом. А вот с защитой лица, глаз и легких все сложнее — тканевые маски мы сделаем, можно даже пропитать их свежесжатым соком чеснока, по примеру "чумных докторов" средневековья. Нужны были ещё очки — это в первую очередь плоские стекла, и оправы для них.

Сейчас загружали шукофен, готовясь к плавке, мое участие в этом процессе больше не требовалось, поэтому я решил попытаться сделать плоское стекло. В древнем Риме плоское стекло делали разливая вязкую стеклянную массу на глиняную поверхность. Этот способ я испробовал... Не смотря на смазку глины жиром, у меня получилась стеклянная плитка с одной ровной, а другой грязной и шероховатой поверхностью, нуждающейся в полировке. Результат улучшился, когда заменил глину на отполированную чугунную пластину. Из новой формы я вынул квадратный кусок толстого, слегка мутноватого стекла размером двадцать на двадцать сантиметров. Такие уже можно вставлять в окна домов...

Для очков пришлось изготавливать отдельные формы, но сделать их оказалось даже проще из-за меньшего размера. Пара одинаковых круглых стекол была вклеена в многослойную кожаную оправу, плотно прилегающую к лицу. Увлёкшись, я сделал и форму для первой двояковыпуклой линзы. Заготовку потом пришлось ещё неделю шлифовать, но солнечные лучи она собирала исправно, да и изображение неплохо увеличивала. Качество, конечно, оставляло желать лучшего — для изготовления хорошей оптики и хрусталя нужен оксид свинца.

Через несколько дней мое появление на улице в защитной маске и очках сначала напугало, а потом рассмешило детей. Взрослые, расспросив, для чего все это нужно, отнеслись к первым индивидуальным средствам защиты от "невидимых злых духов" с уважением. Перед Кругом Мастеров была поставлена задача в ближайшее время изготовить два десятка таких комплектов, и подумать над изготовлением ИСЗ для других профессий, в первую очередь металлургов, кузнецов, литейщиков.

С появлением "старых людей" все новые растения, найденные в лесу и степи, показывали в первую очередь им, на предмет съедобности. Сегодня Ант, сопровождавший

вместе с ещё двумя взрослыми мужчинами большую ватагу подростков детей на "гусиной охоте", принес в город ветку бересклета. Яркие розовые листья и красно-оранжевые ягоды с черными семенами объедали олени, но л'тоа уверенно заявили, что они ядовиты. Я, к разочарованию моего старого телохранителя, принял их сторону — людям есть плоды этого растения нельзя.

А потом, собрав всех, кто в это время был свободен, торжественно вручил Анту премию за находку. Никакой ошибки не было — у нас появился доступ к природной гуттаперче, второму, после млечного сока одуванчиков, заменителю резины. В коре побегов и особенно корней бересклета содержалось довольно много этого вещества. Добыть его можно было простым отстаиванием слегка забродившего и обработанного щелоком измельчённого сырья. Затем собранную массу гутты кипятили с водой, удаляли остатки коры, и использовали для пропитки тканей, изготовления ремней, кислотоупорной посуды и изоляции проводов.

— Ант, далеко добираться до этих кустов?

— Мы шли два часа, на противоположном берегу озера их целые заросли. Неужели этот "бересклет" настолько ценен?

— Ты даже представить не можешь, что нашёл... Завтра пойдем туда с топорами и лопатами, нужно набрать коры и корней. Ты со мной?

— Спрашиваешь! А что ты из нее сделаешь потом?

— Да много чего... На "Сайгаке" можно новый парус пропитать, плащи непромокаемые сделать, перчатки, зонты, для детей мячи — я просто сейчас все не вспомню!

— Да, хорошая штука...

Ант был прав — природные заменители каучука были очень хорошей штукой. Пока у меня не было бензина, керосина или подобных им лёгких фракций перегонки нефти, чтобы получать жидкую резину. Не было и серы, для ее вулканизации, и дальнейшего получения эбонита. Но даже без этого, латекс из одуванчиков и гуттаперча из бересклета найдут свое применение!

Начавшийся отстрел птиц в разы перекрывал прошлогодние результаты. Использование стрелкового оружия, лодок и "собак" позволило подросткам и даже детям почувствовать себя настоящими добытчиками. Выбивали в основном хорошо откормленных гусей, весивших до пяти килограмм, реже — более мелких уток.

Ч'чонг светился от счастья, радуясь успехам своих воспитанников — старик в детях души не чаял, и те отвечали ему взаимностью. Пока он ходил вместе с мамонтами к солёным озёрам, они по десятку раз в день доставали меня вопросами, как скоро вернётся их любимый дед и наставник. Что интересно, так вели себя не только л'тоа, неандертальские детишки и метисы кроманьонцев вели себя точно так же. Секрет такой популярности был прост — старик превращал учебу в игру, соревнования, умел найти подход к каждому ребенку. Сейчас он возился с малышами — мой Ингвар тоже был среди них. Ч'чонг рассказывал сказку о хитром л'тоа и глупой куропатке, попавшейся в сплетенную из прутьев и травы ловушку. Сама ловушка была выставлена на всеобщее обозрение, а малышня пыталась переплести ветки, чтобы быть похожими на сказочного героя.

— Дим, идти помогать дети поймать глупый птица?

— Нет, они и сами отлично справляются, вон какую добычу тащат!..

Детвора, скооперировавшись, накинули составленную из десятка кусков корзину на камень — "куропатку", и теперь увлеченно толкали булыжник к нам.

— Ч'чонг, все л'тоа знают о полезных растениях?

— Знать все, но хорошо знать — только старшие. Дети не знают, они только учиться.

— Ты самый старший из своего народа, верно?

— Да, О'нти и Рейв'ан видят меньше зим, чем Ч'чонг.

Так я и думал, пожилые женщины, возглавлявшие ещё два рода л'тоа, выглядели моложе моего собеседника.

— Ч'чонг, все эти знания не должны пропасть. Я прошу вас троих каждый день приходить ко мне в дом, и Эрика будет записывать все, что вы вспомните.

— Растений много, говорить много... Мы приходим, Дим. И наши ученики приходят, им полезно слушать много раз.

— Я и сам вас внимательно послушаю, и Круг Матерей позову. А пока попробуй вспомнить, видел ли ты у людей болезнь, при которой вздувается буграми шея?

— Давно видеть. Плохо, если так. Человек умереть.

— Другие люди заболели?

— Нет, мы жить рядом две зимы, больше никто не стал таким же.

Вечером обрадую Тенака, его отряд проходил в день по тридцать — сорок километров, спеша вернуться до морозов. Я не стал скрывать от него, что если хоть один человек из отряда заболит, в Лантирск их не пустят.

— Травы не помогли?

— Мы пробовать много разных, очень много. Не вылечить человек, но он легче бороться.

— Ты помнишь те растения, что хоть как-то действовали?

— Листья дерева, из которого плести верши. Отвар трава с жёлтым соком и цветком. И отвар из похожий на "мак" трава, с красный цветок.

Ива, чистотел, полевой мак... В иве содержались природные заменители аспирина, производные салициловой кислоты. В чистотеле десятки алкалоидов и ядов, опиаты мака я уже применял. Выходит, л'тоа пытались бороться с раком? Вылечить такими средствами его невозможно, но ослабить симптомы, и слегка замедлить — пожалуй, что и могли. Но что, кроме радиации, могло одновременно поразить столько кроманьонцев? Не атомную же бомбу они каменными топорами изготовили...

Локализация в области шеи и груди указывала на поражение лёгких. Вдыхали пары какой-то химической гадости? Но где они ее достали?

Я, например, мог достать — в том же коксовом газе есть бензол, и если всерьез задаться целью, его можно извлечь при перегонке каменноугольной смолы.

Мышьяк, свинец? Минералы последнего я бы и сам поискал, а единственное упоминание о мышьяке на территории Украины, что я слышал — минеральная вода где-то у реки Тисы, далеко на Западе.

— Ч'чонг, а отчего заболел тот человек? Что он делал такого, чего не делали другие?

— О, это я знать! Л'тоа тогда жить возле высокой горы, и он найти каменная трава. Сделать себе стены дом из каменная трава.

— Что за трава?

— Она не живая, Дим. Из камня, мне не понравиться — я сразу чихать. После его смерть мы зарыть в землю и его тело, и эта трава.

Асбест, что ли?... Тенак не видел, чтобы черные люди приносили похожий волокнистый материал в поселения. Но что творится в юртах, не знал никто. В будущем этот минерал

долго использовали для производства шифера, но в начале двадцать первого века, после тысяч подтвержденных случаев заболевания рабочих, его запретили. Мельчайшая силикатная пыль асбеста могла вызвать рак лёгких и гортани, но кожи — вряд ли..

Больше от Ч'чонга я ничего не добился. Немного поиграл с детьми и, подхватив Ингвара, отправился во "дворец". Солнце склонилось к закату, в город возвращались рабочие из-за стен. Некоторые спешили в столовую, побыстрее получить готовый ужин, чтобы отдыхать дома, другие наоборот, встретив соседей, подолгу стояли, обмениваясь новостями. Перед входами в дома зажигались небольшие глиняные светильники со стеклянными колпаками. Идея прикрыть дрожащий огонек от ветра стеклом лежала на поверхности, и ее неандертальцы реализовали сами. Молодая девчонка-изобретатель заказала у стеклодувов одну часть, у гончаров — другую, и, получив желаемое, принесла собранный светильник на собрание Круга Мастеров. Премию ей, конечно выдали, но сами ремесленники ещё неделю сокрушенно качали головами при встрече друг с другом — как им самим не пришла в голову такая идея?

— Эрика, у нас есть запас бумаги?

— Мало, сам знаешь, сколько ты каждый день тратишь. А сколько нужно?

— Для начала хотя бы сотню листов, будешь с подругами составлять первый травник. Л'тоа знают о растениях очень много, я хочу это все сохранить.

— А детей кто учить будет?

— Набирай ещё помощниц. Мужчин не дам, они все разобраны...

— Дим, давай после Свадьбы, когда заготовка птицы закончится? Сейчас с кухни никого не отпустят, и так ещё долго будет!

— Ладно, уговорила, наберёшь позже. А травник писать начнем уже завтра, придется тебе пока сократить свои уроки.

— Дим!

— Не спорь... Ч'чонг ещё крепкий, но он уже очень стар. Помнишь, как простуда по старикам ударила? А если это повториться?

— Жена с сомнением посмотрела на меня:

— Л'тоа почти не болеют. Эти злые духи им не страшны.

— Микробы иногда могут меняться, за один день они проживают несколько жизней. И те, что не могли навредить сегодня, завтра смогут убить человека.

— Вот всегда ты так, и не поспоришь. Дим, так не честно!

— Зато быстро! Все, не обижайся, лучше давай подумаем, что со свадебной церемонией делать будем.

Эта тема мгновенно отодвинула все остальное на задний план. Эрика насторожилась, готовясь вновь спорить.

— Круг Матерей повторно выдвинул меня в женихи. Я отказался, но они недовольны таким решением.

— Из-за Ингвара?..

— Да. Объяснил им, почему наш сын так медленно растет.

— Дим, а я... не смогу прожить дольше?

— Я бы многое отдал за такую возможность, любимая. Нет, это не в моих силах.

Жена отвернулась, стараясь скрыть слезы. Это тяжело, понимать, что ты состаришься и умрёшь, а твой любимый человек останется почти прежним...

— Я надеюсь, ты проживёшь дольше других женщин. При беременности вы с Ингваром

были связаны очень тесно, и часть измененных клеток навсегда осталась в тебе.

— Правда?

— Лет через тридцать скажу точно. Не плачь, я же обещал, что мне не нужны другие женщины, кроме тебя?

Эрика шмыгнула носом, и, соглашаясь, вытерла со щек мокрые дорожки.

— Когда я стану старой и некрасивой, то верну тебе это обещание. А может, и раньше, рядом с вождём должны быть сильные женщины, а не жадная старуха...

— Эрика, я хочу, чтобы ты прошла путем энноя.

Жена поежилась, но, вопреки ожиданиям, сразу отказываться не стала. Мы несколько раз обсуждали случившиеся в этом месте перемены, и теперь Первая Пещера пугала ее гораздо меньше.

— Очень немногие могут туда пройти. Дим, я и сейчас боюсь, но обязательно попробую, обещаю! Только когда мои волосы станут белыми, как снег. И когда у нас родится ещё два, нет, четыре ребенка!

— А не много это для тебя будет?

— Ты же сам сказал, что Ингвар оставил мне в подарок частичку себя, а значит, и своего отца?

— Предположил...

— А я что говорю? Наши дети помогут мне дольше оставаться красивой. Пусть Круи Матерей немного подождёт, ничего с ними не случится. Я хочу быть единственной твоей женщиной, пока молодость меня не покинет... Это много?

— Нет, родная. Это мало, я думал, ты вообще не согласишься с таким требованием.

— Если ты прав, то наш сын никогда не станет вождём. И его сын тоже — ты проживёшь намного дольше их...

— Меня могут убить. Люди, звери, микробы — от этого не застрахован никто.

— А ты постарайся этого не допустить, Дим. Тогда уже будет не важно, какая из жен была прабабкой того далекого потомка, который займет твое место. И ты не только сможешь выбрать среди них лучшего, но и подготовить его.

— Этого нельзя допускать. Против него тут же объединятся остальные, и так будет до тех пор, пока не останется только один из них. Понимаешь?

— Не говори так... Наши дети не должны убивать друг друга из-за места вождя!

— Вот поэтому нового вождя в Лантирске никогда больше не будет, Эрика. Я смогу удержать в равновесии все три Круга, только если в каждом из них будут представлены люди из всех родов и семей.

Жена потрясённо молчит. Такое заявление выходило далеко за рамки сложившегося в ее голове представления о будущем города и его жителей.

— В следующем году наш дом станет первым Храмом Мудрости. В нем станут накапливаться знания обо всем, что есть в этом мире. А Круги власти станут предварять их в жизнь, делая ее легче и комфортнее.

— А не захотят ли те, кто узнает слишком много, переделать все по своему?

— Пока я жив, этого не случиться.

— А когда умрёшь?

— Даже после смерти я смогу из Первой Пещеры не только увидеть нарушителя порядка, но и забрать его из мира живых.

— Дим, я не могу себе представить такое количество лет, о которых ты говорил... Но

тебя тоже могут забыть!

— Познание мира бесконечно, а Храм Мудрости станет символом этого познания и новой жизни. Наши имена — да, и твое, и Рауга, и Анта, и многих других, уже неразрывно связаны с переменами к лучшему. Они навсегда войдут в историю, и даже через тысячи лет в школе на уроке дети произнесут "Дим" и "Эрика".

— Я хотела бы увидеть Лантирск, каким он станет тогда...

— Это будет прекрасное место, гораздо красивее тех картин, что ты видела в пламени. Поверь мне, если люди ищут не только способы убить друг друга, то они способны творить чудеса!

— Верю!.. Дим, я тоже могу творить чудеса, М'инг'хо вчера нам с девчонками такое рассказала!..

— Она скрыла это от Круга Матерей?

— А тебе почём знать? Может, мы специально вам, мужчинам не все сразу показываем...

Делать нечего, с такими вопросами не шутят. Я тихонько затушил светильник, и притянул к себе свою женщину...

Пролетела очередная неделя, мы стали богаче почти на тонну металла, и плавка все ещё продолжалась. Уже отлили все чугунные детали для новых печей, моих станков и пилорамы. Сейчас отливали чайбы, и обычные, и их десятины, а следом за ними ждали своей очереди большие котлы и сковороды для столовых. Гора руды и кокса уменьшилась едва на треть, сырья хватит на все запланированное с избытком. Слав с помощниками спешно готовили новые формы — в первую очередь для изготовления толстостенных труб и больших плоских листов металла — они пригодятся для дальнейшего усовершенствования как самого шпукофена, так и модернизации коксовой батареи. Да и лишний десяток молотов или посуды нам не помешает.

Из коры бересклета получилось добыть немного гуттаперчи — две тонкие прямоугольные пластинки сероватого цвета сейчас лежали на моем столе. Материал был упругим, довольно эластичным, но слегка жестковатым. Растворив его кусочек в скипидаре, я пропитал этим составом кусок ткани — результат получился средний. В тепле ткань не пропускала воду, была немного липкой на ощупь, а на холоде быстро твердела. Медицинские перчатки из такого точно не сделать, но для пропитки подошв обуви — самое то!

Сегодня отвезли воду, припасы и новую одежду для Тенака, он почти добрался до карантинной стоянки. Отряд разведчиков шел по знакомым местам, и к вечеру будет на месте. За время пути ни один из них не заболел, настроение у парней было бодрое, и вынужденное ожидание они воспринимали как заслуженный отдых.

Во время обеда подростки, притащившие очередной десяток гусей на кухню, увидев там вождя, тут же стали наперебой рассказывать о новом встреченном ими звере. Похожий на наших камышовых котов, но поменьше, хорошо лазающий по деревьям и с очень красивым пушистым мехом. Убивать его не стали, пожалели, но место встречи запомнили.

За несколько лет мы так и не отыскали лесных котов. Эти предки домашних любимцев должны были быть широко распространены в лесной и лесостепной зоне, но то ли они искусно прятались, то ли мы плохо искали. А может, все они обитали севернее, этого кота заметили в десяти километрах от города. Он попытался утащить подстреленного гуся, но не справился с такой большой добычей, и, завидев людей, спешно ретировался.

Вручив каждому из юных охотников по одной чайбе, я пообещал в награду за каждого

котенка такого зверя выплатить по десять. И даже дать нескольких взрослых охотников весной в сопровождение, для поисков гнезд. Дело в том, что наши камышовые кошки по своим повадкам больше походили на собак, чем на котов — они не любили долго находиться в помещениях и часами выслеживать мелкую мышь. Прекрасно справляясь с ласками, горностаями и птицами, проникавшими на их территорию, они предпочитали жить в городе, но на улице. Этим зверей тоже нужно будет разводить, в первую очередь для охраны полей. Но хочется получить и совсем домашних мурлык...

Ночью я заглянул в сон Тенака, общаться с разведчиками до окончания карантина придется через меня.

— Как устроились?

— Все нормально, мы уже вымылись и переоделись. Спасибо! Поблагодари от нашего имени жен за новую одежду.

— Они старались, на нательных рубахах даже вышивка есть.

— Видели! Леса ещё один станок получила?

— Да, жаль только, что пряжи не хватает на всех. Но для вас это часть награды за поход, так что выделила из своих запасов.

— Дим, нужно ещё за козами сходить, к горам. Из там много было...

— Не помешает, ещё хотя бы года три четыре. У наших животных в этом году уже появился десяток козлят, так что теперь стало станет увеличиваться быстрее. А тебя уже снова тянет путешествовать?

— Почему бы и нет? Мне понравилось, плохо только, что в этот раз с продуктами не рассчитали и на больных людей наткнулись.

— Тенак, когда решим проблему с чернокожими, мы с тобой отправимся не только за козами. Лантирску жизненно необходимы новые походы. Очень далеко, сначала на юг, потом на запад. Мир огромен, и чтобы наш народ смог быстрее расти, нужно очень много разных вещей, которых я пока здесь не отыскал.

— Лёгкие жёлтые камни? Я внимательно смотрел по сторонам, но не видел ничего похожего.

— И они тоже. Пользу может принести что угодно — новые камни, растения, животные, птицы... Даже насекомые.

— Пчелы? Дети любят мед, моя Даника вообще его обожает!

— Кроме них, есть ещё и гусеницы, которые производят тонкую нить, шёлк. Она очень крепкая, не гниёт и очень приятная на ощупь.

— Так давай этих гусениц принесем сюда, вон сколько травы и деревьев вокруг, мамонты кормятся, не то что какие-то насекомые!

— Они едят листья только одного дерева, шелковицы. И я даже не знаю, выдержит ли это дерево наши зимы... Разве что на старом месте, у Тихой — там даже какие-то цитрусовые прижились. Никогда не думал, что такое вообще возможно!

— Цитрусовые?

— Да, те кислые красноватые плоды, помнишь? Они должны расти намного южнее, где ещё теплее.

— Помню, хорошее дерево. Нужно было такие и тут посадить, вдруг вырастут?

— Нет, минус тридцать точно не выдержат... Но ты прав в том, что эти уникальные деревья нужно сохранить.

— Посадить больше таких, и ходить за урожаем?

— Далеко везти, сгниют. Нет, плоды нужно будет перерабатывать на месте, и везти в город уже готовый продукт. Эхх, не получится пока, слишком мало ещё у нас людей!..

— Мало? Я по имени и половины не знаю!

— Тенак, для того, чтобы управлять всем миром, нужно намного больше. Тысяч раз по столько, и потом ещё тысячу...

— Столько людей я представить не смогу... Это же сколько бизонов нужно будет в день убивать?

— Такому населению и всех стад в степи не хватит. Нет, тогда нас будет кормить не охота, а домашние животные и растения. Ну, и море, конечно, океаны смогут и больше людей прокормить, если их разумно эксплуатировать.

Что такое океан, Тенак знал, но представлял плохо — такая масса воды не укладывалась в голове. А то, что в большой воде и рыбы больше, парень и сам видел...

— Мы до Свадьбы вернёмся?

— Как раз успеете. Хочешь поучаствовать?

— Я? Нет, наверное... Но мои люди хотят почти все.

— Выбор невест будет очень большой, но учтите, что большая часть из них — вдовы из бывшего рода Большезуба.

— Это понятно. А л'тоа своих девушек отпустят?

— Вот куда тебя тянет... Отпустят. Шестеро, но двое уже выбрали парней. Так что, передумал? У меня ещё несколько человек по квоте вождя могут пройти.

— А ты сам?

— Как ты сказал — не в этом году! Да и не в следующем точно, Эрика согласится на вторую женщину в нашем доме, только когда у нас родиться пятый ребенок.

— А моя жена не против, говорит, легче будет детей растить... Дим, ты знаешь Эт'тиан?

— Внучку Ч'чонга? Знаю. Но раньше окончания карантина встретиться вам не разрешу, можешь не просить.

— Да знаю я... Пожалуйста, передай ее деду, что Тенак никуда не сбежал, и будет на свадьбе!

Передам, мне не сложно. Ещё и намекну старику, что Тенак, когда подрастет, может стать новым главой рода Острых Копий. Ладно, пора заканчивать, вдруг кто-то из энноев, оставшихся в Первой Пещере, все же захочет со мной поговорить. Я держал свое сознание открытым каждое полнолуние, но пока гостей в моих снах не было...

... Ослепительно-белые горы вздымаются на огромную высоту. Ледник... Главное проклятье этого мира, сделавший огромные территории непригодными для жизни и изменивший климат планеты на десятки тысяч лет. Белая стена пытается подавить волю любого, кто осмелится бросить ей вызов. Рассеченная тысячами трещин, готовая обрушиться в любой миг многотонными глыбами, она надёжно охраняла это царство вечного холода.

Стоящие рядом незнакомые люди кажутся на их фоне муравьями. Странная на них одежда — я помнил похожие лёгкие зимние куртки, они были популярны в будущем. Неужели китайцы научились проходить в прошлое и торговать там одеждой? Бред же! Присматриваюсь внимательнее — нет, ткань хоть и необычная на вид, но это не синтетика, да и обувь тоже. Рядом на снегу стоят аккуратно сделанные нарты, видна упряжка. Собаки?.. Нет, скорее все же волки.

Миниатюрная женщина, склонившись над раскрытыми ящиками, сосредоточено в них копается, шуршит бумага, позвякивает стекло, иногда раздаётся звон металла. Лица не

видно, но быстро мелькающие пальцы, не прикрытые меховыми перчатками, темные.

Рядом слышны щелчки мощного арбалета, вверх улетают тяжёлые болты, впиваясь в лёд высоко над нами. Ещё несколько выстрелов, и стоящий рядом темнокожий мужчина, откинув подбитый мехом капюшон, довольно улыбается. Повернув к нашей спутнице, так и не вставшей, широкое скуластое лицо, он произносит что-то на непонятном языке, затем бережно сдувает с оружия снежинки и упаковывает его в специальный чемоданчик.

В кого он стрелял? Сколько я не всматривался, так и не смог различить ни одного зверя на ледяных уступах. Только темно-бордовые, почти черные потёки крови на нависающих над нами белоснежных карнизах подтверждали, что стрелок не промахнулся...

Утром, проснувшись ещё затемно, я пытался понять, что же увидел ночью. Судя по яркости и детализации картинки, это очередной сон — предвидение. Или предупреждение об опасности, таящейся во льдах?

Из обитавших в Арктике крупных хищников, которые могли бы представлять угрозу для человека, в голову приходили только белые медведи. Но как они смогли залезть так высоко? Представить себе мишку, карабкающегося по вертикальным утесам, рискуя ежесекундно сорваться, не получалось. Да и ездовые волки вели себя спокойно, а уж они то запах медведя за километр учуют. Версия, что там могли скрываться люди, тоже не выдерживала никакой критики. Без альпинистского снаряжения взобраться туда не смог бы ни один человек.

Не меньше вопросов вызывали и мои спутники. Во-первых, мужчина, хоть и был темнокожим, кроманьонцем не являлся. Слишком широкое лицо, выступающие вперёд брови, необычный разрез глаз — все это признаки совершенно другого вида людей. Рядом со мной были денисовцы — судя по фразе на непонятном мне языке, обращённой к женщине, та его поняла.

Из одежда и обувь наводила на мысли о более высоком уровне технологий, чем те, что были сейчас в Лантирске. Похожие нарты, пожалуй, можно собрать и сейчас, разве что работать придется очень аккуратно. А вот арбалет темнокожего стрелка сразу ставил точку в рассуждениях, когда это произойдет. Все очень просто — дуги оружия были выполнены из полос упругой стали.

Для получения подобного материала как минимум нужно достичь температуры в тысячу шестьсот градусов, тщательно очистить железо от примесей, или, в случае чугуна — выжечь лишний углерод потоком воздуха. Желательно добавить легирующие добавки — хром, никель, и так далее. На освоение подобных технологий у нас уйдут многие десятилетия. В то, что где-то в Азии существует более развитое общество, чем мои неандертальцы, я не верил. Так что эти события, если и произойдут, то минимум лет через пятьдесят...

Позавтракав, я отправился к Ч'чонгу. Передать просьбу Тенака, и замолвить за него словечко — это только повод. Мне хотелось внимательнее рассмотреть девочек-метисок, дочерей кроманьонков и денисовцев. С пустыми руками к детям идти не хотелось, поэтому сопровождающий меня Ингвар гордо нес небольшой глиняный горшок, заполненный перемешанными с медом орехами. Это лакомство дети видели нечасто, а в этом году ещё и погода помешала пчёлам собрать достаточно любимой детской сладости.

Встретили нас восторженными воплями, и Ч'чонг, услышав мои извинения за нарушенный ход сказки-урока, только рукой махнул — до вечера времени полно.

— Эт'тиан не забыть Тенак. Это ты разрешить ему брать вторая жена?

— Да. Парень хорошо справился с моим заданием, все разузнал о черных людях,

согнавших род Выдры с их земель. Это достойно награды.

— А его женщина не обижать мою Эт'тиан?

— Нет, за это не беспокойся, Тенак уверяет, что она только рада будет.

— Тогда пусть идти... Она с ним жить, не я.

Дети, делая вид, что продолжают игру, то и дело поглядывали на угощение. Сажусь на пол, ставлю горшок на невысокий столик, и малыши по-очереди набирают полные ложки лакомства.

Подошли за своей порцией и интересующие меня девочки. Они подросли за это время, и, странное дело — за исключением светло коричневой кожи и кажущихся слегка прищуренными глаз, больше ничем не выделялись среди неандертальцев и л'тоа. Гены двух видов людей, объединившись, словно растворились друг в друге, сильно смягчив характерные черты, и сделав детей лишь чуточку отличающимся от остальных.

Похожи они на того мужчину из сна, или нет? Сложно сказать... На уровне подсознания чувствуется в них что-то общее, но не более. В Землях Вечной Охоты, где лица денисовцев большей частью были полупрозрачны, мне тоже не всегда удавалось четко разглядеть черты этих людей, и теперь возникало такое же чувство, когда угадываешь приближающегося человека по его силуэту...

Вскоре меня отвлекли от этих размышлений другие дела — новые детали подошли почти идеально, и через два дня подгонки и шлифовки оба станка были собраны.

Первый, предназначенный для изготовления коротких арбалетных болтов, при испытании показал себя с лучшей стороны — древки выходили гладкими, с плавно увеличивающимся к хвостовой части сечением. Для его работы, как и для предыдущих, нужны были два человека — никакого двигателя не было, и помощник мастера должен был крутить вал вручную.

Второй станок ожидания не оправдал — более длинные и тонкие стрелы для луков при нажиме резцом просто изгибались, и добиться одинакового сечения было очень трудно. Поэтому механизм оставили для обработки более толстых заготовок — рукояток инструментов, частей мебели, деревянной посуды и игрушек.

К концу октября завершили последнюю плавку и внутреннюю отделку новых домов. Теперь в них непрерывно горели печи, ускоряя просушку стен. Добычу руды и угля остановили до следующего сезона, вернувшиеся с рудников рабочие начали насыпать земляной вал. Он протянется вдоль всего восточного берега реки — в нижней точке насыпь будет около двенадцати метров в высоту, и затем, к югу и северу постепенно сойдёт на нет. С западной стороны напротив, постепенно будет формироваться ров, замыкая периметр вокруг города. Настолько масштабные земляные работы займут много времени, даже запряженных лошадьми телеги не слишком ускоряли процесс. В первоначальные расчеты пришлось вносить существенные поправки, строительство второй стены при том же количестве рабочих продлится минимум пять лет. Поэтому, чем раньше мы начнем подготовку, тем лучше.

Срок карантина закончился, и отряд разведчиков, после тщательного осмотра, был признан совершенно здоровым. Парни смогли наконец вернуться в Лантирск и встретиться со своими семьями после нескольких месяцев разлуки. Слава добрым Предкам, все разработанные на крайний случай меры не пригодились.

Город готовился к проведению ежегодной Свадебной церемонии — все ее участники наряжали центральную площадь, вытаскивали длинные столы из домов и сооружали над

ними навесы. Организаторами в этом году выступали мы с Эрикой, поэтому нам пришлось с головой окунуться в предпраздничную суету. И когда четвертого ноября над вышкой лагеря охотников поднялся черный столб дыма, и часовые подняли тревогу, это стало для нас полной неожиданностью...

Глава 7. Храм Мудрости

*...Может быть,
Наивны мы, и нет нигде орбит
другой Судьбы
Может быть,
Нам не найти во тьме маршрут туда,
Где Время спит.
Есть точка невозврата из мечты,
И мы с тобой смогли её пройти...
Группа "Ария", "Точка невозврата"*

Интерлюдия 3

...Сколько им ещё идти? Прошло уже много дней с тех пор, как мужчины окончательно потеряли след белых людей. Теперь они просто шли в том же направлении, что и раньше, стараясь не думать о том, что их ждёт впереди. Если незваных гостей не убьют при первой же встрече, то это будет настоящим чудом...

Но даже если в конце пути беглецов ждёт смерть, и они, и их дети погибнут от простого оружия и ран, им нанесенных. Это лучше, чем медленно умирать несколько месяцев, а то и лет, получив ужасное проклятье. Многие люди Бинадаму давно уже заметили, что страшная болезнь почему-то падает именно на тех, кто решился оскорбить или оспорить решения колдунов.

Ее мужчина рискнул... Всему виной стал найденный Гамбой в степи нож из блестящего камня, который был намного лучше обычных. Эбере знала, что муж врал всем людям про степь, в действительности он ходил к стоянке проклятых, относил еду своему другу Тафари. Тот три зимы назад сильно разругался с Джитуку, через которого говорит сам великий дух Плодородия. Недавно проклятье настигло обидчика колдуна, и Тафари изгнали из стойбища.

Гамба не захотел отдавать удивительное оружие Джитуку, когда тот потребовал принести его в дар великому духу вместо привычного мяса. Нет, ни спорить, ни оскорблять друг друга никто не стал, колдун все так же улыбался при встрече. Но когда вечером он забрал амулеты у всех, кто поддержал тогда Гамбу, она поняла, что их дни сочтены.

В его слова о том, что нужно наложить новое благословение, никто из них не поверил. А наутро Джитуку отдал им священные камни... Они уже не были похожи на те, что были раньше. Вместо привычной серой поверхности в глубине странно потемневшего камня переплетались тонкие коричневые и темно-зеленые иголки.

Настоящий человек не может жить без благословения, иначе его объявят врагом великого духа Плодородия, и убьют. Амулеты должны носить все без исключения. Надевая на шею подмененный камень, только на время, пока шла к другим жилищам, Эбере разыскала остальных, и сумела убедить их бежать.

В тот же день пять семейных пар, забрав детей и оружие, незаметно выскользнули с территории стоянки. Их уход не заметили сразу, и люди так быстро, как только могли, отправились в холодную осеннюю степь, на северо-восток. Мужчины заставили их долго брести в холодной воде, вдоль берега первого попавшегося по дороге ручья. Это помогло, погоня, если и была, не смогла отыскать их следы. Год назад в эту же сторону ушли белые

люди, жившие раньше на левом берегу Большой Реки. Бинадаму прогнали их, потому что по словам колдунов, только такие, неправильные люди, не поклоняющиеся великому духу, и могли насыпать проклятья. Но и на новом месте невидимое зло продолжало преследовать все рода без исключения.

В очередную сказку Джитуку о том, что где-то на востоке обитает могущественный белый колдун, и именно он виновен во всех бедах людей, беглецы поверили лишь отчасти. Создать удивительный нож простому человеку и вправду не под силу. Обладающий такими знаниями мог защитить и себя, и многих других, недаром все белые люди ушли к нему. Может, он проявит милосердие, и защитит и их? А проклятье... Эбере надеялась, что оно уже не достанет ни ее саму, ни ее спутников — все новые амулеты так и остались лежать в покинутых жилищах...

На этот раз действовали спокойно, без паники. Животных загнали в сарай, люди вернулись за стены и начали вооружаться. Прошлые ошибки были учтены, и теперь все зависло от численности замеченных врагов. Второй наблюдатель сейчас со всех ног бежит из охотничьего лагеря в город, а остальные будут действовать по обстоятельствам. Там сейчас полсотни мужчин и в два раза больше подростков. "Детские" луки может и не убьют бизона с одного выстрела, но их стрелы с лёгкостью прошивали как обычную одежду из шкур, так и тела людей. Так что небольшой отряд врагов они просто не подпустят близко, перестреляв их на расстоянии, а крупное соединение остановят, скрывшись за стенами. Крайний случай — такая же по численности орда, как и явившаяся на земли рода Выдры. Тогда они спокойно отойдут в Лантирск, оставив лагерь, здесь выдержать бой с большими силами будет проще.

Через полчаса в открытые южные ворота вбежал Вит. Пока парень переводил дыхание, вокруг него собралась огромная толпа людей, ждущих, какие новости принес гонец — плохие или очень плохие.

— Вит, на, выпей. Сколько врагов вы заметили?

— Уфффф...

Парень вытер вспотевшее лицо и с наслаждением осушил кружку отвара из ягод и мяты.

— Десять взрослых черных людей, и шестеро детей.

— Детей?

— Да, их женщины несли на руках, а двое постарше сами шли рядом.

Кроманьонцы это не отморозки Варга, детей в бой точно не отправят. Да ещё таких мелких...

— Взрослых мужчин сколько?

— Пятеро.

Это точно не нападение. Такими силами даже слабый род не одолеть.

— Отбой, все продолжайте заниматься своими делами. Дар, Тур, Утар — собирайтесь, мы сходим в лагерь охотников.

— Доспехи одевать?

— Конечно. Вы же не хотите случайно получить кусок камня под ребра?

Надеюсь, охотники не откроют стрельбу без предупреждения. Эти люди могли бы многое рассказать, если мы сможем преодолеть языковой барьер. Ну, а если нет — значит, не судьба...

— Канг, ты тоже с нами. Позови Мтан, ей нужно будет одеть доспех. Тур, выдай ей свой первый комплект. Она высокая, по росту будет как раз.

— Женщине доспех?

— А чем она от тебя отличается? Или ты думаешь, что ее кожа крепче, чем у бизона?

Тур, смутившись, направился во "дворец". В общем-то он прав, до этого ещё ни одна женщина доспех не одевала.

— Вит, ты как, отдышался?

— Да, теперь могу ещё столько же пробежать!

— Бежать никуда не надо... Они далеко были, когда ты их заметил?

— Сигнал мы подали сразу, едва разглядели, что черные точки на горизонте — люди.

Им ещё долго идти, если не испугаются, увидев дым.

— Отлично! Пойдешь с нами, твоя смена ещё не закончилась, верно?

— Да... Свадьбу не посмотрю завтра...

— Не расстраивайся, в следующем году посмотришь, а ещё через пару лет и сам поучаствуешь!

Собрались быстро, вся наша группа экипировалась по максимуму. Взяли даже щиты, чтобы свести к минимуму риск ранения. Я не слишком надеялся на то, что Мтан поможет — у кроманьонцев, так же как и у местных родов, могло быть десятки языков и наречий. Но попытаться стояло, тем более наличие среди переговорщиков человека с темной кожей могло снизить градус напряжения.

К лагерю охотников мы подошли через час. Там уже собрались все, кто был в степи и на озёрах на момент подачи тревожного сигнала. Большая телега, доверху заваленная тушками гусей, стояла за частоколом.

— Добычу отправляйте в город, до вечера ее ещё переработать нужно. Венд, возьми пятерых человек и займись этим.

Несколько человек стали запрягать пару лошадей, спокойно жующих сено неподалеку.

— Черные люди остановились далеко в степи, как только заметили дым. Они боятся идти дальше.

— Разумное решение... Вот только зачем они пришли к нам? Может, это другой род, не те, что заняли земли Выдр?

— Мы тоже так думаем. Зачем тащить детей через всю степь, чтобы потом отдать и их, и себя в руки врагов?

— Все взрослые идут с нами, подростки — возвращаются в Лантирск с Вендом. Выходим!

Трава вокруг лагеря была выкошена на несколько километров, идти по ровной, как стол, степи — одно удовольствие. Далёкие черные точки постепенно приближались, и через час мы остановились.

Кроманьонцы давно заметили наше приближение, но даже не думали убегать. Пятеро мужчин стояли, держа копья горизонтально, на вытянутых перед собой руках. За их спинами на земле сидели женщины, сбившись в тесный круг, внутри которого, судя по периодически доносившемуся плачу, находились дети.

— Мтан, вспоминай, как будет звучать приветствие на твоём старом языке. Если они тебя не поймут, говори общие фразы и слова — мужчина, женщина, земля, небо, вода и так далее. Может, отдельные слова эти люди узнают.

— Они похожи на мой бывший род, но наши мужчины были повыше... Хорошо, Дим, я буду говорить очень громко!

— Со мной идёт Мтан, ее муж, Утар, Дар и Тур. Остальные стоят на месте. Арбалеть

зарядить, держать их наготове.

Когда мы вшестером подошли к кроманьонцам совсем близко, на десяток метров, Мтан произнесла одну короткую фразу, затем другую, подлиннее. Черные люди, несомненно, отметили, что женщина, хоть и одета в тяжёлую чешуйчатую одежду, такая же, как они сами. Вот только они ее не понимали... Когда один из кроманьонцев прокричал ответ, Мтан только руками развела — слова звучали совершенно незнакомо.

После нескольких попыток завязать разговор, чернокожий мужчина сделал шаг вперед. Я краем глаза заметил, как мои телохранители подняли арбалеты. Но нападать на нас никто не собирался. Продолжая удерживать тонкое копьё горизонтально, кроманьонец опустил руки, упёрся в него коленом, и, поднатужившись, сломал древко. Затем, бросив обломки на землю, опустился на колени и низко склонил голову. Он что-то тихо сказал своим спутникам, и те, поколебавшись секунду, повторили его действия. Смысл жеста был понятен — если в начале они предлагали нам свое оружие в знак мирных намерений, то теперь, отчаявшись понять белых людей, демонстрировали полное подчинение.

— Опустите арбалеты. Мтан, начинай перечислять названия предметов и животных.

Первое совпадение случилось всего через пару минут. Слово "биину", означающее "человек", кроманьонцы поняли. Через полчаса Мтан замолчала, язык ее рода был не слишком богат. Частично совпали по звучанию два десятка слов — еда, вода, оружие, ребенок, идти, стоять, спать...

— Скажи им, чтобы шли за нами. Их не убьют.

Сегодняшние переговоры завершились. Эти люди пришли к нам специально, они отказались от оружия. Внешне никаких признаков болезней я не заметил, поэтому решил отвести этих людей в освободившийся карантинный поселок, только недавно покинутый отрядом Тенака.

Мтан поняли правильно. Когда мы развернулись и пошли на запад, темнокожие вскочили с земли и, держась на некотором отдалении, последовали за нами. Обломки их оружия остались валяться на земле...

— Сегодня отнесете черным людям огонь и поделитесь с ними своим мясом и водой, хотя бы немного. Завтра из города им привезут больше пищи.

Часть охотников отправилась в лагерь выполнять мое поручение, остальные, то и дело поглядывая то на меня, то на кроманьонцев, стали засыпать вождя вопросами:

— Дим, они не сбегут?

— Тогда они не ждали бы нас посреди степи. Я хочу с ними поговорить, их наречие немного похоже на то, как раньше говорили Мтан и Нгеп. Его можно выучить, нужно лишь время. Пусть пока поживут подальше от нас, еды сейчас много, прокормим.

— А если это разведчики тех черных людей, что пришли на наш берег с заката?

— Ленг, даже если окажется, что они из того же племени, я не смогу отдать приказ их убить. Разведчики не берут с собой семьи, отправляясь на территорию врага, понимаешь?

— Их воины убили много наших людей!

— Утар, расскажи Ленгу о своей прошлой жизни. Может, он так лучше поймет, что не всегда люди действуют по своей воле...

Обе юрты были в порядке, их ещё не успели разобрать. Дров здесь хватит на всю зиму, да и лес под боком. Кроманьонцы безропотно зашли внутрь частокола, и, по-видимому, остались предложенным жильем вполне довольными. Подумав, я взял у своих людей пять копий, и воткнул их в землю перед входом. Все таки оставлять этих людей совсем без

оружия, даже за стенами, было опасно. Охотники выбили большинство крупных хищников, но периодически сюда заходили и волки, и гиены, и даже большезубы. Бывшим владельцам оружия по возвращению в Лантирск выдадут новое — первые поделки наших оружейников все равно нужно менять, они уже сильно уступали в качестве их последним изделиям. Выбор копий в арсенале сейчас был огромным, появились модели с различной формой наконечников и древками из редких, особо прочных пород деревьев — вяза и ясеня.

Один из чернокожих мужчин удивлённо уставился на этот подарок, затем что-то мне сказал. Понять бы ещё, что... Мы уже закрывали ворота, когда кроманьонец, безошибочно определив во мне лидера, снова произнес ту же фразу. Низко склонив голову, он осторожно подошёл ближе. На протянутых к нам руках лежал хорошо знакомый каждому лантирцу железный нож...

Ленг был прав, эти люди из того же племени, что осело на левом берегу Днепра. Оружие, потерянное нашими разведчиками, сложно было не узнать — такие ножи изготавливались десятками, и были похожи друг на друга как близнецы. Что же там происходит, если люди бегут к своим врагам? Нет, убивать незваных гостей нельзя, мне нужна информация. После свадебной церемонии я продолжу изучение их языка, несколько сотен новых слов выучить мне вполне под силу. Что бы эти люди не рассказали, в Лантирск им ходу не будет до тех пор, пока мы полностью не устраним возможную угрозу. В следующем году переселим их намного дальше на восток, будут дежурить у новой наблюдательной вышки и заготавливать сено для животных.

— Оставь его себе. Вам такой нож пригодится.

Я отрицательно покачал головой, и кроманьонец, ещё некоторое время подержав нож, опустил руки. Как раз подошла группа охотников, и сгрузила на землю продукты и воду в больших глиняных горшках. В таком же горшочке, но поменьше, принесли раскаленные угли. Все, дальше сами разберутся, не маленькие

— Мтан, как будет есть и спать на твоём языке?

— Идли, л'алла.

— Биину идли! Биину л'алла!

Меня поняли — и мужчина с ножом, и остальные несколько раз низко склонили головы, прикрытые ладонями. Несколько коротких фраз — и одна женщина начала быстро складывать костер на приметном выжженном пятне, другие забрали воду и мясо. Дети забрались внутрь юрт, там не чувствовался холодный ветер и было гораздо уютнее. Ладно, пусть обживаются на новом месте, а нам пора возвращаться в город...

Свадебную церемонию проводили пятого ноября, эта дата уже стала официальной. Сразу после Новогодней недели на большом щите с новым календарем ее, как и День основания Лантирска, День Памяти и День Освобождения подкрашивали красной охрой.

Мы с Эрикой, в новой нарядной одежде, стоим перед красиво украшенными стенами "дворца" — длинные гирлянды из разноцветных листьев и зелёной хвои полностью преобразили вид города. Все свободное место вокруг занято зрителями, а по краям площади традиционно собрались женихи и невесты.

Как же их сегодня много!.. Нам предстоит поженить сто двадцать пар, правда, большинство из них — это вторые жены, которые придут в уже существующие семьи. Небольшая поздравительная речь вождя, и вот, под грохот барабанов дети подводят к нам первые пары. Их оформляем быстро, как влюбленную молодежь, определившуюся со своим первым выбором, так и взрослых, решивших узаконить своих вторых подруг и любовниц.

Короткая поздравительная речь, и начинается вручение обязательных подарков новой семье. Их с каждым годом становится все больше — традиционные ножи в украшенных ножнах от Круга Воинов, модернизированные символические домашние очаги со стеклянными колпаками от Круга Матерей, красиво оформленные наборы женской косметики и посуды, покрытой глазурью, от Круга Мастеров, ну и три жетона для новорожденных и тяжёлая связка чайб от Вождя. Сумма растёт с каждым годом, сейчас она составляет уже две сотни чайб, этого достаточно, чтобы люди смогли купить любую понравившуюся техническую новинку. Шестеро пар из неандертальцев и л'тоа получают удвоенную премию, новые законы уже начали действовать.

До полудня сорок семь семей оказались внесены в специально заведенную книгу регистрации браков, пока представляющую из себя стопку прошитых листов в толстой кожаной обложке.

Небольшой перерыв на обед, и Эрика объявляет вторую, самую непредсказуемую часть. Слав по моему заказу сделал все камни одного размера и тщательно их отполировал, теперь ни невесты, ни женихи не смогут отличить их друг от друга на ощупь. Уже несколько раз опробованная схема работает безупречно, нам остаётся только следить за соблюдением правила близкого родства, время от времени отводя некоторых женихов в сторону. Постепенно количество участников сокращается, и я замечаю, как в рядах зрителей то в одном, то в другом месте заключаются пары — как сложатся оставшиеся пары. Теперь каждая моя фраза — "Выбор сделан!", кроме аплодисментов со стороны зрителей, сопровождается ещё и перезвоном отсчитываемый чайб, радостными или, наоборот, сокрушенными вздохами. Наибольший накал эмоций получила предпоследняя пара, у невесты осталось только два варианта. Имена женихов даже стали скандировать, окончательно вогнав женщину в краску. Вот мы доросли и до азартных игр!..

Горожане, несмотря на ночной заморозок, не спали до самого утра. Подогретые выпитым самогоном, горячей едой и напитками, люди с удовольствием танцевали, принимали участие в простеньких играх и конкурсах. Нужно будет обязательно увеличить количество праздников, древнеримский лозунг — "хлеба и зрелищ!" — сейчас ещё не приобрел отрицательной окраски. Надеюсь, такие общественные мероприятия и в будущем будут только сильнее объединять мой народ!

В середине ноября род Искателей Знаний переехал из "дворца" в стоящий рядом дом. После Дня Свадьбы население немного уплотнилось, часть людей перебралась в соседние постройки, стараясь собраться по родовому признаку. Самый многочисленный на сегодня род Выдры занимал сразу несколько домов, а небольшие, такие как род Быстрой Воды и Черного Камня — жили вместе в одной постройке.

Теперь в самом большом здании Лантирска проживали всего трое — я, Эрика и Ингвар. Кто-нибудь из телохранителей днём постоянно находился рядом, а ночью все четыре входа во "дворец" запирались тяжёлыми дверьми, набранными из соединённых железными полосами дубовых досок. Данный шаг назревал уже давно, но его постоянно приходилось откладывать из-за нехватки жилплощади. Нельзя сказать, что сейчас ситуация стала намного лучше — просто приходивших учиться детей и взрослых с каждым днём становилось все больше. Если летом занятия проводились на улице, то с наступлением холодов ученикам уже не хватало места в тесном помещении.

Сейчас мы снесли почти все перегородки, оставив только три комнаты. В первой находилась спальня — большую её часть занимала кровать, и большой деревянный сундук

для одежды. Во второй — наш общий с женой рабочий кабинет, меблировку которого составлял специально заказанный столярам шкаф на всю боковую стену, стол с полками и пара стульев. Третья комната отводилась детям, Ингвару, и тому или той, кто появиться через девять месяцев.

Вчера жена обрадовала меня новостью о том, что у нас будет второй ребенок! Весь день вождь ходил с кажущейся глуповатой для непосвященных улыбкой, был удивительно сговорчив и щедр. Дети на уроке у Эрики неожиданно для себя получили по кусочку сот с медом, Слав выпросил для обучения своих скульпторов целых два бивня мамонта, а Лтар ухитрился, как позже оказалось — вне очереди, получить новый котел для увеличившегося рода Куниц...

Дворец отныне переименовывались в Храм Мудрости, который по началу продолжит совмещать в себе функции складского помещения, жилища вождя, библиотеки и образовательного учреждения. В следующем году я планировал строительство отдельных зданий под амбар, арсенал, детский сад, школу, больницу, дом вождя и несколько исследовательских лабораторий. Если эти планы реализуются, то все высвободившееся место можно будет использовать только для хранения информации и музейных экспонатов. Тогда мы начнем переносить с бумажных черновиков на громоздкие, но гораздо более долговечные таблички из обожжённой глины важнейшие записи по всем отраслям знаний, тщательно проверенные и систематизированные.

Окончательный вариант моих воспоминаний и полученных здесь знаний станет главным сокровищем неандертальцев. Я хотел создать многотомную энциклопедию из самого стойкого к воздействию времени материала — золота. Чистый металл слишком мягок, а вот его сплавы с медью, серебром или никелем отлично подойдут для этой цели. Где искать эти металлы, я приблизительно знал, все снова упиралось в нехватку людей и времени для проведения дальних разведывательных экспедиций. Одна такая книга объемом всего в двести страниц и размером двадцать на тридцать сантиметров, при толщине металлических листов в половину миллиметра будет весить около восьмидесяти килограмм. А с вкладышами, переплётом и обложкой — и все сто...

Тут же разместятся собрания и коллекции всего, что мы сможем отыскать — минералов, растений, насекомых, чучела птиц и животных, образцы новых материалов и сплавов, уже потерявшие практическое значение, но важные для потомков как память каменные инструменты и оружие.

Каждый новый предмет или существо теперь будет тщательно анализироваться на предмет его полезности для людей, или, наоборот, вреда. Конечно, доступные сейчас методы исследования ещё очень примитивны, и выводы первых неандертальских учёных ещё долго смогут оспаривать, а то и опровергать следующие поколения. Это даже хорошо — ведь и в будущем все великие открытия совершали опровергая существующие представления о мире.

Я ещё долго смогу ограждать их многих ошибок и заведомо тупиковых путей развития. Например, сразу можно отбросить такие ложные науки, как алхимия или астрология, заменив их нормальной химией, астрономией и психологией. Или ограничить безудержную борьбу с хищниками — они ведь тоже поддерживают здоровье стад травоядных, уничтожая в первую очередь слабых и больных животных. В лагере охотников по моему совету оставили в живых два десятка гиен из последней оставшейся в округе стаи. Теперь они стали практически домашними — сидели на окраине леса, даже не помышляя об охоте. Гиены

терпеливо ожидали завершения разделки очередной туши и с удовольствием уничтожали все, что не забрали люди. После этих живых утилизаторов не оставалось ничего — ни костей, ни шерсти, ни перьев...

Храм Мудрости должен стать тем инструментом, посредством которого можно будет веками управлять развитием Лантирска и всей цивилизации. От совершенных здесь открытий, разработок, полученных материалов, сортов растений и пород животных будут зависеть все три правящих Круга.

Вместе с главами родов они составят первый, самый низкий уровень власти. Во избежание перекосов в снабжении и представительстве в этих Кругах, все рода должны будут стать примерно одинаковыми по численности. Для решения этой проблемы я, во-первых, планировал использовать свою квоту вождя для награждения мужчин правом привести в дом вторую жену, а во-вторых добавлять к малочисленным родам новые обнаруженные семьи неандертальцев. Таких было довольно много — разводимые людьми костры служили отличными маркерами, и только на участке между Лантирском и Доном я насчитал полсотни стоянок. А ведь за Днепром их было намного больше! Судя по одиночным огонькам, это были компактные, максимум в десять-пятнадцать человек, семейные группы. Большая часть из них периодически перемещалась вдоль границ лесного массива со степью на юге и тундрой на севере. Были и постоянные поселения, четыре таких скопления из пяти — шести точек находились на расстоянии около двухсот километров от нас — в будущем это местность между Луганском и Ростовом.

Вторым уровнем власти, менее заметным, но в то же время более могущественным, станут самые образованные и способные люди. Только они смогут находить и создавать новые знания, технологии, предметы и живые организмы. Отбор одаренных детей в каждом поколении будет начинаться ещё с детских садов и школ. Их деятельность, кроме непосредственно обучения, будет направлена именно на создание таких социальных лифтов.

И, наконец, чтобы у появившейся ноократии не было соблазна превратиться в обычную диктатуру, третьим, "теневым" уровнем власти станет ещё не созданный четвертый Круг — Круг Энноев с вождём во главе. Даже после смерти у меня останется достаточно рычагов влияния на излишне зарвавшихся учёных. Те выдуманные существа, которых в будущем потомки кроманьонцев назвали богами, здесь, в этом мире, станут созданной мною реальностью. И пойти безнаказанно против их воли не получится ни у кого, каким бы хитрым или умным не считал себя нарушитель.

В Первую Пещеру ещё долго смогут попасть очень немногие. Феномен Говорящих с огнем настолько редок, что сейчас на всех неандертальцев, живущих преимущественно в Европе, приходилось всего пятнадцать настоящих энноев. Правда, был ещё и Рауг, попавший в их число читерским способом... Вначале я буду помогать попасть туда только тем людям, в ком уверен на все сто процентов, и даже больше. Моя семья, ближний круг — они станут учиться вместе со мной управлять этим удивительным местом, осваивая все его возможности. Если не смогут пройти сами, я рискну и отправлюсь за ними в Земли Вечной Охоты, но сознание друзей и близких сохраню обязательно!

В будущем, с развитием технологий — в первую очередь фармацевтики, генной инженерии и электроники, туда смогут попадать самостоятельно все больше людей. Не лояльных среди них не будет в принципе — к тому времени все неандертальцы на планете будут проживать только в Лантирске. Десятки, сотни бессмертных существ, объединенных одной целью и идеей, имеющих доступ к знаниям всей цивилизации — мы сможем сделать

для мира живых очень много!..

"Победив дракона, сам становишься драконом" — эти мудрые слова после сражения с Варгом не раз приходили мне в голову. Да, уже сейчас мне приходилось принимать тяжёлые решения, как в случае с Тенаком — парню очень повезло. Принеси он с собой туберкулёз или чуму, попытайся при этом не подчиниться требованиям карантина — и его, и весь отряд разведчиков уничтожили бы без всякой жалости по моему приказу. Судьбы нескольких человек не имеют значения, если опасность будет угрожать всему народу...

Но сама по себе, власть ради власти бессмысленна. Что она для человека, получившего очень долгую жизнь и практически бессмертие после нее? Мне достался уникальный шанс не только создать цивилизацию с нуля, но и управлять ее развитием до тех пор, пока будет жив последний неандерталец. Глобальное информационное поле, генерируемое подсознанием этих людей, практически вечно. Такого в известной мне истории ещё никогда не было — великие империи после своего рассвета неизбежно разрушались.

Но не в этот раз! Место вождя в Лантирске навсегда останется за мной, других государств рядом никогда не возникнет. Кроманьонцев, денисовцев и прочих после нашего технологического рывка можно смело сбрасывать со счетов. Мои потомки смогут пробиться в элиту общества, и я приложу к этому все усилия, но не по праву рождения, а в первую очередь из-за более качественного и углубленного образования. Так, Ингвар уже сейчас, в свои два года был намного смысленнее сверстников — медленное развитие тела компенсировалось качественно, ускоренным развитием мозга и накоплением опыта.

Все силы и ресурсы неандертальской цивилизации, вместо того чтобы бессмысленно растрачиваться во внешних и внутренних войнах, отныне будут направлены на изменение мира вокруг себя. У цивилизации кроманьонцев это не получилось — начавшаяся Третья Мировая война стала последней в истории, поставив жирную точку в существовании не только людей, но и любой высокоорганизованной жизни на планете.

Можно ли было избежать подобного финала? Для этого мне пришлось ответить на ряд вопросов, и тогда многое становилось ясным.

Ведь что такое жизнь? Это физическое воплощение знания о нише, которое заставляет эту нишу сохранять существование данного знания. Так из неживых молекул заложенная в ДНК информация формирует живой организм.

Что такое разум? Это знание, которое изменяет не только ближайшую нишу, но и небольшую часть окружающего пространства в пределах досягаемости вида, для улучшения условий его существования. Можно долго спорить, есть ли разум у пчел, муравьев, бобров или дельфинов, но определенные шаги на длинном пути его обретения они точно сделали.

Что такое цивилизация? Это знание, изменяющее все окружающее пространство вокруг себя, часто не считаясь с последствиями для других видов и мира в целом. Так поступали люди в двадцатом веке, ещё до войны успев сделать часть планеты непригодной для жизни.

И, наконец, что такое разумная цивилизация? Это цивилизация, которая не уничтожила сама себя в попытке накопить достаточную сумму технологий, и сумела вырваться за пределы родной звёздной системы на просторы галактики. Вот этого уже потомки кроманьонцев сделать не смогли...

Именно создание *разумной цивилизации* станет основной задачей создаваемого мною общества. Храм Мудрости будет еще перестраиваться много раз, по-прежнему оставаясь центром, вокруг которого со временем объединятся сотни институтов, исследовательских

лабораторий, обсерваторий и опытных производств...

— Папа, ты спишь?

Ингвар, заметив, что я уже долгое время сижу неподвижно в полной тишине, решил прервать мои мечтания.

— Нет... Тебе же нравятся сказки, которые рассказываем мы с мамой перед сном?

— Да!

— Вот и я рассказывал сам себе такую сказку. И так увлекся, что забыл о времени.

— Я тоже так могу!

Сын, подумав немного, решил уточнить:

— Но самому не интересно. Я рассказываю детям, они слушают. И дедушка Чонг слушает сказки!

— Не хочешь прогуляться к нему? Вчера к городу снова пришли мамонты! Утром и вечером Ч'чонг точно с ними, кормит своих любимцев. Заодно посмотришь на Бимб'о!

— Хочу!

Переодевать Ингвара было просто — детская одежда сейчас мало чем отличалась от взрослой, кроме разве что размера и качества швов. Я управился быстро, и, взяв в руку маленькую ладошку, вышел с сыном на улицу. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, стало холоднее — немного прогретый за день воздух быстро остывал. Долго гулять не получится, но полчаса у нас точно есть — все мамонты подошли к южным воротам, тут расстояние всего ничего!

Рядом с животными уже собралась большая толпа лантирцев, кормя их с рук. Малыши, сидя на руках у родителей, дети постарше — вручая мамонтам вкусные травки и корешки самостоятельно. Старик-л'тоа, естественно, это представление не пропустил, и тоже был тут, не давая детворе путаться у гигантов под ногами.

— Ч'чонг, как твоя Бимб'о, не забыла тебя?

— Нет, что ты... Человек может забыть, а великий зверь все помнить!

Его слова тут же подтвердила Дамб'о, узнавшая меня и поприветствовавшая громким трубным звуком. Зачерпнув из большой бочки, привезенной по такому поводу с кормового склада, горсть корешков, я вручил их Ингвару. Сын, радостно смеясь, вложил их в требовательно протянутый хобот. Все, ритуал приветствия выполнен!

На небе разгоралось северное сияние, даже в новолуние оно делало ночь светлой. Звёзды уже зажглись, но их было плохо видно за переливами зелёного света. Хоть после смерти Гера большинство неандертальцев и не любили это природное явление, не признать его завораживающую красоту тоже было нельзя...

— Папа, маленький мамонт ещё хочет кушать!

Я потянулся за новой порцией корма, но моя рука замирает на полпути — в небе ярко разгоралась быстро движущаяся звезда.

— Ингвар, смотри — это падает метеорит!

Необычное зрелище привлекло внимание и остальных. Вообще-то падение метеоритов новостью не было — не так давно, в середине августа, похожие светящиеся точки падали несколько дней. Но все они были похожи на обычные звезды в небе, а тут — ярче луны!

Вот несущаяся куда-то на юг точка приблизилась, теперь она прямо над нами. На снегу появились тени, мамонты стали беспокойно озираться, со стороны загонов послышалось ржанье лошадей. Крупный камушек, до сих пор не погас!

— Смотрите, звезда рассыпается!

— Нет, она просто гаснет!

Метеорит стал медленно тускнеть, от него во все стороны отделялись десятки долго не гаснущих искорок. Так продолжалось ещё несколько минут, пока удаляющаяся точка не исчезла полностью. Все, сгорел!..

Жаль, Эрика не увидела, она осталась в доме, продолжая наводить порядок после перестановок. Пора и нам возвращаться, народ стал постепенно расходиться. Мамонты, протрубив на прощанье, побрели вдоль стены к наблюдательной вышке. Это сооружение им сразу очень понравилось, и спать при посещении Лантирска они теперь предпочитали оперевшись на толстые бревна основания конструкции. Кто-то из взрослых животных постоянно был на ногах — сначала одна самка дремала стоя, затем, через два-три часа ее сменяла другая, и так несколько раз за ночь. Мамонтята, под такой защитой, спокойно ложились на землю. Л'тоа насыпали там большой слой из сосновых веток, сена и листьев, так что спали животные вполне комфортно.

Такое поведение было обусловлено тем, что мамонты не могли быстро встать. И, чтобы хищники их не застали врасплох, нанеся раны спящим, они, точно так же, как и обычные слоны, дежурили, посменно охраняя покой сородичей.

— Мама, мы метеорит видели!

— И ещё очень проголодались!

Жена, улыбаясь, повела сына мыть руки. В Храме Мудрости вкусно пахло жареной рыбой, за неимением олиии все жарили на свином жиру. Иногда, в сезон охоты на сурков, его на несколько дней заменяли их жиром, но чаще этот дефицитный продукт берегли для приготовления особых блюд и лечения редких случаев простуды.

— Я кормил мамонта, он меня узнал! И папу узнал!

Пожимаю плечами — да, все так. Пока Эрика выбирает тонкие кости из порции Ингвара, я рассказываю ей о метеорите. Она раньше, ещё до нашей встречи, тоже видела похожую падающую звезду, но тогда она в конце полета вспыхнула очень ярко, и она слышала далёкий гром. Теперь жена жалела, что не пошла с нами на прогулку — сейчас развлечений и тем для разговоров не много, а тут такое событие пропустила!..

— Готова продолжать уроки?

— Да, только нужны ещё светильники. И мне нужна большая широкая доска для рисования букв и цифр, чтобы ее все хорошо видели!

— Доску доделают через день, но тебе придется потерпеть ещё неделю — я приготовил темную краску, она хорошо держится, но и сохнет долго.

— Куда же я денусь!... Ингвар, только поросята вытирают жирные руки об одежду!

— А у них копыта!..

Сын прекрасно знает, что не прав, но привычка спорить ему досталась от матери, вот и не удержался.

— Так, сейчас кто-то получит по пяточку! Быстро возьми полотенце, специально же у Лессы кусок ткани купила!..

Слушая эту шутливую перепалку, я, посмеиваясь, подкинул несколько дубовых чурок в печь. До утра хватит, пора укладываться спать...

Нынешняя зима была намного теплее, чем предыдущая. Слабые морозы и небольшое количество выпавшего снега позволили охотникам не прекращать поставки свежей пищи. Также впервые не остановились полностью земляные работы и заготовка глины, грунт промерз неглубоко, и хорошо поддавался лопатам и киркам рабочих.

Изготовление вещей, после того, как мастера начали брать учеников и помощников, ускорилось в разы, также расширился и ассортимент товаров. Всё сильнее разделялись и сами профессии — например, одних только кузнецов уже было шестеро. Один специализировался на изготовлении тяжёлых инструментов и деталей, вроде топоров, клиньев, молотков и кованых решёток, другой изготавливал оружие с тонким лезвием — ножи, первые образцы мечей, косы, тяпки, мотыги и лопаты. Третий занимался изготовлением предметов и их деталей из листового металла — шлемов, чешуй доспехов, противней, первой железной посуды, в дальнейшем ее покрывали эмалью. Четвертый изготавливал мелкие детали — гвозди, заклёпки, пряжки ремней, кольца и цепи, пятый — различный измерительный и уникальный инструмент — линейки, циркули, транспортиры, сверла, резцы для станков, столяров и скульпторов, шестой делал только наконечники для копий, стрел и болтов... И так почти везде, дальнейшее развитие узкой специализации сдерживалось только недостатком людей.

Назревала необходимость создания рынка — сейчас нужную вещь человек получал бесплатно или выкупал на складе товаров племени. Если хотел большего — мог приобрести эксклюзив из личных запасов мастера, или заказать ему ее изготовление. Пока это работало, но с ростом населения такой подход стал отнимать слишком много времени. Гораздо удобнее, когда все товары, пользующиеся спросом, собраны в одном месте.

Частично товарооборот контролировался властями, на важнейшие группы товаров действовали племенные закупки. А вот излишки посуды, одежды, еды и т. д. уже продавались всем, кто мог за них заплатить. В дальнейшем я планировал создать гибридную модель плановой экономики и свободного предпринимательства, взяв лучшие черты от обеих систем.

Общий план рынка составили быстро, благо примеров таких заведений в будущем было полно. Он будет состоять из нескольких крытых зданий-складов, расположенных вокруг рыночной площади с рядами лёгких палаток и навесов. На первое время на все это удовольствие хватит двух тысяч квадратных метров, а позже, с ростом населения, количество таких рынков придется увеличить.

Отметив на плане города четыре участка в каждом секторе, я добавил рядом колодцы. После долгих размышлений, мысль построить каменный колодец пришлось отбросить. Центр Лантирска был поднят относительно зеркала реки где-то на пятнадцать метров, вода появится примерно на этой глубине. Почва была довольно рыхлая, риск обвала стен в процессе выемки грунта был очень большим. Тут идеально бы подошли армированные бетонные кольца, но ждать их появления слишком долго. Будем делать сруб, для него хорошо подойдёт дубовая древесина, медленно гниющая в воде. Часть таких бревен в штабелях ещё не были обработаны каменноугольной смолой, они уже высохли и вполне годились для строительства. Потребление воды постоянно увеличивалось, поэтому сторону сруба сделаем в два с половиной метра длиной — так в колодце будет успевать накопиться хороший запас. Сложим в неглубокой яме стены, укладывая бревна "в лапу", и начнем ее углублять. Вся конструкция будет постепенно осаживаться вниз, нам нужно будет только контролировать вертикальность ствола шахты, добавлять сверху новые венцы, и скреплять их между собой нагелями и железными скобами. Когда дойдем до воды, выберем грунта, сколько успеем, чтобы расчистить родник, и засыпем дно крупным щебнем. На поверхности сруб будет возвышаться на метр, его оборудуем воротом для облегчения подъёма вёдер, крышкой и крепким навесом, чтобы защитить конструкцию от дождя, пыли и мусора. Рядом поставим

бочку, держать ее наполненной станет задачей прикрепленного работника. Это будет намного легче, чем таскать воду от реки, особенно в зимнее время.

Отвесы и угольники уже широко применялись в строительстве, но с появлением стекла я сделал для зодчих ещё один простой, но от этого не менее важный инструмент — строительный уровень. Получить стеклянную трубку было не сложно, достаточно при дутье растянуть ещё вязкую стеклянную массу, и отрезать кусок нужного размера. Осталось заполнить ее слегка подкрашенной водой, закрыть концы посаженными на клей хорошо подогнанными пробками, и выставить горизонт перед окончательной фиксацией трубки на плоскости.

В верхней части склона, обращённого к Аркаиму, сейчас копали помещение под ледник. Стены погреба затем выложим брёвнами, пол сделаем наклонным к центру, где будет траншея с хорошим слоем дренажа в виде песчаной подушки и отсыпки щебнем. По центру сделан вертикальный отсек, обшитый досками — его заполнят колотым льдом до самого верха. Талая вода будет стекать к центру помещения и впитываться в почву. На стенах кольцевого коридора, как внешних, так и внутренних, соорудим полки, на пол положим настил из жердей, приподнятый над поверхностью. Потолок сначала утеплим толстым слоем опилок, затем на него положим толстые куски кожи, слой жирной глины, широкие полосы коры, и только затем — задерненную земляную насыпь. Последними элементами конструкции станут две глиняные трубы, из не пригодившегося ремонтного комплекта для мехов, и тамбур перед дверью. Первые обеспечат вентиляцию помещения, а тамбур снизит потери холода при посещении ледника в жаркую погоду. Такая конструкция позволит дольше сохранять скоропортящиеся продукты летом.

Особенно актуально это было для сохранения молока и продуктов его переработки. В этом году наши козы, приведя потомство, стали доиться. Молока получали немного, да и спрос на этот продукт был еще небольшой — в чистом виде его пили только совсем маленькие дети, до двух, реже трехлетнего возраста. Те, кто постарше, и тем более взрослые, получали тошноту, рвоту и длительное расстройство желудка... Впрочем, кефир и творог большинство подростков и молодежи смогли употреблять в пищу без всяких последствий, а приготовленный из творога соленый сыр смогли есть вообще все, включая даже аксакалов вроде Ч'чонга. К сожалению, у меня не было уксуса, лимонной кислоты и пищевых ферментов поэтому настоящую брынзу и многие твердые сорта сыров придется подождать.

История повторялась — в будущем тоже не все люди свободно пили молоко. Этот навык был приобретен и, в дальнейшем, закреплён в геноме человека искусственно. В природе гены, ответственные за расщепление лактозы, выключаются при взрослении ребенка, это делается с целью отлучить его от грудного вскармливания. Изменение этого механизма — пример искусственной эволюции. Впервые такие мутации появились у животноводческих цивилизаций, давая им возможность выкармливать больше детей. Полезные навыки быстро закреплялись и распространялись, индоевропейская группа народов оказалась успешнее конкурентов. Так, в Европе молоко во взрослом возрасте могли пить большинство людей, в Средней Азии — немного больше половины, в Китае — всего десять процентов, а часть народов Африки, Полинезии и Южной Америки вообще не могла усваивать лактозу.

Перед Новогодней неделей случилось несколько драк среди взрослых мужчин. Свидетелем одной из таких я стал лично. Двое мужиков выясняли, чей род более древний и сильный, и, исчерпав все аргументы, решили доказать свою правоту кулаками...

— Держи его!

— И этого тоже, сейчас снова в драку полезет!

Часовые среагировали быстро, растащив спорщиков — у одного был сломан нос, у второго наливался фиолетовым цветом здоровенный фингал под глазом. Ну и синяков каждому стражи порядка добавили уже от себя, не особо разбираясь, кто начал драку.

Пострадавшим "за честь и достоинство" своего рода оказали первую медицинскую помощь, наложив холодные компрессы и фиксирующую повязку, и отправили их в сарай с животными на три дня, запретив покидать это место и возвращаться за стены.

Вот и ещё одна необходимая постройка вырисовывается — тюрьма, в которой будут содержаться хулиганы, и вот такие нарушители общественного порядка. Убийств с того памятного нападения на меня в городе, слава добрым Предкам, не было, но это не значит, что их не будет в будущем.

Да и отделить функции часовых от правоохранителей тоже нужно. После драки я созвал Круг Воинов, и поставил перед ними задачу выбрать четверых человек для этого дела, сформировать некий аналог добровольных дружин, следящих за порядком во время нахождения как в городе, так и в добывающих сырьё и пищу отрядах. Отличительные знаки новой структуры — красные повязки на рукавах одежды, должны служить предупреждением тем, кто только замыслил подобное. Такие же повязки стали носить и мои телохранители, только на красную ткань я добавил рисунок круга с волнистыми линиями-лучами. Так у нас появилась первая полиция и спецназ...

Вообще среди взрослых мужчин драки были редкостью. Во-первых — характер неандертальцев и, тем более, л'тоа. Спокойные, даже флегматичные в подавляющем большинстве, они очень редко переходили от слов к делу, выясняя отношения кулаками. Такие случаи жёстко пресекались, в первую очередь главами родов с помощниками, во вторую — Кругом Воинов и старшими охотниками. Они же проводили разбирательство в каждом случае и выносили решения. Как суд последней инстанции оставался энной, способный ввести в гипноз любого человека и выяснить правду, но за все время меня с такой просьбой не потревожили ни разу. Страх перед Первой Пещерой и всем, что с ней связано, вбивался тысячелетиями, и изменить это отношение было не просто даже после того, как Предки исчезли... Воровства не было, или я о нем не знал — память о наказании тех троих, кто попытался украсть железные инструменты ещё не стёрлась.

Часть работ, изначально не пользовавшихся популярностью, с ростом оплаты перестали вызывать у людей даже намеки на недовольство. Так, труд шахтеров и рудокопов оплачивался выше, чем труд охотников, а ассенизаторы, вывозившие отходы в селитрянную яму вообще стали одной из самых высокооплачиваемых профессий. Мне приходилось все время держать этот вопрос на контроле, чтобы на рынке труда не возникало перекосов, когда желающих заниматься одним делом очень много, а другим, не менее важным — единицы.

Драк из-за женщин не случалось вовсе, прекрасного пола в городе хватало с избытком, чаще мужчины пытались повысить свой авторитет, или, как сегодня — авторитет рода. Совсем другая ситуация была у молодежи и старших подростков — здесь соотношение полов было примерно равным, и стычки "горячих парней" из-за улыбки понравившейся обеим девчонки случались часто. Но результат их был ещё скромнее — когда это замечали взрослые, драчунам доставалось так, что они неделю с трудом передвигались и чаще отлеживались в домах, не показываясь на улице, а с предметом их обожания проводил вдумчивую беседу Круг Матерей.

Дети помладше всерьез ссорились редко, мелкие обиды во время игр не в счет. Воспитательная работа среди подросткового поколения проводилась как родителями, так и главами родов, мастерами, их обучающими и наставниками среди охотников и воинов. Свою, пусть и небольшую пока лепту стали вносить и Эрика с другими учителями.

Судебную систему, как и правоохранительную, ещё предстоит проработать детальнее, и, главное — составить обширный свод законов, регулирующих все стороны жизни общества. Сейчас таким был только один, касающийся бракосочетания, и то полностью не завершённый.

Вот и ещё одна задача, напрямую связанная с Храмом Мудрости. Именно здесь я составлю основу такой "конституции", ее дополнят своими предложениями все, имеющие власть — и главы родов, и правящие Круги. А потом начнется самое трудное — принятие этих законов на общем народном собрании. Этот процесс отнимет огромное количество времени, но обойтись без него нельзя. Люди должны быть уверены, что они сами управляют своей судьбой...

С начала декабря я, в компании телохранителей и кроманьонок с мужьями, каждые два-три навещал оставшихся жить в карантинном поселке темнокожих гостей. Язык Бинадаму — союза множества отдельных родов кроманьонцев, был довольно простым. Это не щелкающее "птичье" наречие л'тоа, освоить которое полностью до сих пор не получилось даже у Эрики...

Разгрузив сани с привезенной пищей, мы обменялись приветствиями с Гамбой и его женщиной, Эбере. Эта семейная пара была лидерами небольшой группы беглецов, доведенных до отчаяния сложившейся в племени ситуацией.

— Вы уверены, что именно Джитуку подменил камни?

— Да. Камни стали другие, не те что были раньше.

Фразы приходилось дополнять жестами, часто по несколько раз уточняя смысл сказанного. Но общая картина вырисовывалась вполне отчетливо, и мне она совершенно не нравилась.

— Как быстро проклятие настигло человека после замены камней в амулетах?

Гамба, что-то вспоминая прикрыл глаза

— Год, два... Тафари прожил целых три, он скрывал боль. Но когда Джитуку заметил бугры на его шее и груди, ему все равно пришлось уйти.

Рассказ кроманьонцев позволял сделать единственный вывод — их "колдуны" нашли где-то выходы радиоактивной руды, и, назвав действие излучения "проклятьем", вполне успешно держали в страхе все племя. Обычные камни носили все, но как только человек начинал мешать или угрожать авторитету и власти "колдуна", камень заменяли куском опасного минерала. Эбере, Гамба и остальные, ничего не зная ни о гамма-лучах, ни о накопительном воздействии такого "священного амулета" на организм, интуитивно сделали единственно правильный выбор — бросили камни на месте, и сбежали подальше.

— Значит, это "великий белый колдун" виноват?

— Так говорит Джитуку и остальные колдуны...

— Этот "великий колдун" перед вами. И, хоть я и догадываюсь, как именно накладывается "проклятье" и чем в действительности оно является, поверьте — к бедам вашего племени не имею ни малейшего отношения.

— Дим... Если тебя бояться наши колдуны, может, ты сможешь снять проклятье с тех, кого изгнали?

— Нет, Эбере. Это не в моих силах, даже мудрые Предки тут ни чем не смогли бы помочь. Максимум, что я мог бы сделать — немного продлить их жизнь и унять боль.

Вылечить рак горла и лёгких на последних стадиях, когда метастазы распространились уже по всему организму, не могли даже в будущем, чего уж говорить про каменный век...

Хуже было другое — меня, а вместе со мной и мой народ выставили виновником проделок шаманов. Зимой ждать нападения не стоит, но как только потеплеет, нужно быть готовым в любой момент отразить нападение орды из нескольких сотен человек, полностью уверенных в том, что они пришли искоренить страшное зло...

За этими хлопотами время пролетало быстро, вот уже Лантирск отпраздновал Новый год, и начался седьмой год новой эпохи. Подарками на этот раз стали игровые наборы — шашки, нарды, домино и карты, а детям — игрушки, работавшие на принципе маховика — йо-йо. С появлением деревообрабатывающих станков изготовление мелких деревянных деталей значительно упростилось, а новые яркие краски делали вещи намного красивее и привлекательнее.

В Храме Мудрости вечерами по окончании уроков стал собираться клуб, где играли в игры посложнее — шахматы и монополию. Всего изготовили несколько комплектов таких игр, но в число подарков их не включили. Понять смысл и научиться играть смогли далеко не все лантирцы...

Тем не менее, всего за месяц количество игроков удвоилось, освоить шахматы или монополию для многих стало делом принципа. Участие в "Клубе" все больше приобретало черты статусности, здесь собирались и главы родов, и представители всех трёх Кругов, решая в неформальной обстановке накопившиеся вопросы.

Уровень образования медленно, со скрипом, но все же пополз вверх. Когда мы с Эрикой закрепляли над входом в Храм Мудрости свежестроганную доску, на которой был выжжена фраза " Нет предела познанию!", нам и в голову не могло прийти, что проверить этот лозунг на практике лантирцам предстоит совсем скоро...

Глава 8. Уравнение с десятью неизвестными

*...Вот он, близко совсем!
Ярким солнцем светит Шар,
Пламя выжгло чёрный круг — это знак.
Обезумев, бежишь,
Зона смотрит не дыша.
Ты же сталкер, так держи себя в руках!
Каждой тени движенье лови,
Ты не знаешь секрета даров богов!..
Группа "Catharsis", "Сталкер"*

...Сегодня группа охотников, воспользовавшись начавшейся в начале апреля оттепелью, решила отправиться в степь подальше. Снега за зиму выпало немного, а сейчас он ещё и подтаял, образуя плотный наст. Идти по такому — одно удовольствие! Стадо бизонов никак не желало приближаться к охотничьему лагерю, и только дежурившие на наблюдательной вышке подростки смогли разглядеть у самого горизонта скопления темных точек. Так продолжалось уже третий день, и это было странно — обычно животные подходили намного ближе к границе лесного массива...

Венд, возглавивший после смерти Рауга род Черного Камня, вел свой отряд вперёд по кратчайшему пути между двумя точками — по прямой. Мужчинам пришлось тащить с собой несколько саней, чтобы потом увезти добычу, и группа растянулась в длинную цепочку. Так прошли уже больше двух километров, размеренно шагая по ровной местности, пока лидер отряда, вырвавшийся немного вперёд, вдруг не стал всё сильнее отклоняться влево.

— Венд, что случилось?

Тот не ответил. Огромный мужик, прекрасно одетый и вооруженный, успевший за свою жизнь убить сотни различных, порой не самых безобидных животных, сцепив зубы, изо всех сил пытался заставить себя вернуться на прежний курс. Вся его натура бунтовала, но преодолеть необъяснимый страх, появляющийся, стоило только сделать пару шагов правее, он не мог. Голова начинала кружиться, накатывалась необъяснимая слабость и звон в ушах, от ощущения невидимой опасности хотелось сбежать — куда угодно, лишь бы в другую сторону.

— Драная гиена!.. Попробуйте сами идти прямо, с этим местом что-то не так — я не вижу опасности, но оно меня пугает сильнее бешеного большезуба!

Двое охотников, пожав плечами, повернули вправо, но не прошли и пару метров — с криками и ругательствами они отбежали назад.

— Венд, там сидит злой дух, из тех, невидимых! Нужно срочно Диму сказать, он энной, духи по его части!

— Сейчас я в этого духа копьё кину! Если все, что он может — это только нагонять страх и прятаться под снегом, значит, он сам нас боится!

Венд, прислушиваясь к своим ощущениям, пошёл вдоль невидимой границы, всё сильнее отклоняясь влево. И через двадцать метров тревога отступила... Вернулся назад — нет, злой дух на месте, просто остался за спиной. Мужчина вдруг понял, как найти невидимое существо. Теперь он стал забирать все правее, пока вновь не почувствовал нарастающий страх, но на этот раз не отступил — его следы описали на снегу окружность

около пятидесяти метров в диаметре, и охотник вернулся к своему отряду.

— В центре этого круга и скрывается злой дух!

Венду потребовалось всего несколько секунд, чтобы оценить расстояние — и вот уже тяжёлое копьё с граненым наконечником со свистом рассекает воздух, нацелившись в ничем не отличающееся от остальной степи место. Что произошло следом, так никто не понял — воздух задрожал, словно в летнюю жару возле реки, и оружие исчезло, не пролетев и трех метров. Как в воду кануло...

Больше ничего сделать ни Венд, ни другие охотники не успели. На них накатила волна настоящего ужаса — руки и ноги мелко задрожали, заложило уши, перед глазами все поплыло, а сердце болезненно сжалось... Бросив сани, мешки и копьё, люди, пошатываясь и хватаясь друг за друга, побрели прочь. Только когда жуткое место осталось далеко позади, мужчины без сил повалились на землю. Одних тошнило, весь съеденный утром завтрак остался на снегу, другие пытались унять ноющую боль в области сердца, расстегнув куртки и потирая грудь.

Подождав пока отряд хоть немного придет в норму, Венд решил, что дальше испытывать судьбу слишком опасно.

— Возвращаемся в лагерь! Охоты сегодня не будет...

Я сидел за "учительским" столом, и пытался понять, что же мне только что рассказали эти люди. В то, что охотники просто соврали, чтобы оправдать отсутствие добычи, не верилось. Такое бывало до этого много раз, удача дама ветренная — сегодня она пошлет целое стадо прямо в руки, только успевай копьё бросать, а завтра в степи окажется пусто.

В "невидимого злого духа" поверить тоже было сложно. Меня воспитали в традициях материализма, когда любое непонятное природное явление объясняли с научной точки зрения. Попав сюда, в каменный век, отдаленный от привычного мне мира больше, чем на сорок тысяч лет, я не изменил этому подходу. Даже феномен Говорящих с огнем можно было объяснить с точки зрения науки — наличием особого участка мозга, практически полностью утраченного кроманьонцами в ходе эволюции. Иногда он проявлялся как атавизм, и тогда появлялись колдуны, ясновидящие и пророки.

Но как объяснить безотчетный страх и паническое бегство пятнадцати взрослых мужчин, так и не увидевших никакой опасности — ни зверей, ни других людей, ни даже их следов на снегу не было?

— Венд, вы проходили в том месте раньше?

— Да, летом там даже траву косили.

— Ясно... Выходит, это "злой дух" сидит там не так давно. А животные? Подходят к нему?

— В том то и дело, что нет! Бизоны это место теперь обходят очень далеко, группы Ленга и Канга прошли в стороне и видели следы копыт. Они поворачивают назад еще в десяти полетах стрелы!

Значит, не подходят ближе километра... Вообще животные намного чувствительнее к запахам, перепадам давления и колебаниям различных полей, чем люди. Так, большинство зверей и птиц чувствуют приближение грозы, землетрясения или извержения вулкана, про чутье собак и кошек слышали все, а канареек и мышей шахтеры брали с собой под землю, чтобы определять по их поведению концентрацию метана.

— А запахи?

— Дим, рядом с этим местом голова шла кругом, не до запахов было... Многих моих

людей стошнило, но из-за чего, они и сами не знают.

Нужно туда сходить самому, посмотреть на "невидимого духа", может на месте я смогу понять больше. Чтобы это ни было, оно не агрессивно, раз не убило сразу метнувшего копьё Венда. Отряд охотников сначала мягко, а затем пожестче "попросили" убраться подальше.

Паника, тремор, тошнота — так может действовать звук очень низкой частоты, инфразвук. Его невозможно услышать, но из-за совпадений по частоте и последующего резонанса с альфа- и бета-ритмами головного мозга, других органов и клеток, даже слабое воздействие на организм воспринимается человеком очень болезненно. Если же источник помощнее, то к нему просто нельзя будет приблизиться вплотную — или мозг откажет, или сердце не выдержит.

— Завтра проводите меня к этому месту. Заодно сани и свое оружие заберете.

— Ты убьешь злого духа?

— Нет там никакого духа, ни доброго, ни злого.

— А что тогда там есть?

— А вот это мы и попробуем выяснить. Венд, забирай своих людей, сегодня до вечера вы отдыхайте. А мне пока нужно подготовиться.

Когда толпа охотников покинула Храм Мудрости, Эрика, молча слушавшая этот рассказ, тихо спросила:

— Дим, ты уверен, что туда стоит идти? Вдруг там действительно сидит злой дух и ждёт, пока рядом не появится человек?

— Слишком близко от Лантирска это место, нужно хотя бы точно установить его точные границы и определить, движется оно или нет.

— Лучше вообще не ходи... Пусть охотники сами сходят.

— Они там уже были, и мало что поняли. Не бойся, я не повторю ошибку Венда.

— Ты допустишь новую!..

— Любимая, наш род называется Искатели Знаний, и это именно наша задача, изучать все новое. Не волнуйся, мне ещё рано переселяться в Первую Пещеру!

Беспокойство жены имело под собой все основания. Подходить к непонятной аномалии мне и самому не очень хотелось, в первую очередь из-за того, что мозг пасовал в попытках найти ответ о ее происхождении.

В природе инфразвук могут издавать киты, и некоторые другие животные. Но Венд не увидел ничего, кроме ровной заснеженной степи. Также подобные колебания могут возникать вследствие движения литосферных плит, что тоже не выдерживало никакой критики — четкая окружность в полсотни метров не увязывалась с масштабами таких геологических процессов. Это даже не смешно...

Что у меня есть для исследования, кроме своих органов чувств?

Во-первых, можно взять с собой домашних волков, они и инфразвук могут слышать, и непонятные запахи почуют за километр.

Во-вторых, нужно будет огородить границу этой зоны, три десятка кольшков и прочной плетёной веревки для этого достаточно.

В-третьих, я мог сделать простейшие детекторы, чтобы определить наличие магнитного и электростатического поля. В качестве первого подойдёт компас — я уже делал его аналог, приспособив для этого глиняную миску, заполненную водой, и намагниченную на куске железной руды тонкую иглу. Такая стрелка, воткнутая в маленький кусочек пористой сердцевины репейника, постепенно разворачивалась под влиянием магнитного поля Земли,

и указывала на магнитные полюса. Сейчас эта линия проходила вовсе не в привычном для двадцать первого века направлении север-юг, а почти перпендикулярно ему, с запада на восток... Но если рядом будет мощное магнитное поле, иголка повернется уже к нему.

Второй детектор — закреплённый на тонкой нити листок сухой бумаги, натёртый шерстью. Если рядом будет заряженный предмет, листок отклонится в ту или иную сторону.

Что ещё можно придумать? Мне не давал покоя рассказ об исчезнувшем копьё. Ничего не исчезает бесследно, скорее всего, оружие просто не видно. Но на тяжелый быстро движущийся предмет аномалия среагировала мгновенно. А если попробовать действовать осторожнее? В Храме Мудрости, как в самом высоком здании, в обеих лестничных люках, ведущих на второй этаж, сейчас сохли и выпрямлялись под действием грузов длинные побеги лещины. Потом из них сделаем пару десятков удочек... Но для такого дела одну из них можно и пожертвовать. Останется закрепить на ее конце небольшой стакан, и, положив туда различные материалы, попробовать перенести эти образцы дальше той границы, за которую мне не пройти.

Ну и последнее — все эти опыты нужно провести быстро. Не известно, что там может быть ещё, высокоэнергетическое излучение я не почувствую, а счётчик Гейгера мне на коленке не собрать. Единственный намек на смертельно опасный уровень — запах озона в воздухе. Именно эта подозрительная свежесть должна будет меня насторожить в первую очередь. Если туда кому и идти, то именно мне — я старел намного медленнее других людей. Клетки делились, но ошибки копирования пока вообще не накапливались значит мой организм намного лучше с ними боролся.

Весь вечер вождь племени Солнца потратил на интереснейшее занятие — ловлю мышей. Да, часть этих грызуны ухитрились избегать лап и зубов камышовых котов, прячась в стенах и на чердаках. Если на пищевом складе и в Храме Мудрости их численность кошки хоть как-то сдерживали, то в жилые дома они заглядывали редко. Здесь уже грызунам было раздолье...

Дом рода Искателей Знаний не был исключением, поэтому к утру сработали все три поставленные мышеловки. Устройства были простейшими — на край высоких глиняных горшков с гладкими стенами ложилась выстроганная из ветки тонкая дощечка. Одним концом она опиралась на подставленную рядом горку дров, а на другом я тонкой ниткой привязал кусочек вкусно пахнущего козьего сыра. Пытаясь добраться до приманки, мышка нарушала равновесие конструкции, и вместе с дощечкой падала внутрь горшка. Назад же по гладким, покрытым глазурью стенкам выбраться было невозможно.

На утро, быстро перекусив, я стал собираться. Сначала сложил в корзину весь "научно-исследовательский" инвентарь, туда же поставил горшок с мышами. Рядом легли кусок свежего мяса, ложка меда и жира, небольшой бочонок с водой. Отдельно — кусочки мела, глины, угля, железной руды, чугуна и стали. Дар подготовил материалы для ограды и захватил тяжёлую кувалду. Земля за время оттепели уже начала оттаивать, так что забить кольшки смогу быстро.

Оделся как на войну — новенький доспех из железной чешуи, такие же наручи, поножи и шлем. Железо не свинец, но все равно какая ни есть защита... По началу выход вождя в таком наряде насторожил народ, а некоторых женщин и испугал. Доспех неразрывно связывался с битвами и войной. Но когда вместо оружия я взял удочку, лантирцы не знали что и думать. Ничего, Эрика им все расскажет, никакой секретности в сегодняшнем походе

не было.

Группа Венда тоже шла с нами, мужчины оправились от пережитого страха и теперь стремились хоть как-то реабилитироваться в глазах окружающих. С ними бежали, то и дело рыская из стороны в сторону, несколько "собак". Рядом со мной шагали Дар и Тур, тоже в полном облачении и с арбалетами на изготовку. Стрелять самостоятельно я им запретил, помня, что последовало за броском копья. Но мало ли, что может случиться — пусть лучше мы будем с оружием, чем без него.

На полдороги отряд наткнулся на семейство мамонтов. Животные вели себя странно — они вышли в путь к охотничьему лагерю раньше нас, ещё с рассветом, но встали на полдороги.

Завидев людей, Дамб'о приветственно затрубила, но когда мы, похлопав ее по мохнатому боку, прошли мимо, она сделала вслед несколько шагов и снова подала голос. Вторая мамонтиха тоже вела себя беспокойно — ей явно хотелось последовать за нами, она переступала с ноги на ногу, с шумом втягивала хоботом воздух.

— Бинб'о, пошли. Никто на твоих детей не нападет, мы любого Большезуба подстрелим!

Животное, ещё немного поколебавшись, все же двинулось вперед. Какое то время мамонты переговаривались друг с другом то трубным ревом, то низкими звуками, больше похожими на рычание. Наконец, и остальные гиганты пошли за нами. Волки тоже перестали отходить от отряда, насторожились и бежали рядом с людьми.

Зверей что-то явно беспокоило. Хищников они не боялись, я помнил, как Вит, каждую неделю занимавший пост на наблюдательной вышке, рассказывал мне о летней стычке "наших" мамонтов с небольшим прайдом саблезубых кошек. Эти хищники пришли с юга, и пока охотники, услышав о ценном мехе и клыках, спешно готовили арбалеты, Дамб'о в считанные секунды разогнавшись, успела поддеть бивнями замешкавшегося большезуба. Одного удара хватило, старый самец упал с переломанными ребрами. Остальные хищники разбежались во все стороны, где большинство из них и поймали арбалетные болты.

В будущем слоны не только слышали инфразвук, но и могли сами его воспроизводить, общаясь с другими стадами на расстоянии в несколько километров. Так они часто ставили в тупик браконьеров — те не могли понять как после единственного бесшумного выстрела и смерти одного животного все остальные слоны в округе уходили от места гибели сородича на десятки километров. Мамонты, похоже, в этом плане ничем не отличались. Интересно, что они сейчас слышат такого, что могло напугать столь крупных животных?..

Лагерь охотников жил обычной жизнью, разве что за добычей сейчас уходили в стороны, на восток и на запад, держась как можно дальше от места обитания "злого духа". Один из отрядов только что вернулся, с трудом дотащив загруженные сани по размокшему и начавшему хлюпать под ногами снегу.

— Как вы тут? Все спокойно?

— С нами — да, но снова какие-то странности творятся. Вит, давай вниз, расскажешь, что тебе померещилось!

Ответивший нам мужик громко свистнул, и вскоре наверху замелькала фигурка парня, быстро спускающегося с двадцатиметровой высоты.

— Дим, я это правда видел!

— Что видел?

— Как гиена летела по воздуху!

Это заявление, хоть и вызвало смешки у стоявших вокруг охотников, заставило меня

опереться на одну из опор. Твою же дивизию!..

Это не похоже на технологии денисовцев, кроманьонцев или даже их далёких потомков из двадцать первого века. Последние остававшиеся у меня сомнения в искусственном происхождении аномалии рухнули. Теперь можно быть уверенным на все сто процентов, что она — дело рук разумных существ. Если они, конечно, у них имеются, эти руки...

— Вит, гиена сама летела, как птица?

— Нет... Она стояла в воздухе на задних лапах, под ними даже немного снега и земли было, а передними скребла перед собой. А другие гиены бежали за ней следом, вниз!

— Это та стая, что остатки после разделки подьедает?

— Да, они совсем рядом с лагерем живут, мне их хорошо видно сверху. Вчера, после обеда там такая грызня и визг поднялись!.. Я услышал, дай, думаю гляну, из-за чего переполох — обычно они смирные. Вот и заметил, как гиена над кронами деревьев поднялась.

— Вит, если заметишь ещё что-то похожее, или наоборот, совсем непохожее на этот случай — сразу сообщай.

Надо бы для парня и остальных наблюдателей подзорные трубы сделать. Первую двояковыпуклую линзу я уже получил, ее можно использовать как объектив, осталось получить двояковогнутую линзу для окуляра и собрать раздвижной тубус для фокусировки. При метровой длине вполне возможно добиться даже двадцатикратного увеличения, это сильно расширит возможности моих людей, особенно в свете планируемых дальних экспедиций.

Вит шустро полез наверх, а мы отправились в степь, к виднеющимся вдали брошенным саням. Мамонты остались у лагеря, часто поворачиваясь в нашу сторону и тревожно трубя, волки пока сопровождали нас, но держались позади и все больше отставали. Вчерашний след группы Венда был виден вполне отчётливо, кое-где на этой тропе проступила талая вода, превратив ее в пунктир, завершающийся широкой окружностью.

Вот и сани... Пока охотники быстро собирали разбросанные на снегу пожитки, я медленно, буквально по нескольку сантиметров за шаг, пошел к очерченной границе аномалии. И вскоре почувствовал все нарастающее беспокойство. Мне стало реально страшно!.. Отступив немного назад, я вбил первый колышек, и, периодически проверяя свои ощущения, обозначил весь периметр. На вершины колышков натянул верёвку с обрывками ткани.

Охотники уже собрали вещи и оружие, и, погрузив его на сани, отошли подальше. Рядом остались только Дар с Туром, они стояли метрах в двадцати и внимательно наблюдали за мной. Нужно спешить...

"Компас" уверенно показал наличие магнитного поля, причем сильного — железная игла повернулась почти мгновенно. Для того, чтобы подстроиться к направлению магнитного поля Земли у нее уходило около минуты.

Электростатика тоже имелась в наличии — листочки бумаги отклонялись от невидимого объекта. Тут можно было обойтись и без них — волосы на руке вставали дыбом, стоило подойти чуть ближе.

Уже кое что, пора приступать к самым опасным опытам — я закрепил на конце удочки деревянный стакан, положил в него кусочек глины и осторожно стал подавать его вперёд. Вот он отдалился на метр, другой, я почувствовал лёгкое сопротивление, словно упёрся в желе, и конец ореховой палки стал исчезать. Выждав секунду, потянул ее назад. Стакан был

на месте, он только потемнел немного, да и глина выглядела целой. Но запах!.. От образца воняло кошками, в самом плохом смысле этого слова. Концентрированный удар по обонянию был настолько сильным, что заслезились глаза. Ещё бы, аммиак является главным компонентом нашатырного спирта, приводящего человека в сознание, даже если он в обмороке...

Мне показалось, или ощущение страха усилилось? Точно, я отодвинулся назад ещё немного, но опыты продолжил. Мел остался целым, на железной пластинке появился слабый буроватый налет, а поверхность угля стала пористой и крошащейся. В общем-то, уже и так ясно, что скрытая за невидимым полем среда не имеет с обычным воздухом ничего общего, и смертельно опасна для человека. Появившейся на органических веществах — мёде, жиру налет тоже говорил об этом, а цвет розового мяса стал ярче, практически красным. Посадив едва живую от страха мышь в размягчившийся и подающийся под пальцами деревянный стакан, провел последний опыт, вполне закономерно закончившейся гибелью грызуна. Оставшихся двоих зверьков я вытряхнул на снег, и они, словно потеряв способность ориентироваться в пространстве, побежали в разные стороны, то и дело останавливаясь и падая.

Моя возня, похоже, стала раздражать аномалию. Давление на мозг все усиливалось, а после опыта с мышью стало и вовсе нестерпимым. Телохранители тоже отступили подальше, и я отбежал к ним, переводя дыхание и успокаиваясь. Ну что ж, раз нас пока вежливо просят уйти, не будем раздражать хозяев...

— Дим, прекращай. Посмотри лучше на этого зверя!

Дар поддел ногой заоченевший на морозе труп гиены. Немного дальше лежал ещё один.

— Все, сейчас уходим. Что с ним не так?

— Шкура целая, ему попали в голову. Там маленькая ранка, и крови почти нет.

— Заберём с собой, в лагере осмотрим внимательнее.

Пока подзывали охотников и грузили мертвое животное на сани, терпение аномалии стало заканчиваться. Снова появилось желание бежать отсюда со всех ног.

— Уходим! Тур, в чем дело? Опустит арбалет!

Парень отступал, пятясь назад, в его расширившихся глазах застыл страх. К нам медленно приближался сгусток дрожащего воздуха. словно мыльный пузырь, только без четких границ.

— Тур, брось оружие! Все назад, быстро!

Мой телохранитель, послушавшись, бросил арбалет на землю. Мы, то и дело оглядываясь, отбежали подальше от непонятого явления. Нас прекратили преследовать — "мыльный пузырь" опустился к самой земле, мигнул, и вот уже арбалет, поднявшись в воздух, неспешно заскользил прочь. Вместе с ним в воздух поднялся и небольшой участок почвы со снегом, на земле осталась идеально круглая вмятина, с отблескивающей, словно стекло, поверхностью. Ещё несколько секунд — и и странный объект вместе со своей добычей исчез.

Больше мы не задерживались, и, не теряя времени, быстрым шагом вернулись в лагерь. Исследовательская миссия завершилась, если не полным провалом, то потерей оборудования — точно. Хорошо хоть сами исследователи живы остались... Волки, довольные, что больше не нужно ждать глупых двуногих так близко от опасного места, носились по всему лагерю, путаясь под ногами и выбегая на дорогу к Лантирску. "Собаки" всем своим видом

показывали, что будет ещё лучше, если мы тут не остановимся.

Выслушав наш рассказ, другие охотники прониклись. Южное направление стало запретным, теперь к этому месту никто, ближе чем на километр, не подойдёт.

Осмотр и вскрытие черепа мертвой гиены я провел подальше, за частоколом. Смерть животного наступила недавно, ее причиной стало небольшое, около трёх миллиметров в диаметре, отверстие в черепе над глазницей. Шкура гиены в этом месте была обуглена, да и сама рана была практически стерильной — кровь запеклась по ее краям, и даже оттепель не смогла нарушить эту корку. Внутри картина была намного непригляднее — через несколько сантиметров раневой канал заканчивался выжженной полостью, разрушившей часть мозга животного. Спина покрылась холодным потом. А если бы в нас тоже выстрелили? Судя по месту, куда попал заряд неизвестного оружия, с меткостью у стрелка никаких проблем не было, а толку от нашей брони было бы не больше, чем от листа бумаги.

В искусственном происхождении аномалии я убедился, как-то повлиять на нее или тех, кто ее создал, у меня не было никакой возможности. Любопытство уже сгубило кошку, точнее, гиену. И сгубит Дима с его неандертальцами, если не прекратит туда лезть...

— Диим!! Посмотри в степь!

Громкий крик Вита заставил меня вздрогнуть и выронить нож. Вытирая окровавленные руки о снег, я поднял голову, чтобы увидеть очередное "чудо" — метрах в ста от нас над поверхностью степи медленно плыло небольшое дерево. Его корни были в почве, аккуратно обрезанной в виде полусферы...

Скорее всего, это исследовательская миссия, иначе зачем бы понадобилось дерево и гиена? Может, даже полностью автоматическая, в пользу такого предположения говорило то, что защита невидимого объекта не сразу уничтожала нарушителей, а пыталась сначала их отпугнуть инфразвуком.

Собирают материал для лаборатории или зверушек для зоопарка? Все может быть, вон даже у меня в Лантирске уже есть зверинец — целых три саблезубых тигра и куницы. Мы ведь тоже особо не церемонились, добывая детёнышей этих животных.

С другой стороны, запах аммиака... Если там такая атмосфера, долго в ней это дерево не проживет. Впрочем, те, кто создал подобные технологии, лучше меня должны это понимать, и обеспечить сохранность образца им вполне по силам.

Образца... Неприятное слово, особенно если применить его к себе. Пока мы отделались потерей копья и арбалета, но что, если изделия дикарей в каком-нибудь музее будут смотреться неполными без стоящих рядом чучел своих создателей? Лантирск всего в семи километрах, и противопоставить что-либо "мыльным пузырям", если они захотят получить образцы неандертальцев, л'тоа или кроманьонцев мы ничего не сможем. От слова "совсем".

Череп гиены с прожженным в височной части отверстием заберем с собой, позже его выварим и сохраним как неопровержимое доказательство того, что мы не одни во вселенной. Само это знание уже дорогого стоит — из него следовало, что межзвездные перелеты не только возможны, их уже совершают. То, что в двадцатом веке люди не смогли выйти за границы Солнечной системы, ничего не доказывает — скорее всего, мы просто не успели из-за начавшейся Третьей Мировой войны.

Мне в голову вдруг пришла ещё одна мысль. Вернувшись в лагерь, я выбрал корзину покрепче, взял лопату, и, позвав телохранителей, отправился к стае сидевших на опушке гиен. Звери недовольно заворчали — чего мол нас тревожите, если еды не принесли, — но при нашем приближении отбежали подальше. Опытные, знают, что бывает с теми, кто

пытается напасть на двуногих существ, умеющих убивать издали...

Я искал след — такой же, как и тот, что остался в степи после изъятия нашего арбалета. Стая облюбовала это место давно, а Вит говорил, что перед тем, как гиена полетела на юг, тут было шумно. Стараясь не наступить на отходы жизнедеятельности этих не самых чистоплотных животных, мы по спирали обследовали поляну совсем недолго.

След первым заметил Дар — на земле была такая же, покрытая "стеклянной" коркой вмятина. Диаметр на глаз около двадцати сантиметров, глубина — вряд ли больше одного, и ровнехонькая, словно ее циркулем чертили... Поставив корзину рядом, разрыхлил землю вокруг, и осторожно, чтобы не повредить, поддел пласт почвы с отпечатком лопатой. Тот поддался легко, и ещё одно доказательство существования НЛО пополнило нашу коллекцию.

На следующий день, рассматривая блестящую поверхность сквозь линзу, я смог с уверенностью сказать — это не просто ровный срез. Мельчайшие кристаллики спекшегося грунта образовали тонкий, отблескивающий на солнце мириадами граней, слой — нечто вроде полурастаявшего сахара или внезапно застывшей пены. Что могло вызвать такой эффект? Всплеск температуры, давления, химическая или ядерная реакция? Этого не знал никто, поэтому я на всякий случай поместил находку в большой глиняный горшок, плотно закрыл его, обмазав крышку смолой для гарантии, и прикопал подальше, обозначив место столбиком с вырезанным на нем знаком опасности — человеческим черепом. Такими знаками в Лантирске были помечены горшки с самым опасным на сегодня из полученных веществ — каменноугольной смолой, и их значение все уже хорошо усвоили.

Несколько недель город жил в постоянном напряжении, ожидая визитов "чужих" — так я, а затем и остальные стали называть все связанное с обнаруженной аномалией. Но время шло, дни быстро сменяли друг друга, и ничего не происходило. Единственными новостями были несколько сообщений Вита и его напарника о новых летающих деревьях, да отправившиеся за котятами подростки нашли в лесу пенек с ровно срезанной вершиной. Его потом спилили и принесли в город — он в точности походил на прикопанный ранее отпечаток, только слой вспененных кристаллов выросал прямо из древесины.

Логова лесных котов они кстати тоже нашли, как и самих котят — теперь девять пушистых малышей активно пили козье молоко, ели варёную рыбу и прочно заняли лидерство в списке домашних питомцев.

Весна давно уже вступила в свои права, и люди постепенно успокоились. Огромное количество работы оставляло мало времени для посторонних мыслей — начали возводить вторую стену, готовили стройматериалы для новых домов и общественных зданий, заканчивали насыпь для конной лесопилки. Саму крестовину и передаточный механизм к зубчатым полотнам уже собрали, и даже опробовали, несколько раз провернув центральный вал вручную.

Кроманьонцев переселили на двадцать километров восточнее, в новый охотничий лагерь. Там же будет третья наблюдательная вышка, два десятка коптилен, несколько ульев и большие навесы для сушки сена. Гамбе и его людям будет чем заняться после завершения строительства, а я на всякий случай уберу их пока подальше и от Лантирска, и от возможного маршрута движения "черных крестоносцев". Они ведь обязательно придут, шаманы не зря промывали племени Бинадаму мозги рассказами о злом белом колдуне...

Мамонты теперь старались держаться у стен города, лишь изредка отправляясь вместе с охотниками к краю степи. Чтобы оградить от этих прожорливых животных расширившиеся поля, сад, огород и уже сопоставимый по площади опытный участок, где высевались

обработанные колхицином семена, рядом с оградой расставили ульи с пчелами. Идею подсказал Ч'чонг, заметивший, что огромные звери очень не любят этих насекомых, а мамонты так вообще их побаивались. Метод сработал — и пасеку, и возделываемые участки животные теперь обходили стороной.

В этом году у нас, кроме козлят, впервые появились свои поросята, еще и диких охотники наловили. Пришлось снова и загоны расширять, и сараи новые строить. Подумав, я дал добро на ловлю лошадей и ослов, нам нужно намного больше этих животных. На время этого похода лучше оставить в городе шахтеров и рудокопов — запаса железа на складе кузнецам хватит года на два, даже если пропустим одну сезонную плавку, не беда. А сотня высвободившихся рабочих рук — это ускорение строительства минимум в три раза.

С приходом тепла каждую неделю стали проводить военные тренировки женского и подросткового состава — учили использовать дротики, копьеметалки, обычные ременные пращи и "детские" луки. И через месяц результат значительно улучшился — слитный бросок дротиков со стен или град камней уверенно накрывал размеченную площадку, а стрелки, хорошо набившие руку на птицах прошлой осенью, уверенно поражали цели размером в десяток сантиметров с двадцати шагов. На самих стенах находилось стало намного безопаснее — десятки тяжёлых башенных щитов, обтянутых толстой мамонтовой, носорожьей или бизоньей кожей, укрепленные вместо зубцов, давали защитникам дополнительные укрытия.

Мужчины тоже тренировались — это охотники привыкли к лукам и арбалетам, ежедневно практикуясь в стрельбе, остальные такой возможности были лишены. Сейчас они ежедневно посвящали этому занятию часть предназначенного для отдыха времени, собираясь у стен с укрепленными мишенями. Под руководством опытных наставников процесс шел быстро, и пусть не в центр, но хотя бы в край мишени попадали уже почти все.

Подрастающее поколение разбили на несколько возрастных групп, сформировав пять классов. В дальнейшем их количество возрастёт до девяти, но пока должно хватить и этого. Здание будущей школы сейчас представляло собой деревянный каркас на недавно заложенном фундаменте, поэтому занятия проводили на улице. Детей возрастом от шести до девяти лет учили самые способные из лантирских женщин, освоившие алфавит, чтение, цифры и простейшие арифметические действия. С десятилетними и старшими подростками занимался я с Эрикой. Жена не только уверенно пересказывала тексты записанных мною на листах бумаги упрощённых версий учебников, но и неплохо понимала большую часть этих знаний. География, основы химии, физики и биологии, начальные сведения по медицине, сельскому хозяйству, животноводству и строительству дополнялись учебной практикой от всех трёх Кругов. Подросткам показывали, как оказывать первую помощь себе и другим, готовить еду, шить одежду, ухаживать за растениями и животными, работать с металлом, камнем и деревом, обращаться с различным оружием. Ант и несколько пожилых мужчин продолжили обучение плаванию, различным упражнениям для увеличения силы и выносливости, а Ч'чонг с несколькими определенными ему в помощь женщинами так и остался заведовать детским садом...

Сегодня, третьего июня, произошло сразу два эпохальных события. Во-первых, наконец заработала пилорама, и рабочие начали распиловку бревен на доски. Спрос на этот строительный материал в разы превышал предложение, и теперь появилась реальная возможность использовать их для внутренней обшивки помещений, полов и перекрытий домов. Во-вторых, мы торжественно открыли первую в Лантирске школу. Ее построили в виде кольца, разделенного на двенадцать сдвоенных помещений — во внешней части будут

находиться классные комнаты, во внутренней — специализированные кабинеты с учебными пособиями. Один сектор займут преподаватели, там будет учительская и хозяйственная подсобка, два других — столовая и спортивный зал. Внутренний двор в дальнейшем засыпем щебнем и песком, там будут проходить тренировки и собрания учащихся в летнее время.

А вечером я решил немного расслабиться и устроить себе настоящий отдых. Не дожидаясь наступления темноты, мы вместе с Антом и Утаром отправились на берег Аркаима, и выбрали многообещающий заливчик недалеко от пляжа. Здесь река резко поворачивала, образуя на дне глубокие ямы, в которых часто ловились крупная рыба — лещи, сазаны, щуки и даже сомы. Вот на этих подводных обитателей мы и нацелились...

Донная снасть с наживкой из обжаренных на костре мелких птиц и лягушек отправилась в воду, концы плетёной лески привязали к вбитым в берег кольшкам. У нас были даже миниатюрные колокольчики, выкованные кузнецами по моей личной просьбе.

Я занимался приготовлением настоящего шашлыка! Мангал был тяжеловат, толщина стенок литых чугунных пластин доходила до пяти миллиметров, его пришлось перевозить на тележке. Были изготовлены и железные шампуры, начищенные Антом до блеска. На них и нанизал мясо, заранее замаринованное по нескольким рецептам — с использованием кефира, черемши, дикого чеснока, мяты, шалфея и горчицы-сурепки. Вина у меня не было, но имелись несколько вариантов ягодных настоек — черника, малина, смородина, рябина и терен. Все они отличались уникальными вкусами, и вполне годились для периодического обрызгивания жарящегося мяса, делая его сочным и придавая вкусу пикантные нотки. Теперь вся эта вкуснятина испускала умопомрачительный аромат, томясь и доходя до готовности над раскаленными углями...

На берегу развели большой костер, он давал достаточно света, чтобы рыбаки могли видеть снасти, ну а я — следить за готовкой. Ветер стих, над спокойной водой Аркаима разносилось стрекотание ночных сверчков, хоровое пение лягушек и редкие крики филинов. Противоположный берег терялся в темноте, там густой стеной возвышались деревья, но позади, в километре от нас, светилась цепочка огней на стенах Лантирска.

Такое удивительное сочетание близости к дикой природе и цивилизации всегда привлекало меня ещё в той, прошлой жизни. Летом мы с друзьями, взяв с собой семьи и детей, выбирались на ближайшие реки и озера. Особенно мне нравились небольшие базы отдыха, разбросанные по берегам Северского Донца, дающие гостям минимальный комфорт и, вместе с тем, отличный отдых на природе. Как же давно это было...

От воспоминаний меня отвлек громкий звон колокольчика. Вот и первая поклёвка! Утар подсек рыбу и стал подтаскивать ее к берегу. Ант вооружившись ещё одной новинкой — широкой подсакой, замер у самого уреза воды, готовясь подхватить добычу, как только она покажется из глубины. Через несколько минут метровый сомик оказался пристегнут на крючок, а мы отметили удачное начало рыбалки порциями нежнейшего шашлыка и крохотными рюмками наливки. Даже сильно разбавленная, содержащая максимум два-три процента спирта, на неандертальцев она действовала ничуть не слабее, чем водка на потомков кроманьонцев в будущем. Впереди ещё вся ночь, как бы не напиться... Впрочем, поклёвки случались редко, и мы, сытые и умиротворённые, стали по очереди дремать у огня.

Перед рассветом вновь зазвенел колокольчик, и мне пришлось будить остальных — этот сом был намного крупнее. Только через полчаса я смог подтащить его ближе к берегу, и совместными усилиями мы вытащили рыбку на берег. Таких гигантов сетями никогда ещё не ловили — добыча в длину превышала два метра, и весила как бы не больше самого вождя.

Пока мы грелись после вынужденного купания в прохладной с ночи воде, в светлеющем небе пронеслась сначала одна, а затем и другая яркая звёздочка. Их путь оканчивался далеко на севере...

После обнаружения аномалии такие явления перестали казаться безобидными — это могли быть как простые метеориты, так и следы от незваных гостей. На небо теперь поглядывали и наблюдатели со всех трёх вышек, и все дружно утверждали, что падающих звёзд стало намного больше, чем раньше. Словно подтверждая их слова, появились ещё группы огней, все они тоже двигались на север — и с юга, и с запада, и с востока. Нет, это точно не метеориты — когда Земля пересекает пылевые шлейфы, оставленные кометами, сгорающие в атмосфере частицы падают в одном и том же направлении.

Вскоре рассвело окончательно и спокойное утро, безоблачное голубое небо и теплые лучи солнца быстро прогнали все тревожные мысли. Поймав ещё двоих сомят, мы затушили костер и пошли к пляжу, окунуться. Мимо медленно проплыли несколько лодок, это рыбаки Пратта отправились проверять установленные с вечера сети. От города спускалась телега водовозов — строящие колодец рабочие хоть и углубили сруб на добрые десять метров, до воды ещё не добрались.

Сделав пару кругов, я уже выбрался на берег и натягивал одежду, поджидая Утара с Антом, отплывших подальше, когда со стороны Лантирска донесся частый металлический звон. Мельком глянул на вершину башни — там все спокойно, дыма не видно. Это не кроманьонцы, что-то случилось в самом городе, настолько серьезное, что часовые подняли тревогу. И мы бросились к стенам, захватив только оружие.

Причину переполоха разглядели ещё с полдороги — высоко над землёй неспеша плыли четыре "мыльных пузыря". За их практически невидимыми стенами беззвучно кричали и пытались вырваться дети...

Из южных ворот выбежали уже несколько десятков взрослых, к погоне с каждой секундой присоединялось все больше людей. Вот группа мужчин остановилась, они вскинули арбалеты, и замерев на мгновение, вдавили спусковые крючки. Мне показалось, что я даже различил короткие чёрточки болтов, ударившие в едва различимую оболочку "пузырей". В это мгновение по ней пробежали волны искажений, словно в кривом зеркале... Реакция последовала незамедлительно — шесть ослепительных росчерков впились в головы стрелков, оставив на дороге неподвижные тела, а чуждые объекты с пленниками внутри, словно и не заметив атаки, продолжили движение.

— Не стреляйте! Не стреляйте по ним!!

Мы уже рядом, и я кричу изо всех сил, заметив, как бегущие за похитителями люди вновь скидывают оружие.

— Дим, там... Мой... Сын!..

Темноволосый мужчина, задыхаясь от быстрого бега, направляет арбалет вверх, и я слышу громкий щелчок спущенной тетивы. Чуть в стороне раздаётся ещё один. Вспышка! Раздался тонкий, ни на что не похожий шипящий звук, волосы опалило жаром от промелькнувшего в полуметре огненного сгустка. В воздухе появился резкий запах паленого мяса...

— Не стреляйте! Мы не сможем им навредить!!

— Что нам делать?!

Рядом уже большая часть мужского населения, одни люди в ярости, другие напуганы последовавшей только что расправой...

— Только наблюдать! Мы для тех, кто создал эти "мыльные пузыри" значим меньше, чем для нас муравьи. Понимаете? Если продолжим их кусать, они могут просто наступить на весь муравейник!..

— Но дети... Их нужно спасать!

— Как? Выложив всю дорогу трупами до самой аномалии? Восемь мужчин уже погибли...

Мы перешли на быстрый шаг, НЛО невозмутимо летели на юг, в направлении лагеря охотников и аномалии.

— А сила Первой Пещеры?

— Она влияет только на нас, даже "старые люди" или сородичи Мтан ей уже не подвластны. А они такие же люди, как и мы!

— Но поговорить с детьми ты сможешь? Хотя бы с нашими?

— Детей л'тоа значит тоже похитили?

— Да, мальчика и девочку...

— Попробую... Сколько им лет?

— Всем прожили по пять зим.

— Маловато, в детские сны очень трудно попасть, у меня это ещё ни разу не получалось. Но небольшой шанс есть, главное, чтобы рядом с ними был огонь. И... я не знаю, разорвется ли связь с расстоянием или нет. Звёзды от нас так далеко, что и сотни жизней не хватит, чтобы до них добраться.

Мы подошли к охотничьему лагерю, там уже тоже заметили "мыльные пузыри" и заключённых в них детей. Очередная вспышка, кто-то из охотников не выдержал и выстрелил. Ещё один труп...

— Не стреляйте!!

Мой крик заглушили десятки других, люди указывали на юг:

— Смотрите! Злые духи перестали прятаться!

Рядом с лагерем тревожно затрубили мамонты, повернув головы в сторону аномалии. К ней со всех сторон слетались "пузыри", и пустых среди них не было. Разнообразные деревья, кустарники, животные, птицы и насекомые стали их добычей.

Да и сама аномалия предстала во всей своей пугающей красоте. Посреди степи возвышалась исполинская башня, напоминающая из-за облепивших ее "мыльных пузырей" кочан брюссельской капусты. Только высота ее была, в отличие от безобидного овоща, минимум в километр, вершину мешал разглядеть поднимающиеся клубы пара. Если это испаряется аммиак, там сейчас не продохнешь...

— Идём следом?..

— Да, но будьте готовы по моей команде упасть на землю, закрыть глаза и не дышать. Видите этот пар? Ветер западный, но если он хоть немного изменится и мы будем в этот момент слишком близко, умрем все. Или ослепнем и останемся инвалидами на всю жизнь...

Люди шли, все больше отставая от "пузырей". Как не горько это понимать, тут мы бессильны, и можем просто погибнуть зря. Уже через километр я почувствовали знакомое чувство тревоги.

— Стойте!.. Дальше идти нельзя.

Мои спутники и сами это поняли. Несколько человек по инерции прошли ещё пару метров, стиснув зубы, но не смогли перебороть накатывающие волны страха. Теперь мы могли только наблюдать...

Тысячи "мыльных пузырей" наполнили собой весь воздух вокруг, они напоминали огромный рой насекомых, возвращающихся к гнезду. Их размеры были самыми разными — вот мимо пронесся прозрачный шарик с заключённым внутри пауком не больше чайбы размером. В стороне движется двухметровый "пузырь" с молодым черным медведем внутри, рядом — шар с здоровенной листовницей. А на самой башне видны настоящие пузыри-гиганты, если глазомер меня не обманывает, они больше полусотни метров в диаметре!

Так продолжалось до полудня — солнце уже поднялось высоко и хорошо прогрело воздух, когда поток "мыльных пузырей" окончательно иссяк. Земля под ногами мелко задрожала, а вокруг башни стали распускаться ажурные... Крылья? Лепестки? Я не мог подобрать слова, чтобы описать происходящее.

Нечто полупрозрачное, похожее на морские лилии или сросток сетчатых крыльев насекомых, абсолютно чуждое всему земному — и вместе с тем завораживающее совершенством фрактальных форм. Один такой лепесток вытянулся в нашу сторону, и я почувствовал ледянящий, пробирающий до костей холод.

— Назад!..

Голос прозвучал хрипло, но в моей команде никто не нуждался — мы все в едином порыве бросились к лесу. За спиной исполинские "крылья" закрыли большую часть горизонта, по ним пробегали все ускоряющиеся волны радужного сияния.

— Дим... Оно взлетает!

НЛО поднимался в воздух, окутанный клубами пара и ослепительным сиянием слившихся в сплошное мерцание переливов света. Его движение ускорялось все больше, пока принесшая моему народу столько горя аномалия не скрылась окончательно. Ветер сдувал в сторону быстро тающие клубы пара...

— Надеюсь, "чужие" уберались отсюда надолго... Идём в город, больше вам тут делать нечего.

— А ты?

— А я потом схожу к тому месту, где эта дрянь пряталась. Для нас любой их мусор может оказаться бесценным.

— Мусор?

— Да, они могли оставить что-то после себя. Вот представь, идёшь ты с охоты домой, и бросаешь рядом с муравейником обёртку от порции пеммикана. Нож обронишь случайно. Или арбалет забудешь...

— Чтобы я арбалет на привале забыл? Дим, кто тебе сказал такую чушь?

— Ленг, это я образно, для примера. Муравьи не смогут сразу понять, что свалилось с неба рядом с их домом. Могут и вообще никогда не понять... Но шанс, Ленг, шанс понять у них будет! Понимаешь?

— Ты хочешь понять, что это "мусор" из себя представляет и как его изготовили?..

— Именно! Не получится у меня — это попытаться сделать наши внуки. Не выйдет у них — следующие поколения учёных. Это будет вызов нам всем, пройдут сотни, тысячи лет — и Храм Мудрости решит эту загадку!

Пусть даже я рискую схватить там дозу радиации или какой химии, риск того стоит. Поэтому, вернувшись в Лантирск, я взял теплую зимнюю одежду, доспехи, маску и защитные очки. Погрузил пока вещи на небольшую телегу — все это надено уже в степи, по жаре в таком наряде пройти семь километров будет очень тяжело. Туда же поставил несколько пустых горшков и один полный, со смолой, положил пару лопат, моток прочной веревки,

мешки и большие куски кожи.

Эрика провела меня до моста, с трудом сдерживаясь, чтобы не разреветься.

— "Чужие" улетели, любимая. Там сейчас никого не осталось.

— Тогда зачем ты взял с собой доспехи?

— Чтобы то, что они могли оставить после себя, не смогло мне навредить.

— Я боюсь... Черные люди рассказывали о проклятье, передаваемом через камни.

Радиация, верно? Она убьет тебя!

— Сильный фон я смогу почувствовать по запаху озона и ухудшению самочувствия. Я тогда сразу уйду, обещаю! Все, прекращай реветь, а то он почувствует...

Я погладил сильно выпирающий под лёгкой накидкой живот жены. Второй ребенок будет крупнее Ингвара...

— Она!.. Я хочу, чтобы у нас появилась дочь!..

— Вот и не расстраивай ее. Все со мной будет хорошо, возвращайся в город.

Эрика с Утаром пошли назад, а я, в сопровождении нескольких человек, во второй раз за сегодня пошел на юг.

Степь была пуста. Напуганные разразившимся в этом месте событиями, все животные, птицы и насекомые погибли, разбежались или спрятались. Вокруг повисла настолько непривычная для этого времени года тишина, что становилось не по себе и без всякого инфразвука.

Переоделся. Телохранители остались за спиной, а я неспешно покатил тележку по почерневшей, ставшей ломкой и хрупкой траве. Поддел ногою кротовую кочку — земля рассыпалась сухой пылью, несколько дождевых червей и жуков рассыпались вместе с ней. Словно какая-то злая сила выпила всю жизнь вокруг...

Вот и вбитые нами ещё по снегу колышки. Они тоже почернели, странно изогнулись и оплыли, словно были вытесаны не из твердой березы, а из мягкого пластилина. Осторожно вытащил один — та же история, что с травой, древесина крошилась под закрытыми кожаной перчаткой пальцами. Положил добычу в мешок, и, стараясь унять колотившееся от волнения сердце, перешагнул отмеченную границу. Здесь все ещё чувствовался запах аммиака, но ветер сносил едкую вонь в сторону. Земля под ногами окрасилась в бурый цвет, она стала рыхлой и пористой, как пемза — толстые кожаные подошвы проваливались в нее по щиколотку.

Первый явно искусственный предмет, который я нашел, был практически невесомым — длинная полоса прозрачной пленки. Похожая на обычный кусок пластика, какие в будущем можно встретить на любой свалке, но ровно до тех пор, пока я не попытался ее сложить поплотнее. На пленке тут же проступила сеть волокон, напоминающая кровеносные сосуды, золотистого цвета. Они постоянно двигались внутри материала, меняли свою форму и размер, словно и вправду были живыми... Бррр, неприятное зрелище! Станный материал отправился в мешок, потом буду гадать, что это может быть. Таких кусков нашел много, больше полусотни, но в сжатом виде места они заняли совсем чуть-чуть.

Второй артефакт я обнаружил в самом центре этой области — длинный матово-черный стержень, наполовину утопленный в пыль, был настолько тяжёлым, что я с трудом смог дотащить его до стоявшей на твердом грунте тележки. Закинуть на нее такой груз стало настоящим испытанием для рук и спины, но я кое-как справился. Холодный, зараза, даже сквозь перчатки пальцы мёрзнут...

Рядом с ним лежали две вполне земного вида металлические банки, восьмигранные, с

завинчивающимися крышками на обеих торцах. Ёмкости были пусты, но на стенках остались следы густой синеватой жидкости. Банки закрыл, накинув на них крышки и повернув против часовой стрелки. Если эта тара раньше предназначалась для хранения непонятной субстанции, она и дальше справится со своей задачей.

Добыча отправилась в новый мешок, и я быстро пошел по расширяющейся от центра спирали. Вот кусочек изогнутой трубки, на вид — словно из полированного камня. В мешок! Вот россыпь желтовато-белых гранул, больше двух десятков. И их заберу, мало ли что это может быть — от дерьма инопланетян до высокоэнергетического топлива...

Последней находкой стал треснувший полупрозрачный бублик, около пяти сантиметров в диаметре. Внутри угадывалась сложная начинка, переплетение блестящих металлических волокон и грозди кристаллов. Скорее всего эта штука сломана, раз ее выбросили. Ничего, дорастем до рентгена или ультразвука, отсканируем и разберемся, что там внутри!

Чувствовал я себя неплохо, разве что из-за жары пот стекал по всему телу, да стекла очков запотели, снижая обзор. Поэтому, секунду поколебавшись, взял в руки лопату, и стал копать рассыпающуюся в пыль почву внутри зоны посещения. Ветер быстро сдувал эту невесомую взвесь, такими темпами тут скоро ничего не останется... С трудом наполнил ею один из горшков, и быстро закрыл его крышкой, чтобы не разлеталась.

Мои телохранители, завидев вождя, отошли подальше. Пока я отсутствовал, здесь, за границей круга мертвой степи, они уже вырыли глубокую яму. В нее и сложил все находки, стараясь поплотнее закрыть и промазать смолой упаковку и крышки горшков. Насыпав сверху полуметровый слой земли, я стал раздеваться. В могильник отправились лопата, маска, очки, обувь, перчатки, зимняя одежда, и, хотя внутренняя жаба душила немилосердно, а хомяк вообще упал в обморок — весь комплект доспехов. Оставшись голышом, окончательно забросал яму землей, вторую лопату мне оставили. Позже сюда придут рабочие, насыпят сверху небольшой курган и поставят знак, предупреждающий об опасности.

Хорошенько выкупавшись в протекающем неподалеку Аркаиме, я с грустью подумал, что теперь мне предстоит прожить целый месяц в карантинном поселке. Скукотища...

Глава 9. Черная орда

*Стаи чёрных ворон кружат
Смерть уже белый саван шьёт
Но ладонь холодит булат
Всё что было — теперь не в счёт
То, что будет сейчас и здесь
Не забудет моя земля
Отстоим свою кровь и честь
Пусть никто не погибнет зря...
Группа "Арктида", "Моя Империя"*

Интерлюдия 4

...Джитуку был в ярости. Какой-то мерзавец посмел выкрасть самый большой священный камень! Тот, на поверхности которого он уже несколько лун выбивал таинственные знаки, подчёркивающие мудрость колдунов и их связь с миром духов. Лично, рискуя своим драгоценным здоровьем!

Сегодня утром он привычно пришел получить свою долю еды, достойную самого мудрого человека среди всех этих глупцов, и обнаружил пропажу. На месте его сокровища осталась только округлая вмятина, блестящая на солнце.

— Колдун, где ты был этой ночью? Почему допустил подобное?

Как же он устал терпеть этих грязных животных, по ошибке Великого Духа названными людьми! Но приходится, от них все же есть польза...

— Это из-за вас мы теперь остались без благословения! И вы ещё смеете требовать от меня, Джитуку, чьими устами говорит сам Великий Дух Плодородия, ответа?!

— Ты должен был остановить злых духов. Они похитили наших детей!

— Детей? Детей ещё много... А вот где мы возьмём теперь новый священный камень?!

Собравшаяся вокруг огня толпа недовольно загудела. Даже верные ему воины и охотники, которые, прикрываясь именем Великого Духа, беззастенчиво грабили соплеменников, забирая у тех все, что им понравилось — еду, вещи, женщин, — даже они отводили глаза в сторону.

— Ты слабый колдун, раз это позволил! Бинадаму, зачем нам колдун, который не может колдовать?!

— Не могу? Сейчас ты заплатишься за свои слова, сын жабы и слизи!

Джитуку незаметно опустил руку в пришитый с внутренней стороны одежды мешочек и зачерпнул пригоршню порошка, полученного из чешуйчатых колосков низких стелющихся растений. Этот секрет он берег именно на такой случай, и сейчас самое время им воспользоваться!

Резкий взмах рукой, и в сторону стоящего по другую сторону костра оппонента полетело облако мельчайшей пыли. Вот оно коснулось пламени, и ослепительная вспышка заставила сжимающего кулаки мужчину отскочить подальше.

— Великий Дух Плодородия сильнее всех остальных! Он даровал мне власть над своими рабами, духами огня! Ну, кто готов испытать на себе мое колдовство?!

Новый взмах, и толпа, крича и прикрывая глаза руками, стала разбегаться. Никто не хотел сгореть заживо...

Джитуку облежённно выдохнул — слава Великому Духу! Рискни кто-нибудь из этих перепуганных людей остаться, его обман моментально бы раскрыли. Брошенный порошок сгорал очень ярко, эффектно, но практически не нес угрозы. Максимум, на что он способен — слегка опалить брови, волосы и глаза.

Выбрав кусок мяса получше, колдун подозвал "своих" людей — пусть наедятся, пока этот сброд разбежался. Фокусы ненадёжны, всегда лучше иметь под рукой тех, кто тебе чем-то обязан. А остальных он отвлечет от ненужных мыслей, да...

Давно пора поймать отступников, сбежавших на восход, и уничтожить наконец дикарей с белой кожей, никогда не слышавших о Великом Духе! Что, если выдуманный великий белый колдун и вправду реален и это он смог похитить священный камень? Пока Бинадаму верили, что проклятья, настаигающие недоброжелателей колдунов — дело его рук, нужно покончить с этим раз и навсегда!

Гамба, трусливый заяц, унес с собой блестящий нож, найденный им в степи. Его могли сделать только белые колдуны, значит там, где они живут, таких вещей много. Мудрый Джитуку сможет достойно распорядится всеми ценными вещами, что найдутся у этого отребья!

Колдун захихикал, хорошее настроение быстро возвращалось к нему. Сегодня же вечером Великий Дух Плодородия поведает ему, кто является настоящим похитителем реликвии и детей, и тогда сотни черных воинов, пылая праведным гневом, отправятся на восход!..

— Дим, может, пора возвращаться в Лантирск?

Телохранители не меньше меня устали от вынужденного безделья. Они, вместе с пятёркой охотников, перебрались к карантинному поселку вслед за вождём, и установили свою юрту в сотне метров. Так мы и общались, сначала перекрикиваясь издали, затем подходя друг к другу все ближе. Под конец месяца я окончательно успокоился — последняя вылазка в зону посещения никак не отразилась на организме.

— Завтра вернемся, Тур. У меня тоже все планы нарушились... Какие новости?

— В лагере говорят, что над участком мертвой степи тумана почти не осталось. С вышки весь этот круг хорошо видно, он теперь черный, словно поле перед посадкой зерна. Только в центре рыжее пятно ещё осталось.

Туман заметили на следующий день после отбытия НЛЮ — над землёй повисла полупрозрачная дымка, похожая на пар. Идти проверять, что это на самом деле, ни у кого из лантирцев желания не возникло. В этом плане мои люди были гораздо благоразумнее своего вождя... Туман быстро поднимался вверх, и, подхваченный ветром, бесследно рассеивался в воздухе.

— Надеюсь, степь со временем сможет восстановиться самостоятельно. Животных не видно?

— Стада вернулись, но это место обходят стороной, травы там нет. Вит уже несколько раз наблюдал, как бизоны бродили по краю черной земли, и ничего с ними не случилось.

— А что им сделается? Я же живой остался, хоть и был там сразу после отлёта "чужих"!

— Так ты же в одежде был, в доспехе. Эхх, жалко, что его выбросить пришлось!..

— Не жалея, вдруг к нему какая-нибудь зараза пристала. Мне за это время новый сделали, мастера уже наловчились делать их быстро, работая сообща.

— Да, каждый день теперь по новому комплекту изготавливают... Сейчас у половины мужчин такие, железная чешуя держит удар лучше, чем костяная. А старые продают за

полщены.

— Правильно делают. Вы все мне нужны целыми после любой битвы. И так девять мужчин потеряли!..

Дым от того погребального костра было видно даже отсюда. Уже под утро, пробившись в сон к Эрике, я наконец смог и жену успокоить, и подробности нападения выяснить:

... "Мыльные пузыри" не смогли проникнуть в город незаметно — на поскуливание волков и беспокойное повеление других животных быстро обратили внимание. Один из пузырей даже смогли увидеть непосредственно перед похищением — шар из слегка дрожащего воздуха выпустил десятки тончайших лучей, ощупывая ими надпись над входом в Храм Мудрости. Надолго она его не заинтересовала, "пузырь", сопровождаемый криками заметивших его людей, поплыл к первому ряду жилых домов. Высыпавшие на улицу дети бросились врассыпную, но куда там — не прошло и нескольких секунд, как первый мальчишка оказался в ловушке. Следом проявились и остальные непрошенные гости...

А недавно, во время полнолуния, наведались уже в мой сон. Рауг встретил энноев из Европы, и передал им приглашение поговорить. Пятеро стариков, отважившихся на посещение Первой Пещеры только из-за необъяснимых событий, происходящих вокруг, были потрясены случившимися там переменами. Весь привычный им мир рухнул в одночасье, и при встрече энной больше молчали и слушали. Это мне ещё повезло, что я не в первый раз пользовался таким способом общения и привык удерживать контроль над сновидением — с каждым присоединившимся "абонентом" это становилось все сложнее. Появление пятого собеседника вообще едва не выбило меня в реальность...

Как бы то ни было, первый обмен новостями произошел. Я вкратце описал историю создания племени Солнца, Лантирска, противостояния с Заругом, Варгом, гибели Предков и визита "чужих". Взамен услышал о страшном извержении огнедышащей горы, случившегося год назад и заставившего несколько родов уйти на запад, об участвовавших случаях бунта и неподчинения старым законам, особенно среди молодежи. Ну да, пожалуйста мне ещё, кнут-то исчез, а наказывать за нарушение заветов Предков теперь некому...

Также выяснилось, что НЛО совершили посадки и в других регионах — одно "страшное место" располагалось на аппенинском полуострове, второе намного западнее, на самом краю материка. Без потерь не обошлось и там, похищенных в Лантирске "чужим" не хватило, и они пополнили свою коллекцию ещё минимум тремя детьми. А о скольких случаях я ещё не знаю?...

Напоследок продемонстрировал собеседникам яркие, красочные образы всего, что мы успели создать — новые дома, укрепленную городскую стену, инструменты, оружие, домашних животных. И пригласил всех желающих не только перебираться поближе к Лантирску самим, но и передать это предложение остальным родам. Быстрого ответа ждать не стоило — сейчас в голове этих энноев такая каша, что пройдет не один месяц, прежде чем они что-то решат. Вряд ли старшее поколение вообще сдвинется с насиженных мест, а вот молодежь — дело другое. Может, и рискнут отправиться на восток в поисках лучшей жизни. Тогда народ племени Солнца поможет им преодолеть Днепр и заселенные кроманьонцами места.

Когда я говорил Туру о нарушенных планах — это было ещё мягко сказано. Если с Эрикой мы могли поговорить во сне, то сын для подобных визитов был ещё слишком мал, и я сильно соскучился по Ингвару. Практически остановилось обучение старших классов школы — заменить меня жена уже не могла, ей рожать максимум через неделю, какие тут

занятия... Лежали, дожидаясь, когда их перенесут на глиняные таблички сотни черновиков. Да и новых листов за это время добавилось изрядно — когда целый день сидишь и не знаешь, чем себя занять, остаётся только копаться в памяти, пытаясь выудить оттуда что-нибудь полезное.

Радовало то, что даже без моего личного присутствия в городе не прекратилось строительство и производство. Напротив, работы с возвращением звероловов, пригнавших в Лантирск два десятка жеребят и нескольких ослят, только ускорились. Уже были собраны каркасы детского сада и складских помещений, заложены фундаменты арсенала и нескольких новых домов, продолжая две улицы палисада. Немного благоустроили пляж — после нашей рыбалки Ант не забыл ни об улове, ни о мангале. Первый отправился на кухню, а второй занял почетное место на берегу, над ним даже навес от дождя соорудили. Шашлыки народ вскоре оценил по-достоинству, и Анту на время моего отсутствия пришлось взять обучение по приготовлению нового блюда на себя. Достроили и первый колодец — как и ожидалось, вода впервые показалась на пятнадцатиметровой глубине, а ещё через метр стала прибывать настолько быстро, что работы пришлось заканчивать. Так на территории палисада появился первый источник воды, и землекопы сразу принялись за рытьё второго, на противоположном конце города. Новая стена тоже постепенно удлинялась, и уже заменила часть хлипкого заборчика, огораживающего пастбище с запада. А с востока вдоль берега Аркаима быстро росла земляная насыпь, местами уже поднимаясь на несколько метров.

В целом, я мог быть доволен — люди привыкали к самостоятельности и все чаще проявляли инициативу. Мне больше не приходилось контролировать всех и вся, достаточно было четко сформулировать задачу и проследить, чтобы среди исполнителей был человек с достаточным количеством опыта. Он и становился главным до завершения работы, освободив для вождя массу свободного времени.

Со стороны моих телохранителей слышались крики, и я выглянул из юрты. Ко мне бежали несколько человек Эхх, ладно, один день ничего не решает...

— Дим, сигнал с вышки!

— Бежим в город, нам тут опасно оставаться!

Действительно, над лесом, в стороне лагеря охотников поднимались клубы черного дыма. Вот мы и дождались новых врагов...

— Перед лагерем свернем в лес, вдруг врагов заметили слишком поздно, и они совсем рядом.

— Да, так мы не выскочили прямо на них. Дим, ты готов?

— Да что мне собираться — арбалет взял, копьё тоже, посуда тут остается... Все, готов!

— Бежим, время уходит!

Лагерь охотников был пуст, на вышке тоже никого. Это уже серьезно, все мужчины отступали в Лантирск, посчитав, что угроза слишком значительна, чтобы справиться с нею самостоятельно.

— В город, быстрее! Тур, брось ты этот котелок, будет легче бежать.

— Меня Ирика за него прибьет... Я в порядке, он не тяжёлый!

Отряд охотников и фуражиров мы нагнали через пару километров. Мужчины отступая, погрузили на телеги самое ценное — кроме двоих недавно убитых оленей на них лежало все запасное оружие, косы, посуда, горшки из под воды и целая гора пустых корзин и мешков. При нашем приближении люди схватились было за арбалеты, но быстро распознали своих.

— Враги далеко?

— Да, наблюдатели их заметили сразу, едва они показались.

— Опять Вит?

— Нет, Валт'и. Вит в городе, не его смена.

— Сколько их, сосчитали?

— Парень сбился на второй сотне, мы уже собрались и ему пришлось слезать. Но говорит, что там было намного больше черных людей.

Всё-таки племя Бинадаму не усидело спокойно на берегу Днепра... Кроманьонец решили испытать воинскую удачу? Ну что ж, посмотрим, насколько они хороши в бою!

Город встретил нас единственными открытыми воротами — с юга. Сейчас туда загоняли последних лошадей и ввозили сено. Да, там сейчас будет тесновато — но лучше так, чем потерять все поголовье. Ослы возмущённо ревели за частоколом палисада, единственные, кто попадал под прямой удар — свиньи. Но загоны с ними неплохо простреливались со стен, а самих животных заперли в сараях, так что шансы выжить у них остались. Жаль, что засеянные поля, садово-огородный участок и ульи с пчелами далековато, до них так просто уже не достанешь.

Вернулись в город и рыбаки, прятавшие лодки и тримаран в зарослях тростника подальше от города. Под ударом остались штукофен, кузня, лесопилка и коксовые батареи. Инструменты оттуда унесли, но сами постройки были слишком далеко от стены, чтобы мы могли их защитить...

А ещё плохо то, что вторая стена не завершена! Кроме намного большей защищённой площади, она дала бы возможность использовать реку как дополнительную преграду. Сейчас же мосты удерживать смысла не было — нас легко могли обойти с запада или перейти вброд мелкий левый приток Аркаима, глубина которого редко превышала пару метров.

Врагов будем встречать на первой стене, где условия для обороны были самыми лучшими. Пятиметровая высота в купе с крепким настилом, множеством укрытий на всей своей протяженности и отличным обзором — идеальное место для стрелков. Сейчас в арсенале одних только арбалетов было полсотни, а луков, если учитывать "детские" хватит, чтобы вооружить всех взрослых мужчин. Теперь сюда тащили запасы болтов, стрел и дротиков — груды камней, не боящихся дождя подростки натаскали уже давно.

Палисад был защищён хуже — его частокол был пониже, и только в нескольких местах снабжён площадками. Но и бросать его никто не собирался — те, кому не хватило места, взбирались на крыши домов и обустраивали там себе позиции для стрельбы, затаскивая наверх мешки, набитые травой. Черепицу, разлетающуюся на куски от такого обращения потом заменим, не велика потеря...

Ближе к обеду с наблюдательной вышки заметили быстро идущих по дороге к восточному мосту черных людей, и подняли тревогу — но, как оказалось, преждевременно. Это были "наши" кроманьонцы, оставившие второй лагерь. Да и телеги, которые они тащили не могли быть изготовлены нигде, кроме Лантирска. Последние сомнения развеялись, когда за грудой наваленных на транспорт вещей разглядели пятерых неандертальцев, заготававших там сено. Они и провели Гамбу с остальными беглецами к городу, оставлять их в степи в такое время было нельзя. Предательства я не опасался, их семьи послужат в этом залогом, да и возвращаться к Джитуку и своим соплеменникам для них равнозначно смерти. А так — может, и помогут мне с переговорами. Кроманьонцы это не берсерки Варга, бессмысленно бросаться под стрелы они не станут. Если их войско понесет

потери, они или отступят подалее и начнут осаду, или вообще разбегутся.

Мы неспеша пообедали, разошлись переодеваться. Я даже успел обнять родных и немножко с ними поболтать, пока одевал доспех. Ингвар держался молодцом, и пытался за несколько минут рассказать мне все свои детские новости и тайны. Эрика не отставала от него, но вдруг запнулась посреди фразы и, обеспокоенно приложила руку к животу.

— Дим, позови Варику. И Ингвара уведи к другим детям, хорошо?

— Схватки начались?

Жена кивнула, слегка закусив губу. Не удивительно, сегодня она переволновалась, пока я добирался до Лантирска...

— Сейчас она придет, я мигом!

— Думаю, что их будет двое, толчки часто были одновременно с разных сторон...

— Все будет нормально, Варика уже сотню детей приняла, если не больше. И двойню примет, не бойся!

Я поцеловал пытающуюся улыбнуться Эрику, и, подхватил сына на руки.

— Дим, обещай, что не будешь высовываться за стену!

— Обещаю. Держись, любимая, второй раз рожать легче!..

В дом Искателей Знаний я заскочил всего на минуту, передать женщинам Ингвара.

— Нгеп, детей на улицу не выпускать! И сами не высовывайтесь...

— Я могу метать дротики лучше многих мужчин!

— Пока в этом нет необходимости. Ждите, если будет нужно, вас позовут.

Варика тоже была на месте. Когда я ворвался в дом Горностаев, она все поняла без слов, сразу начав собираться.

— Воды давно отошли?

— Только что.

— Ну так чего ты бежал, сломя голову?

— Варика, ты же раньше принимала двойню?

— Да, у Ирики... Ты думаешь, родится два ребенка?

— Эрика так считает, и я ей верю.

— Дим, тогда я позову ещё и старших матерей л'тоа. Они в прошлом году тоже хорошо справились — и мать, и оба ребенка остались живы.

— Зови. Самогон в шкафу, ткань тоже там...

— Все, не болтай. Дальше мы сами разберемся.

С улицы донёлся частый звон, и вправду пора бежать — враги показались в пределах видимости.

— С меня награда, только не подведите!

Варика, улыбнувшись, отвесила мне лёгкий подзатыльник, и подтолкнула к выходу...

Взобравшись на стену, я окинул взглядом свое войско. Сейчас все лантирцы собрались в городе, встав на защиту своих семей и племени Солнца. Вот они, стоят рядом, закованные в чешуйчатую железную броню. Шлемы частично скрывают лица, но мощные коренастые фигуры и выступающие валики бровей выдают неандертальцев. Где-то я уже видел эту картину...

Вот более стройная фигура л'тоа в слегка устаревших доспехах с костяной чешуей. Их мужчин осталось очень мало, и этому воину едва исполнилось четырнадцать лет. Рядом с ним вообще стоит старик — Ч'чонг, несмотря на преклонный возраст, не собирается пропускать эту битву. А он молодец — и доспех успел себе купить, и арбалет... Приклад

оружия покрыт тонкой искусной резьбой, в переплетении листьев и трав видны фигурки животных и людей. Мастерская работа, сразу видно, что оружие личное, а не выданное только что оружие из арсенала. Время меняет мировоззрение даже у таких убежденных пацифистов, как "старые люди", если от этого зависит их жизнь.

Дальше пара человек в толстой зимней одежде, с ручными щитами — мы совсем чуть-чуть не успели, и из ста семидесяти взрослых мужчин доспехами сейчас защищены чуть больше сотни. Ещё пара месяцев, и этот вопрос решится бы полностью...

За нашими спинами, в домах и на площади вокруг Храма Мудрости собран резерв — и он выглядит не менее внушительно. Четыреста сорок женщин и подростков, готовых по первой же команде присоединиться к своим мужьям, отцам, братьям и сыновьям, стоящим на стенах. Надеюсь, мне сегодня не придется использовать этот последний козырь — защиты у них нет никакой.

Кроманьонцы ожидаемо воспользовались и удобной дорогой, и мостом. Теперь вся эта орда накапливалась на нашем берегу, поджидая, пока сильно растянувшаяся колонна воинов полностью не выйдет из леса. Их действительно много, не мудрено, что Валт'и сбился со счета...

Я насчитал около четырех сотен противников, плюс минус два десятка. Чернокожие воины некоторое время стояли на месте, разинув рты от удивления перед открывшимся городским пейзажем, но вскоре ступор проходил, и они начинали беспорядочно перемещаться. Нет никакого намека на дисциплину, обычная толпа, привыкшая воевать числом против такой же необученной толпы.

Наконец, кроманьонцы решились — с громкими воинственными криками, потрясая копиями, они пошли на штурм.

— Всем — зарядить оружие!

Моя команда дублируется десятком голосов, быстро облетая всю стену. Со всех сторон слышен лёгкий скрип дуг взводимых арбалетов. Черные люди добрались до сохнувших на солнце кирпичей и черепицы, на секунду замешкались, разглядывая ровные ряды необычных предметов. И пошли по ним дальше, я отчётливо услышал хруст раскалывающейся глины...

— Вот же с...ки!!

Ругаюсь не я один, столько трудов пошло насмарку. Мой вариант самый безобидный, "собак" здесь любят, и не считают упоминание их самок ругательством...

— Стрелкам — приготовиться!

Накатывающая на нас толпа стала вытягиваться в ширину, угрожая охватить палисад со всех сторон. Лучники натягивают тетиву, особо не целясь — в такую огромную мишень трудно не попасть. С флангов-то мы им поможем, но спереди будет жарко...

— Залп!

Что такое полторы сотни стрел и болтов против защищённых только лёгкой одеждой людей, выпущенных с расстояния от двадцати до пятидесяти метров? Это десятки трупов и ещё больше раненых...

— Всем стать за щитами! Заряжай!

Но надо отдать чернокожим воинам должное — понеся чудовищные потери, они всё-таки решили добежать до стен и попытаться взобраться по ним. Смещаюсь левее, укрываюсь за башенным щитом, и быстро перезаряжаю арбалет. Тренировки пошли на пользу, теперь на это уходило не больше полминуты. Готово! Осторожно выглядываю из-за укрытия — внизу, под стеной, беснуются черные дикари. В нас летят копыя, дротики и просто камни,

бессильно отскакивая от бревен и щитов, лишь изредка перелетая за стену. Визжащие негры кривляются, прыгают, стараясь хоть как-то то нас достать и запугать.

Дежавю... Я вспомнил, где уже видел все это — почти восемь лет назад, в пещере у реки Тихой мне приснился сон, точь-в-точь повторяющий события сегодняшнего сражения. Точнее, избиения несчастных кроманьонцев, отправленных на убой хитрозадными колдунами...

— Залп!

Выстрел из арбалета в цель, находящуюся всего в нескольких метрах от тебя — это практически гарантированная смерть последней. На земле остаются только трупы и стонущие раненые, пытающиеся уползти подальше...

Со стороны палисада слышен шум и крики — два десятка черных воинов все же сумели вскарабкаться на трёхметровый забор, намереваясь использовать каменные ножи или кинуться врукопашную. Большую часть из них, не дожидаясь моих команд, сняли лучники, а остальные, спрыгнув на землю, затаились в непростреливаемых мертвых зонах между постройками.

— Дим, разреши нам их прикончить!

Тор, с грацией бронированного носорога, протиснулся ближе ко мне.

— Отбери десяток человек, и спускайтесь. С крыш домов вас прикроют, берите только копья и щиты.

— Да мы их сейчас заколим, как кабанчиков!

— Тор, если кто-то из ТВОИХ людей получит хоть царапину, больше командовать отрядом ТЫ не будешь. Давай, осторожно.

Парень шутливо ударяет себя в грудь, склоняя голову. Две жены у мужика, скоро третий ребенок родится, а он все не наиграется... И, словно по заказу, в этот момент по его шлему прилетел увесистый булыжник, со звоном отскочивший в сторону.

— Понял теперь?

Тор, помотав головой, кивает. Ну, хоть так урок безопасности усвоит...

Атака черных людей захлебнулась. Потеряв под стенами большую часть войска, они бросились назад, стремясь как можно быстрее убраться подальше от "белых колдунов". Именно такие крики раздавались среди бегущих, наши стрелы и болты они приняли за вмешательство потусторонних сил. Да, неплохо этот Джитуку задурил мужикам головы...

Тем временем Тор, в компании таких же миниатюрных броненосцев скатился по лестнице, и выставив перед собой короткое копьё, грамотно прикрылся щитом. Молодец, может, и будет с него толк! Сверху раздались азартные крики, помогая им найти прячущихся людей:

— Двое слева спрятались, за столовой!

— Один через дом от тебя!

— Слева трое в школу лезут! Нет, уже двое! Один!

Кроманьонцы, увидев приближающихся железных чудовищ, оцетинившихся копьями, бросились искать укрытия внутри домов. Зря, наверное — так они подставились под болты засевших на крышах стрелков. Хотя что так, что эдак умирать... Через несколько минут все было кончено — в плен группа Тора не брала никого, а раненых добивала на месте.

Прошло не больше получаса с момента появления черных людей у реки, и вот они снова на том же месте. Правда, от былой уверенности в своих силах не осталось и следа. Испуганные и растерянные, кроманьонцы обступили постройки металлургического

комплекса. Перед ними что-то кричал и размахивал руками высокий мужчина, указывая на город, но успеха не добился. Тогда он бросил копьё на землю, и полез внутрь кузни, несколько человек отправилось за ним следом. Другой чернокожий влез на мостки, собранные около шукофена, заглядывая в прикрытые железными дверками люки.

— Да он дверку выламал!

— Дерьмо мамонта, эти воры наковальню тащат!

Действительно, четверо кроманьонцев совместными усилиями выволокли тяжеленную чугунную плиту.

— В ней под триста кило, далеко не утащат. Кстати, а куда "наши" мамонты подевались?

— На север вдоль Аркаима подались, тут уже всю траву козы выщипали... Дим, смотри, они разделяются, вдоль реки побежали, к пляжу! Там же мангал стоит!..

Такое поведение незваных гостей начало нас напрягать. Вокруг меня уже собралась целая толпа бронированных "мстителей", горящих справедливым желанием наказать расхитителей лантирского имущества. И когда черные люди стали ломать коксовую батарею, добираясь до железных камер, я не выдержал.

— Тинг, Ленг, выводите людей за стену. Идут только мужчины с железными доспехами! Первые два ряда — копейщики со щитами, за ними — стрелки.

— Открывайте и восточные ворота!

Два отряда по пятьдесят человек, неплохо держа строй, быстрым шагом направились к суетящимся грабителям. Точно, те уже наш мангал уперли, а рядом два негра шампурами размахивают...

Внизу кто-то очнулся и заорал во всю глотку от боли. Широкий листовидной наконечник, "срезень", хуже пробивает броню, но если ее вдруг не оказалось, то раны от наносит намного серьезнее.

— Утар, помоги этим несчастным перебраться в другой мир, они своими криками детей пугают.

Белокурый гигант, слегка прихрамывая, молча подхватил копьё, и отправился за ворота. Грязная работа, но кому-то ее нужно сделать. Да и убрать все нужно быстро — лето в разгаре, завтра сюда на запах слетятся все мухи за несколько километров.

— Лтар, организуй телеги, до вечера нужно все трупы погрузить.

— Так не хватит телег, половина загруженная стоит...

— Тем более, завтра вам придется несколько раз в степь трупы отвозить. Всем одеть очки, маски, и перчатки. Известь возьмете на складе, там есть запас, ею будете кровь засыпать.

Глава рода Куниц, как обычно что-то ворча себе под нос, стал спускаться со стены, средства индивидуальной защиты хранились в одном из ещё не перенесенных складов при Храме Мудрости. Жаль, плащей прорезиненных нету, не до опытов с одуванчиками было...

— Да, Лтар! Все камни, что у них на шеях, сложите в глиняный горшок. Некоторых из них опасны, могут вызвать болезнь. То, что голыми руками их брать не надо, понятно?

— Не малые дети, понимаем!..

— Не сердись, пусть лучше я лишний раз напомню, чем кто-то из вас заболит!

Тем временем отряд Ленга с ходу налетел на кроманьонцев, решивших освоить кавказскую кухню ещё в каменном веке. Те, увидев быстро приближающуюся стену, составленную из щитов, и, явно не желая познакомиться поближе с выставленными перед ней

копьями, тут же бросили все украденное и попытались сбежать. Им это почти удалось, но взобравшись наверх по склону, черные люди попали в "дружеские" объятия отряда Тинга. Короткая яростная сшибка, и большинство чернокожих воинов остались лежать на земле, лишь пятеро чудом уцелевших снова бросились к реке, надеясь уйти вплавь. У них был бы шанс спастись — одетые в тяжелые доспехи неандертальцы хоть и умели плавать, но воспользоваться этим полезным навыком не могли. Точку в их недолгом заплыве поставили арбалетчики, показав, что не зря перевели столько хороших болтов на тренировках...

Тем временем остатки орды, спешащие на помощь гибнущим товарищам, попытались атаковать стрелков со спины. Тщетно — пока кроманьонцы бежали, стремясь как можно быстрее сократить расстояние, отряд перестроился, вновь закрывшись щитами. Последовавший вслед за этим бросок каменных копий тоже не принес результата, максимум, чего смогли добиться чернокожие воины — это повредить щиты первой линии, и оглушить одного неандертальца, удачно попав тому по шлему...

— Дим, может, и мы пойдем за стену? Ну все уже там, посмотри!

— Тур, не ной, ты же успел подстрелить двоих, я видел. Стой здесь, и без тебя справятся.

— Брат опять будет хвастаться, что он лучший воин...

— Ах вот оно что! Ты казался мне взрослее. На что хоть спорили?

— Как всегда, на подзатыльник...

— Ну, точно дети! Может, стоит вас обоих к Ч'чонгу отправить, на воспитание?..

Отвлечшись, я пропустил, чем закончилось последнее сражение этой недолгой войны. Впрочем, лежащие в невысокой траве десятки черных фигур говорили сами за себя, отмечая путь бегущей с поля боя вражеской армии

Оба вышедших за стены отряда соединились, и теперь гнали последних кроманьонцев к южному мосту. От огромной, по меркам каменного века, орды осталось в лучшем случае полсотни мужчин, и те в большинстве были ранены.

Спустившись вниз, я уже собрался пробиваться в Храм Мудрости, причем шансов на успех у меня было не больше, чем у пришедших сегодня к Лантирску чернокожих воинов, когда наткнулся на Гамбу и его людей. Они сидели на земле, прислонившись к стене дома, и, закрыв глаза, что-то беззвучно шептали.

— С вами все в порядке?

— Дим, мы сейчас... Плохо, когда кровь друзей на руках, нужно просить духов убитых о прощении.

— Осуждаешь?

Гамба отвёл глаза, но все же отрицательно покачал головой.

— Бинадаму пришли с оружием в твой дом. Ты был в своем праве.

— Гамба, сегодня вы сражались наравне со всеми. Это теперь и твой дом, понимаешь?

Кроманьонец ошарашенно посмотрел на меня. Он ведь тоже только сегодня увидел Лантирск, а до этого был полностью уверен в том, что белые люди никогда не согласятся жить вместе с человеком из племени своих врагов.

— Мы можем остаться?

— Да, вы доказали преданность СВОЕМУ народу.

— А наши семьи?

— Глупый вопрос, Гамба. Конечно, и они тоже смогут остаться.

— Дим, спасибо, что разрешил нам стать частью племени Солнца! Теперь я могу быть

уверенным в том, что у наших детей есть будущее!

Протягиваю ему руку, помогая подняться. Он ещё не знает, что поддержав Эбере с пробегом, они вытащили свой счастливый билет. Сегодняшняя битва показала, что мои люди достаточно сильны, чтобы освободить земли рода Выдры без потерь.

Тинг с Ленгом ни за что не догонят бегущих кроманьонцев. Даже без доспехов неандертальцы проигрывали им в скорости, я это давно заметил, еще когда нашли Анта с Нгеп. Темнокожая женщина бегала быстрее наших девушек, но значительно уступала им в силе.

Сейчас лето, и остатки орды без проблем смогут добраться до своих, чтобы сообщить о сокрушительном поражении. Вряд ли Джитуку был сегодня здесь, такие как он не любят рисковать своей шкурой. Даже не знаю, как этот старик будет выкручиваться, когда с него спросят за убитых под стенами Лантирска воинов...

Если после этого племя Бинадаму не решит уйти самостоятельно, мы поможем им в этом. Я даже хороший задел во времени им оставляю на сборы, теперь нам спешить некуда. Но потом им придется уйти очень далеко, в Болгарию или Турцию, и неизвестно, смогут ли они повторно завоевать себе кусок жизненного пространства.

— Новые дома строятся, придется подождать до осени. Сейчас тепло, разобранных юрт много, мы их держим как раз на такой случай. Женщин с детьми можете оставить здесь, у нас уже есть школа и скоро появится детский сад. Ваши жены смогут выбрать себе подходящую работу, и зарабатывать чайбы.

— Это те круглые шгуки, за которые вы даёте новые вещи?

— Да, и со временем у вас появится все то же, что есть у других лантирцев. Вы останетесь с охотниками?

— Да, это все, что мы умеем...

— Научится не проблема, Круг Мастеров примет вас всех с распростёртыми объятиями, нужно будет только выбрать профессию и наставника, который вас всему обучит. Но учтите, что даже мастера умеют и воевать, и копать землю. Нас все ещё слишком мало, чтобы можно было заниматься только одним делом. Думайте, времени у вас много.

Оставив кроманьонцев делиться радостными новостями с семьями, я наконец добрался до Храма, и тихонько проскользнул внутрь. И словно гора с плеч свалилась — в помещении раздавался детский плач...

— Дим! Быстро снимай свои железяки и умойся. Ты же грязный, как свинья, и к новорожденным лезешь!

— Новорожденным? Варика, все таки двойня?

— Две дочки у тебя. Марш руки мыть, вояка, кому говорю!

— Эрика как?

— Все нормально с ней, сейчас кормить детей будет.

— Варика, ждите награду, все! Ни у одной женщины в Лантирске такой не будет!

Самому снять доспех ещё та морока, но я справился, оставив грудку вещей на полу. Метнулся к плите, нашел бадью с горячей водой и кусок мыла. И когда я только вымазаться успел? Вроде все время на стене был... Наконец, меня сочли достаточно чистым, чтобы допустить к жене.

— Как ты, любимая?

Эрика очень бледная, но все равно улыбается, обнимая два маленьких кусочка счастья, присмоктавшихся к ее груди.

— Дим, с нашей семьёй все отлично!

— Вот и славно! С городом тоже все в порядке, отбились без потерь.

— Черные люди не вернуться?

— Эти точно нет. Другие если когда-то и придут, то ничего не смогут сделать — лантирцы уже стали намного сильнее любого рода или племени!

— Хорошо, если так... Дочки будут расти в безопасности, это самое главное!

— Как ты решила их назвать?

— Одну назову Ни-Ка, это хорошее имя, правда?

— "Светлый день" или "светлая"? Забавно получается, в моей прежней жизни это звучало как Светлана. А Ника значит "победа", как раз сегодня мы ее и одержали!

— Но ты же не против? В роду Выдры двоих девочек так называли, в память об энной, пожертвовавшей своим бессмертием ради победы над Варгом.

— Мне нравится, не волнуйся! Есть ещё одно имя, означающие "победа" — Виктория, или Вика. Давай назовем так вторую дочь? Будет очень символично.

— Ви-Ка, "неуловимая"?

— Да, можно и так перевести... Но это на старых наречиях, нужно привыкать к новым значениям слов.

Жена вновь улыбнулась и погладила одну из задремавших крошек по голове.

— Так девочек редко называют, матери боятся, что за ними тогда не уследить.

— Ну, мы уже опытные родители, Ингвар тоже любитель прятаться и исчезать, напраказничав. Справимся! К тому же, в этом году достроим детский сад, там за детьми будут следить воспитатели, это уже станет их работой.

— Да я не боюсь, это предрассудки из прошлого... Хорошо, пусть её зовут Вика!

Остаток дня я посвятил семье, занятые наведением порядка горожане про меня благополучно забыли, и даже вернувшиеся глубокой ночью Тинг с Ленгом не стали меня будить...

На следующий день подвели итоги нашего противостояния с кроманьонцами. Таких побед каменный век ещё не знал — Лантирск не потерял ни одного из своих защитников. Всего один неандерталец с сотрясением мозга и пятеро с здоровенными синяками на неосторожно выставленных из-за щитов руках и ногах не в счет...

Триста шестьдесят два трупа наших противников санитарные команды вывезли далеко в степь, туда, где охотники ещё не успели истребить всех крупных хищников. По словам лидеров отрядов, преследовавших бегущих на запад до наступления темноты, живыми из под стен города вырвались всего сорок шесть человек.

Я, надев кожаные перчатки, перебирал "священные амулеты". Большинство из них — совершенно обычные куски щебня, мы из таких фундаменты зданий изготавливаем. Но двенадцать камней меня заинтересовали. Темно-зеленые, с прожилками и включениями нескольких минералов, они сильно отличались от остальных. В двадцать первом веке такие камни очень ценили атомщики — ведь передо мной было не что иное, как кусочки самой настоящей урановой руды. Что это конкретно, сложно сказать, я не специалист — похоже на уранинит и эгерин с содержанием все того же радиоактивного металла, но могу и ошибиться в названиях. Эхх, знать бы в молодости, будучи студентом, куда меня занесет судьба — может, и слушал лекции по минералогии внимательнее...

Эти камни я отложил отдельно, обдумывая, для чего их можно использовать. Разрабатывать ядерное оружие или атомные электростанции пока слишком рано, но как

слабые источники ионизирующего излучения эти камни пригодятся для ускорения мутаций растений. Конечно, держать их в доме не стоит, лучше сделать надёжное хранилище из толстых пластин чугуна, и поместить его в лаборатории на окраине города. Все равно без подобных зданий не обойтись — селекцию растений нужно ускорять всеми доступными методами, те игры с колхицином, которые я применял сейчас, это только начало. Изменять и улучшать будем любое полезное растение, включая траву на пастбищах и деревья в лесу. При задуманной мною концентрации населения в одном месте, лантирцам, чтобы обеспечить себя пищей, а животных — кормом, понадобятся самые продуктивные сорта.

Ещё один вывод, который я сделал на будущее — для обороны стен могут отлично подойти магазинные луки и арбалеты вроде китайских чо-ко-ну. Видел их раньше, на съездах ролевиков и реконструкторов, в ручном варианте изготовления. Эти конструкции, существенно выигрывая в плотности стрельбы, проигрывали обычным однозарядным версиям в силе выстрела и его пробивной способности. Да и точность стрельбы снижалась — как из-за сложности с наведением, так и из-за полного или частичного отсутствия оперения снарядов...

Другое дело — стрельба по площадям и по незащищённым целям, как это было сегодня. Такие устройства можно сделать стационарными, на поворотных платформах, увеличив их размеры и удобство использования. Это частично компенсирует их недостатки, а главное — увеличит силу выстрела.

Плюс можно использовать яд для смазки наконечников, сделав в них глубокие желобки — тогда даже малейшая царапина если и не убьёт, то надолго выведет врага из строя. Варианты были, спасибо пигмеям — лягушек-жерлянок рыбаки видели на нескольких озёрах, и поймать их не составит особого труда. Обычные степные гадюки тоже встречались, их яд, хоть и не парализует жертву, но в больших дозах может быть смертелен. В будущем можно даже будет попробовать содержать и разводить их в неволе, изготовив террариумы — как только наши стеклодувы осияют изготовление достаточно больших листов стекла, а я — доберусь до электричества и ламп...

Или поступить ещё проще, используя трупный яд и вытяжки из растений. Тем более, что два из множества других видов опасной для жизни травы, показанных нам л'тоа, я опознал.

Первым был аконит — в прошлой истории от его яда умер хан Тимур, когда соком из корней этого довольно симпатичного цветка недоброжелатели пропитали его тубитейку. А в Индии охотники как раз и использовали его для смазывания стрел.

Вторым растительным монстром оказалась цикута — внешне похожее на морковь или петрушку сочное растение с белыми цветами, изредка встречающееся в окрестностях города вдоль заболоченных берегов Аркаима и озёр. Оно прославилось тем, что в древней Греции было использовано для казни известного философа Сократа. Как и в первом случае, основная масса яда накапливалась в корневище, но были случаи серьезных отравлений туристов, бравших его в руки. Если на коже были ссадины или царапины, сок цикуты, или веха, как ее ещё называли, мог проникнуть в кровь. Ну, а если его выделить специально и доставить в рану, то результат не заставит себя долго ждать...

Зимой, когда появится больше свободного времени, я обязательно займусь изготовлением первых моделей многозарядного оружия, лишними они точно не окажутся.

Второй вывод — на подступах к стенам, в узких местах нужны ловушки, уже один раз неплохо показавшие себя при столкновении с родом Белого Волка. Тогда у меня ещё не было металла, но даже с использованием только дерева и кости они показали высочайшую

эффективность. Теперь же появилась возможность сделать не только капканы и ямы с штырями, но и самый действенный вариант партизан Вьетконга — "мясорубку". По сути, это крепкая рама из брусьев, внутри которой расположены два свободно вращающихся отрезка бревна, снабжённых длинными острыми шипами. Человек, провалившись в яму, попадал между этих жерновов, и под действием собственного веса летел дальше, прокручивая их и получая множество смертельных ран. В мирное время все эти ловушки придется закрывать специальными щитами, чтобы в них не попали как домашние животные, так и люди, но при объявлении тревоги достаточно будет получаса, чтобы всю защиту убрать.

Про обещание, данное Варике и двум старухам-л'тоа, являющимся ещё и главами своих родов, я не забыл, и пару дней посвятил изготовлению эмблем акушерок. Основанием послужили бракованные чайбы — без отверстия в центре. Отобрав три чугунные пластинки, сначала полдня потратил, чтобы просверлить на их краях по небольшому отверстию. Затем отполировал их до блеска, и, нагрев на огне, окунул в дефицитное горчичное масло. Металл покрылся темной пленкой, которая предохранит его от ржавчины. На ней обозначил схематические контуры новорожденного ребенка на ладонях, и пока отложил заготовки в сторону.

Следом выбрал небольшой самородок золота, и осторожно стал расплющивать его молотком на ровной чистой поверхности, пока у меня не получилась пластинка тонкой фольги. Осталось вырезать из нее узкие, не больше двух — трех миллиметров в ширину, полоски, и приклеить их вдоль линий рисунка. Когда клей высох, окончательно отполировал золотое покрытие — сначала куском кожи с мелким песком, а затем тканью.

Памятные знаки были готовы, но я доделывал ещё один подарок, для жены — маленький медальон, на этот раз из дерева. Основой послужила древесина ольхи, имеющая красивый красно-оранжевый цвет, и покрытая лаком из смеси скипидара и олифы. Две половинки соединялись тонкой стальной осью, а на их внутренние стороны были приклеены золотые пластинки с красиво выгравированными именами всей нашей семьи. Помня об упрямстве Эрики, оставил немного свободного места, от своих слов иметь пятерых детей она точно не откажется...

Подарки вручил сразу, все женщины остались довольны. И если жена носила медальон под одеждой, и его не было видно, то акушерки, вполне заслуженно гордясь наградой, закрепили ее поверх накидок. Вскоре это породило целую волну заказов на подобные эмблемы для каждой профессии. А следом и главы родов захотели получить изображения своих тотемов...

Нужно продолжать поиск золота в Крыму — этого благородного металла только для моих планов по созданию "вечных" книг потребуется полторы тонны. Если же ещё заниматься изготовлением ювелирных украшений, то тут вообще спрос будет неограниченным — женщины во все времена оставались главными ценительницами прекрасного. Стоимость этого металла, конечно, быстро станет запредельной, но так было и в прошлой истории.

Лантирск быстро вернулся к прежнему ритму жизни, сосредоточившись на строительстве — до холодов нужно закончить возведение всех запланированных построек, и в очередной раз передвинуть частокол на новую границу палисада. Кроманьонцы не успели нанести большого ущерба, все повреждения устранили за пару дней, единственное — большую часть последней партии стройматериалов пришлось пустить на переработку...

Раз плавку в этом году все равно будем пропускать, я отпустил двадцать человек с

мамонтами, как только стадо этих животных появилось поблизости. Люди возьмут с собой телеги, две юрты, топоры, запас провизии на месяц и все запасные чугунные котелки со склада. Им предстоит изо дня в день заниматься выпариванием соли, запас которой в городе постепенно уменьшался. Ну и заложить основу для будущего лагеря солеваров, выбрав удобное место и соорудив вокруг частокол и наблюдательную вышку. Эта точка станет базой для дальнейшей разведки местности, в которую придется идти уже мне — примерно в пятидесяти километрах на юго-востоке должны быть месторождения медной руды.

— Дим, и завтра нести жёлтые цветы?

— Сколько сумеете накопать. Оплата будет такая же, если хорошо поработаете, сможете накопить несколько чайб!

— Их ещё много, мы быстро!

— Я себе новый арбалет куплю, взрослый!

— А я — набор косметики, как у мамы!

Стайка детей и подростков, высыпав передо мной содержимое корзины, умчалась продолжать истребление одуванчиков дальше. Ну, а я занялся скучным делом — перетираньем принесенных корней и замачиванием полученной массы. Жмых откидывал, а раствор млечного сока после отстаивания для удаления осадка выпаривался, пока не начинал загустевать. Я хотел изготовить перчатки — деревянные макеты ладоней с растопыренными пальцами нескольких размеров Слав мне изготовил. Теперь они, натертые воском, окунались в горячую массу несколько раз, пока на поверхности форм не появлялась плотная упругая пленка. На запястье перчатки дополнительно усиливались узкой полосой ткани. В общем, после нескольких коррекций, опыты прошли вполне успешно — в отличие от гуттаперчи, латекс был намного мягче и легко растягивался. Несколько десятков пар перчаток — вот и все, что удалось получить из огромной горы корней, но и это было значительным достижением для лантирской науки!

За всеми этими опытами, изготовлением новых материалов и ловушек, незаметно пролетело лето и часть осени. Несколько раз сменились смены солеваров, каждый раз принося в город по возвращении около двухсот килограмм соли. Достроили все дома, детский сад, рынок и арсенал, и теперь больше ста человек занимались только второй защитной стеной, параллельно срезая часть холма на западе и насыпая вал вдоль берега Аркаима на востоке. Только две группы охотников продолжали заниматься привычной работой — снабжать Лантирск провизией, да подростки отправились на сезонную "гусиную" охоту.

В этом году количество собранных ягод и поставленной браги возросло на порядок — и не только из-за растущего спроса на спирт. Лантирской промышленности требовался уксус, который можно было использовать как для опытов с консервированием, так и для приготовления пищи, в частности сыров. Получить уксусную кислоту можно довольно просто — оставив отфильтрованную брагу, содержащую спирт, бродить дальше. Дрожжевое брожение в отсутствии сахара сменялось уксусно-кислым, и, после его завершения останется только перегнать полученную жидкость, выделив из раствора нужный мне продукт.

Подрастающее поколение вновь получило возможность подзаработать, обрывая ягоды в зарослях терна, а я задумался о ещё одной проблеме — нехватке дрожжей. Более-менее вменяемые результаты получались только при использовании ягод с сизым налетом, но каждый раз ждать осени до их созревания не хотелось. Организовать непрерывное брожение, сохраняя нужную дрожжевую культуру круглый год стало возможно только сейчас, из-за

появления небольших излишков зерна. Дрожжи могут усваивать глюкозу из крахмала, поэтому их можно поселить в питательной среде из хлеба и сухих ягод, залитых водой. Останется только периодически отбирать пену и часть раствора, используя его для закваски, и добавлять новые порции питательных веществ.

Первое такое опытное производство я разместил рядом с общественной столовой, где на кухне даже зимой всегда было тепло. До изобретения простейшего микроскопа осталось не так далеко, первые линзы и подзорные трубы уже появились. А с появлением этого устройства я смогу выделить особо продуктивные и специализированные штаммы дрожжей — спиртовые, или винные, и хлебопекарские.

Свадебная церемония в этом году была намного скромнее по количеству участников — всего два десятка молодых пар заключили первый семейный союз, и семеро — второй. В результате нападения "мыльных пузырей" на город, вдовами остались шестнадцать женщин. К сожалению, всех пристроить не удалось из-за нехватки взрослых мужчин, двоим придется ждать следующего года. Право взять вторую жену получили все пятеро кроманьонцев, и двое совсем молодых парней-л'тоа, в прошлом году выбравших невест из женщин своего народа. Такой расклад меня только порадовал — чем быстрее сотрутся границы между разными видами людей, тем лучше.

Впрочем, на самом празднике небольшое количество новобрачных никак не отразилось. На столах добавились блюда и напитки, приготовленные по совсем недавно освоенным рецептам с использованием муки, творога, сыра, меда и уксуса — сладкие лепешки и блины, шашлыки и паштеты. Молодежь активно придумывала новые конкурсы и развлечения, для этого на площади даже установили высокое гладкое бревно с наградой на вершине для тех, кто сможет её достать. Под ним насыпали ворох сена и соломы, и, как оказалось, сделали это не зря — подвыпившие неандертальцы срывались и падали постоянно. Были и забеги в мешках, и бросание небольших мячиков из гуттаперчи в попытке сбить понравившуюся игрушку, а несколько малолетних хулиганов, пользуясь отсутствием присмотра со стороны взрослых пробрались в загон со свиньями и вывели оттуда упитанного кабанчика. Попытка на нем прокатиться удалась на славу — едва мирное животное, до этого спокойно дремавшее в своем сарае, оседлали, как не стерпевший такой наглости свин вспомнил свои дикие корни, и с удовольствием помчался по площади, опрокидывая столы и зазевавшихся гостей. Только прибежавшие на крики часовые смогли утихомирить разбушевавшийся "болид" новоявленных шумахеров палеолита.

Освещенный десятками огней и ярким северным сиянием, Лантирск традиционно гулял до самого рассвета...

Глава 10. Зарождение сверхмегаполиса

*Под небом голубым есть город золотой,
С прозрачными воротами и яркою звездой.
А в городе том сад, все травы да цветы;
Гуляют там животные невиданной красы
Одно — как желтый огнегривый лев,
Другое — вол, исполненный очей;
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый...
Группа "Аквариум", "Город"*

В этом году, специально для празднования Новогодней недели, Круг Мастеров изготовил барабан огромного размера — и теперь над городом разносились настолько гулкие удары, что у стоящих вблизи людей закладывало уши. Для барабанщика пришлось поставить высокую скамейку, а сам музыкальный инструмент расположили возле Храма Мудрости. Заполнившая всю площадь толпа отсчитывала бой "курантов", многие закрыли глаза, загадывая свои нехитрые желания. Часть из того, что было загадано раньше, уже исполнилось — даже взрослые люди начинали верить в чудеса, случающиеся в новогоднюю ночь.

И добавить толику волшебства в этот праздник мне было вполне по силам — десяток больших бумажных китайских фонариков ожидал своего часа! Жена вместе с самыми смысленными и аккуратными подростками уже подожгли кусочки пропитанной воском ткани, и яркие красные, жёлтые и белые купола наполнились горячим воздухом.

— ... десять, одиннадцать, двенадцать!
— Восьмой год наступил! Ааррхх!!
— Отпускай!

Разноцветные огни медленно стали подниматься в небо, ветра почти не было, и мы все смогли сполна насладиться невиданным здесь раньше зрелищем. Сидящий у меня на руках Ингвар вообще рот раскрыл от избытка эмоций...

Вызвать пожар я не боялся, лес вокруг начинался больше чем в километре, и был присыпан снегом. Даже если огоньки не угаснут при приземлении, то новой пищи им не достанется. Мы усовершенствовали процесс получения бумаги, используя теперь подложку из ткани для быстрого отжима бумажной массы, что существенно ускорило весь процесс. Постепенно довольно-таки дефицитный материал превращался в обычную вещь...

— Как красиво!..
— Фейерверки ещё красивее, может, у меня и получится когда-нибудь их сделать. Или хотя бы огненное шоу показать!
— А это не опасно?
— Нет, просто нужно быть осторожным... Смотри, твой белый фонарик поднялся выше остальных!

Эрика, провожая глазами яркий огонек, довольно улыбнулась. Вообще-то она жужульничала, немного увеличив размер горелки, и это ей еще повезло, что бумага не загорелась прямо на старте. Антипиренов у меня не было, так что приходилось надеяться на удачу. Но даже после того, как половина фонариков особенно ярко вспыхнула, и стала

падать, основную свою задачу они выполнили — показали людям, что предметы тяжелее воздуха могут летать. Ну и просто красивое зрелище помогли организовать!

Детям среди игрушек тоже попадались летающие — воздушные змеи и "заводные" пропеллеры, вырезанные из дерева. Тонкие лопасти раскручивались рывком веревки, и гудящий круг взлетал по направляющей палочке довольно высоко, на пять, а иногда и на все десять метров.

— Я до сих пор не могу поверить, что это возможно, и мы заставили вещи летать... Словно это не бумажные мешки, а настоящие птицы!

Жена оторвалась от завершившегося представления и посмотрела на спящих в коляске близняшек. Стыдно признаться, но сейчас я не мог различить, кто из них Ника, а кто Вика — только носики выглядывают из под теплых меховых одеял...

Да, в Лантирске появилась первая коляска — ее под моим руководством собрали те же мастера, что изготавливали тачки и телеги. Небольшие колеса, целиком выточенные из дерева, рама из того же материала, корзина, сплетенная из лозы и обтянутая кожей, и в завершение — защищающий детей от снега и дождя тент на каркасе из гибких прутьев. Гуттаперчи мы все еще получали очень мало, ее едва хватало для пропитки подошв обуви, и цельнолитые покрышки появятся в лучшем случае через год или два. Единственное, что я смог пока придумать для амортизации — подвесить люльку на кожаных ремнях, это хоть немного сглаживало толчки при езде.

Вторая новинка для детей и их родителей находилась в Храме Мудрости — такая же люлька, но подвешенная к потолочной балке. Это позволяло укачивать наших беспокойных девчонок, когда те начинали сильно капризничать и не хотели спать. Мастера, освоив технологию, теперь с ужасом смотрели на длинный список заказов на такие же конструкции от десятков семейных пар — им то нужно нормальные телеги делать, до весны не так много времени...

— Пап, можно я с горки спущусь? Ну пожалуйста!..

— А спать не хочешь?

— Нет!

— Можно, только не долго, днём ещё наиграешься. Осторожнее там!

Сын, очутившись на земле, тут же убежал к толпе детей, скатывающихся с горки. Сейчас, освещённая десятком факелов, она была намного интереснее и загадочнее, чем при свете солнца. Для детей сделали как обычные санки, так и их упрощённый вариант — ледянки, популярные ничуть не меньше. Немного дальше, с громким визгом и криками малышня обстреливала и защищала две ледяные крепости, осыпая друг друга снежками.

— Сделаем кружок по площади, и домой? У дочек и так незапланированная прогулка получилась, ещё замёрзнут...

— Не волнуйся, они в тепле, после боя барабана тут же снова уснули.

Мы неспеша шагали по расчищенной от снега тропинке, поздравляя встречных лантирцев с Новым годом. Справа показались несколько ледяных скульптур — эту идею я подсказал Славу две недели назад, и она его полностью захватила. Парню сначала пришлось намораживать воду, формируя ледяные глыбы, а затем целыми днями вырезать из них фигуры мамонта, бизона и большезуба. Звери получились намного меньше своих настоящих прототипов, но смотрелись очень реалистично. А ночью, когда отблески костров начинали переливаться на гранях ледяных кристаллов — вообще волшебно!

— Устал за день?

— Немножко, но это того стоило!..

— Ты теперь каждый год будешь переодеваться в Снежного Энноя?

— Конечно! Но скоро детей станет ещё больше, тогда нужно будет глав родов подключать, я один не справлюсь.

— А женщинам обязательно длинную бороду надевать?

Эрика смеётся, наверное, представила себя в таком виде...

— Нет, это уже будет перебор! Да и не бывает у женщин-энноев никакой бороды — вон, Арику вспомни. Или Ленга расспроси, как его мать выглядела.

— Знаю! Мне твоя шуба очень понравилась... Красивая, ни у кого такой нет!

Ещё бы — чтобы ее пошить, большую часть белых заячьих шкурок потратили!.. Но выглядел такой наряд действительно стильно, особенно в купе с резным посохом, украшенным накладками из мамонтовой кости и большим голубым кристаллом в наверху. Дети были в полном восторге, когда я в таком виде заходил в каждый дом и вручал им сладости и подарки.

— И не будет, это одежда только для праздника! Ингвар-то меня узнал?

— Нет, ты хорошо умеешь голос менять! Он потом меня ещё спрашивал, зачем папка ушел и не познакомился с таким важным энноем.

Теперь мы смеемся уже вместе... Вот и сын подбежал, весёлый, покрасневшийся, весь в налипшем снегу. И как его теперь спать укладывать?..

Через несколько дней в Храме Мудрости собрались три Круга власти и главы всех родов. Я созвал их, чтобы всё-таки решить проблему с экспансией и дальнейшим развитием Лантирска и всего народа Солнца. Слово "племя" все больше отдалялось в прошлое, слишком далеко мы уже продвинулись в развитии технологий и общественных отношений...

— Дим, Лантирск должен оставаться единственным городом!

— Мы раньше уже жили отдельно, и никогда бы не отбились от большого отряда черных людей! И оружия у нас тогда такого не было!..

— И каждый род опасался другого... Нет, лучше жить всем вместе!

Все это я уже слышал, и не раз. Они во многом правы, да и концентрация населения в одном месте ещё долго будет необходимостью, без этого не получится быстро восстановить численность вымирающих неандертальцев.

Плохо было другое — удаленность многих необходимых ресурсов от нынешнего Лантирска. С появлением телег, а затем и лошадей эта проблема лишь немного ослабла, но полностью не решилась. Например, сейчас нам приходилось тащить практически небогатую железную руду и уголь в город, чтобы выплавить железо. Хотя намного разумнее было бы организовать плавку рядом с месторождением, а в Лантирск везти уже готовый металл...

Размышляя, как обойти упрямство моих людей, я постепенно пришел к выводу, что проще всего загнать их в логическую ловушку. А чтобы повысить мотивацию селиться и работать дальше от центра — использовать экономические рычаги.

— Лтар, никто и не говорит, чтобы мы вновь разделялись. Зачем? Мы всегда будем жить в одном городе. В очень большом городе.

— Но ты же сам говоришь, что нужно строить дома возле шахт и рудников!

— Да, Лантирск должен расти! Вот смотри — если два дома стоят на одной улице, они же часть города?

— Конечно!

— А если улица очень длинная, и между домами расстояние, хм... ну, скажем равное полету стрелы, это тоже часть города?

— Да, они же связаны дорогой...

Пока собеседники ещё не заметили подвоха в этой цепочке, но ничего, все равно опровергнуть сами себя они не смогут!

— А если расстояние между домами десять полетов стрелы?

— Дим, зачем строить дома так далеко?

— Нет, ты мне ответь — это все ещё будет город?

— Да, город!

— Затем, чтобы не таскать сырье и отходы туда-сюда. Так, продолжим — а если по улице идти до следующего дома ещё дальше, скажем, как до лагеря охотников?

— Так то лагерь...

— Но он же соединён дорогой с другими домами? Значит, он тоже часть Лантирска!

Мне кажется, я сейчас услышу, как скрипят шестерёнки в их головах, так они стараются подобрать возражения. Не выходит...

— Но идти-то далеко, кто захочет строить дом вдали от центра?

— Тот, кто получит больше денег за ту же выполненную работу.

— Это как?

— Пратт, представь себе, что ты поймал рыбу в Аркаиме рядом, на пляже, сдал ее на кухню и получил за нее чайбу.

— Это нужно много поймать, за раз на чайбу не наберётся...

— Речь не о том, это я для примера. А теперь представь, что ты живёшь в два раза дальше, чем лагерь охотников, и поймал столько же рыбы, но на кухне тебе за нее заплатили одну чайбу и десятину сверху.

— Почему? Рыба ведь осталась такая же!

— Потому что чем дальше от центра города, тем больше будет цениться труд людей, добывающих там ресурсы для жизни остальных.

Задумались... Заработать больше денег за ту же работу — звучит заманчиво. Первым дальнейшие выводы сделал Тинг.

— Тогда выходит, если я буду жить ещё дальше, и поймаю столько же рыбы, то получу уже две десятины?

— Верно. Вы все видели эталон метра?

— Ту тонкую пластину с делениями?

— Да. Так вот, до лагеря охотников отсюда пять раз по тысяче таких метров. Иными словами — пять километров. Обычные расценки будут действовать внутри круга радиусом в десять километров. А вот дальше — на расстоянии от десяти до двадцати километров, добавится уже одна десятая. Охотники со второго лагеря получают уже на десять процентов больше за точно такой же пеммикан, что и приготовленный за стеной Лантирска.

— А если жить в ста километрах, то вместо одной чайбы будет платиться уже две?

— Все так. Вплоть до появления паровых машин, поездов и автомобилей. Тогда надбавки по всем экономическим зонам снизятся в десять раз, и две чайбы будет платиться уже тем, кто живёт и работает за тысячу километров.

— А за две тысячи?

— Три, естественно. Я уже знаю твой следующий вопрос — десять чайб получают только те, кто отправится за океан, осваивать новые земли. Эти территории — обе Америки,

Австралия, Антарктида и все острова — станут последней экономической зоной.

— Дим, но по океану дорогу не проложить. Значит это уже будут другие города!

Вот и первый серьезный аргумент. Но к нему я подготовился заранее, так что врасплох Тингу меня застать не получилось.

— Вы считаете, что Храм Мудрости мы построили просто так, для красоты? К тому времени мы сумеем соединить эти дома с остальными сначала радиосвязью, а затем и более совершенными системами передачи данных. Вы сможете говорить с людьми, там проживающими, так же, как сейчас со мной.

— Тогда за океан переедут все люди, чтобы получать больше денег!

Второй хороший аргумент, Лтар меня не разочаровал — хозяйственный мужик, когда речь идёт о деньгах, то соображает очень быстро...

— Так и цены там ведь тоже будут в десять раз выше, чем в центре, Лтар. Там рабочий на алмазном руднике или на нефтяной платформе получит за год тысячу чайб, и потратит из них на питание и лантирские товары пятьсот. А здесь за ту же работу он получит сто и потратит пятьдесят.

— Все равно в остатке будет больше!

Вот эта сумма, и обеспечит человеку, рискнувшему в молодости уйти и поселится в дальних диких землях, достойную старость. Когда возраст и здоровье уже не позволит работать дальше, старики будут возвращаться в Лантирск. Здесь будет лучшая медицина, образование, транспорт, развлечения — все то, что НУТ смогут предоставить только в минимальном объеме.

— НУТ?

— Номинальная Узловая Точка. Смотрите, вот план города, и в каждом месте пересечения главных дорог будут основаны такие комплексы. Вдоль дорог будут строиться дома, но их количество будет опираться на потребности предприятий. Всем переселится за океан не выйдет, да и подумай, куда в таком случае они будут отправлять добытые ресурсы?

Я развернул большой лист бумаги, склеенный из кусочков поменьше. На нем была изображена четкая геометрически выверенная паутина инфраструктуры — от центра расходились радиальные магистрали, через каждые десять километров пересекающиеся с кольцевыми.

— Смотрите, НУТ ограничивают сектора площадью от ста до двухсот квадратных километров, и должны будут обеспечить минимальный комфорт рабочим. Все, что больше — будет сосредоточено в центральном ядре сплошной городской застройки.

— Сколько же их!..

Да, с каждым десятком километров количество НУТ увеличивалось. Конечно, будут разрывы на месте рек, озёр или горных хребтов, но лучше с самого начала следовать четкой схеме расселения и застройки, в будущем это существенно упростит логистику. Сначала дороги будут извилистыми, проложенными по наиболее удобным местам. Позднее, когда появятся свободные рабочие руки и строительная техника — они будут спрямляться, все неровности рельефа срежутся, через реки и ущелья протянутся мосты, а через горы — тоннели.

Я хотел организовать двухстороннюю миграцию населения. Так, центральное ядро Лантирска будет в первую очередь местом жительства студентов, пенсионеров и уникальных специалистов. В будущем здесь сконцентрируется все высшее образование, научно-исследовательские центры, искусство, рекреационные зоны, высокотехнологичные

предприятия и профессионалы, которых просто никогда не будет за его пределами.

Например, зачем в секторе № 20567, расположенном за полярным кругом, где основное предприятие молибденовый рудник, академик в области геномной инженерии, конструктор ракетных двигателей или художник? Нет, в первую очередь там будет ограниченный список специальностей, необходимый для функционирования местных предприятий или хозяйств. Нацеленных только на добычу ресурсов и их частичную переработку до уровня полуфабрикатов или готовой продукции, если она уникальна, и ее проще произвести именно в этом месте. Плюс специалисты НУТ, обеспечивающие необходимый минимум жизненного комфорта семьям рабочих и их детей. Это работники школ, больниц, рынков, органов охраны правопорядка и т. п. На этом все — никто не будет рядом с металлургическим комбинатом или пшеничным полем строить ВУЗ, театр или обсерваторию, набор общественных зданий в любой из узловых точек будет абсолютно одинаков.

Дети проживут с родителями до возраста совершеннолетия, закончат школу, и с четырнадцати лет отправятся в центральное ядро мегаполиса, для дальнейшего обучения. По его завершении их судьба будет зависеть только от них самих — что бы они не выбрали, обеспечить себе достойную жизнь смогут в любом случае.

Можно пойти по стопам родителей, осваивая все более дальние сектора в погоне за высокой зарплатой, если в родном уже не осталось свободных рабочих мест.

Можно осесть в центре, выбрав уникальные специальности с не меньшим доходом, главное, чтобы хватило способностей их освоить.

Можно пойти работать в НУТ, где требования к образованию ниже, но потерять при этом часть свободы при выборе места жительства — в первую очередь НУТ будет комплектоваться семейными людьми, супруги которых работают рядом или на предприятиях ближайших секторов. А холостых или живущих отдельно станут при необходимости перебрасывать все дальше, туда где есть свободные вакансии.

— Дим, неужели когда-нибудь в Лантирске будет столько людей, чтобы заселить все эти тысячи километров улиц?

— Будет, если мы не остановимся на достигнутом и продолжим развиваться дальше. Потому и пытаюсь донести до вас то, что нам нужно ещё больше ускорять производство.

Ч'чонг, казалось, дремавший все это время, вдруг встал со своего места и подошёл ближе к схеме мегаполиса. С минуту пристально разглядывал нарисованную мной схему, наложенную поверх карты местности.

— Люди сейчас тут?

Костлявый палец старика указал на центральную точку.

— Да, вот излучина Аркаима, мы внутри этой петли.

— Железный руда тут, огненный камень тут. Важный место!

Соображает, я ведь только значки поставил в этих местах — черный треугольник и квадрат...

— Тогда сначала ставить этот твой НУТ здесь и здесь. Другие позже ставить, когда будет много люди.

Он провел линии вдоль цепочки из четырех узловых точек на запад и трёх на восток. Бинго! Вот и логическое завершение этого совещания, к этому выводу хитрый Дим всех и подводил.

— Ч'чонг прав — нам нужно в первую очередь продвигаться к тем ресурсам, которые жизненно необходимы для города. Кроме железа и угля, есть ещё соль и известь, к ним тоже

нужно тянуть дорогу. И чтобы в будущем нашим детям не пришлось все переделывать, новые дороги будем прокладывать по единому плану.

— И когда начнем строить первую дорогу и НУТ?

— Как только завершим вторую стену, она сейчас важнее.

— Дим, за следующий год не справимся, слишком много земли приходится таскать, чтобы выравнивать место. Даже если снова отменим плавку, все равно не успеем!

— Нет, Тинг, плавку отменять больше не будем, нужно продолжать накапливать металл. В ближайшее время никакой угрозы не предвидится — Варга больше нет, черные люди из племени Бинадаму больше сюда не вернуться, а другие не смогут быстро собрать столько воинов, чтобы стать для нас по-настоящему опасными. Так что мы можем строить ее ещё и год, и два, и три, без ущерба для остальных производств.

На том и порешили, все равно это планы на будущее, и исполнять их мы начнем только через несколько лет. Если рождаемость останется на прежнем уровне — а в прошлом году она достигла рекордного показателя в семьдесят девять детей, на тысячу населения, то все у нас получится. Нынешняя молодежь повзрослеет, и со временем мы сможем каждый год основывать новую НУТ с начальной численностью хотя бы в сто человек. Сами узловые точки тоже ждёт длительная эволюция — они ведь должны обеспечивать жителей абсолютно всем необходимым для жизни. Их придётся перестраивать десятки раз, в соответствии с доступными на данном этапе технологиями, ростом общего уровня жизни и постоянно увеличивающимся потреблением ресурсов в ядре будущего мегаполиса. По началу они будут мало отличаться от нынешнего Лантирска, представляя из себя такие же укрепленные поселения за высокими стенами. Но как только мы полностью освоим первые восемь секторов, можно будет начинать ленточную застройку от центра, здесь уже будет относительно безопасно.

А освоив следующие восемь и увеличив общую численность населения хотя бы до десяти тысяч — можно будет попытаться осуществить грандиозный проект Первой Великой Лантирской Стены, протяженностью около ста двадцати пяти километров. Такая стена даст народу Солнца полностью защищённую от других людей и диких животных территорию, площадью больше тысячи двухсот пятидесяти квадратных километров. Это уже сопоставимо с размерами таких мегаполисов, как Санкт-Петербург, где только по официальным данным проживало более пяти миллионов человек, а с трудовыми мигрантами — и все семь миллионов.

Для осуществления такой масштабной стройки мне понадобится минимум пятьсот рабочих, и даже с такой трудовой армией строительство завершится в лучшем случае лет через десять. Но и польза будет несомненная — основная часть населения сможет спокойно жить и работать, абсолютно уверенная в собственной безопасности, на протяжении минимум нескольких веков, пока им снова не станет тесно...

Зима в этом году выдалась холодная, да и снега насыпалось намного больше. Второй лагерь охотники и наблюдатели покинули перед Новым годом, а в середине февраля оставили до наступления тепла и первый.

Но в самом городе, под крышами теплых домов и мастерских, жизнь не замирала даже когда ударили очень сильные морозы. Мастера-оружейники уже полностью одели всех мужчин в чешуйчатые доспехи, и, сделав три десятка запасных, переключились на шлемы, щиты и стрелковое оружие. К лету у меня будет отлично экипированная армия численностью чуть меньше двухсот человек, где каждый воин вооружен как копьём, так и

стрелковым оружием. Через месяц подготовки и окончательного слаживания половина из них отправится на запад, мы пройдем от Хортицы до устья Днепра, заставив оставшихся на наших землях кроманьонцев отступать все дальше на юг. Язык “черных людей” я уже освоил достаточно, и донести до их лидеров мысль о том, что незваным гостям пора задуматься о возвращении в Африку, откуда прибыли их предки, точно сумею.

На кухне, с появлением у поваров уксуса, все чаще стали готовить новое блюдо — почти настоящую брынзу, с той только разницей, что оно делалась из козьего молока, а не из овечьего. С приходом весны, когда охотники вновь выйдут на промысел, закажем им нескольких молочных телят. Обычно их не трогали, давая подрасти, но тут потребуются именно новорожденные животные, точнее их желудки. Если их хорошо промыть, высушить и измельчить, то можно получить сычужный порошок, важнейшую составляющую закваски для производства твердых сыров, на которые у меня были большие планы. После того, как этот продукт полностью созреет в специальных подземных камерах или пещерах, он и так хранится неплохо, а если его ещё покрыть сверху воском, то твердый сыр в походах составит достойную конкуренцию пеммикану.

Спрос на обычное молоко тоже стал стремительно расти, особенно после того, как я изготовил десяток небольших бутылочек с сосками, пожертвовав парой латексных перчаток. Вообще-то это перевод полезных и дефицитных вещей — летом обязательно сделаем специальные формы и получим уже нормальные соски и пустышки. Грудные дети не отказывались от такой добавки к рациону, что самым благоприятным образом сказывалось на их росте и наборе веса. Их родители тоже быстро оценили удобство использования таких бутылочек, а для нас с Эрикой это изобретение вообще стало настоящим спасением — молока близняшкам постоянно не хватало...

В день весеннего равноденствия — из-за слегка отличающегося от обычного лантирского календаря он приходился на девятнадцатое марта — вождь занялся ещё одним важным делом. Мне нужно было с максимальной точностью определить стороны света. Когда мы ставили первую стену, то положение северных ворот отметили по Полярной звезде, тогда этого было вполне достаточно. Теперь же встала задача начать строительство дорожной сети, и заложить ее нужно будет с максимальной для этого времени точностью. Поэтому я и воспользовался выпадающей дважды в году возможностью определить южный географический полюс по солнцу. В полдень, когда тень от вбитого в землю колышка стала самой короткой и прекратила двигаться, наше светило указало точно на него.

После этого, с утра и до самой темноты, мы занимались разметкой дорог. Сейчас это сделать было чуть проще, чем летом — все окрестные озера и Аркаим с его притоками скованы толстым слоем льда. К тому же уставшие от безделья подростки и взрослые мужики охотно вызвались мне помочь. Люди выстраивались в прямые линии, переставляли примитивные нивелиры, отсчитывали шаги землемерного циркуля и натягивали длинные веревки. Но главное — убрали с пути деревья и кусты, перекрывающие прямую видимость и мешающие работе. Сотня неандертальцев с железными топорами — это реальная сила...

На коррекцию четырех старых дорог и разметку четырех новых, расходящихся по диагоналям от центра, у нас ушло пять недель. Работа была очень сложной, особенно по направлениям на северо-восток и северо-запад, где лес стоял вообще не тронутым. Сначала полностью спрямили первые десятикилометровые участки дорог, ведущих к руднику и шахте, затем продолжили ещё дальше в степь дорогу к охотничьему лагерю. Эти участки и так были практически ровными, их изначально прокладывали по прямой, так что времени

это заняло немного. Затем скорректировали уходящую на север узкую тропу, проложенную рыбаками и охотниками. И только после этого принялись за диагональные магистрали. Правильность направления дороги на всей ее протяженности проверяли и уточняли "методом прямоугольного треугольника" — принимая дорогу за гипотенузу и сравнивая реальную длину катетов с расчетной. Делая замеры через каждый километр относительно двух соседних магистралей, я получал дополнительные реперные точки, их мои помощники обозначали высокими столбами, а стометровки между ними — кольшками поменьше. В итоге у нас получилось восемь прямых отрезков по десять километров длиной, и на их концах уже можно было приблизительно поставить отметки центров будущих НУТ.

Лесорубы теперь в первую очередь будут делать широкие, не меньше пятидесяти метров, просеки именно вдоль этих линий. Когда они справятся с этим заданием, то проведут ещё и масштабные вырубki по всему периметру вырисовывающегося восьмиугольника. Только после этого я смогу в последний раз скорректировать разметку, определив как окончательное положение узловых точек, так и направление первой кольцевой дороги.

За это время постепенно потеплело, и мои помощники стали возвращаться к своей обычной работе. Первыми ушли на промысел охотники, за ними вернулись к земляным работам в Лантирске шахтеры, ожидая, пока окончательно сойдёт снег, и можно будет отправиться на рудники. Последнюю дорогу, ведущую в степь на юго-восток, я заканчивал размечать в компании одних лишь телохранителей и подростков...

В этом году зерну и собранным с осени семенам других полезных растений не повезло вдвойне — кроме обработки колхицином, части из них пришлось подвергнуться облучению. Все партии семян были пронумерованы, время воздействия радиации тоже фиксировалось и вносилось в журнал. Если раньше я делал это "на глазок", то теперь пришлось использовать более точный инструмент — песочные часы. Два почти одинаковых по объему стеклянных сосуда с резко сужающимися горлышками мне изготовили стеклодувы, а саму конструкцию вождь собирал уже лично. Сделать деревянный корпус из пары квадратных дощечек и четырех толстых прутьев оказалось самой простой задачей, соединить сосуды втулкой из гуттаперчи тоже оказалось не сложно. Но с подбором оптимального размера песчинок я провозился весь день — слишком мелкие могли зависнуть, не осыпаясь, и без встряхивания часы переставали работать, слишком крупные наоборот, каким-то образом умудрялись закупорить горлышки сосудов. Но даже такое примитивное и крайне не точное устройство существенно облегчило работу многим мастерам, а вскоре и упорядочило распорядок жизни во всем городе...

Засаживать опытные участки в этом году мне помогали десять подростков, запоминавших все действия вождя. Девчонки и, как ни странно, двое парней-л'тоа решили посвятить свою жизнь селекции, и я ничего не имел против этого. Единственное — пока не готова лаборатория, семена в горшок с кусочками урановой руды буду помещать и извлекать лично. Сейчас он прикопан рядом со схроном, где хранились следы "мыльных пузырей", но осенью этот источник радиации перенесем в толстостенный чугунный ящик. Да и найденные артефакты "чужих" стоит потом дополнительно упаковать в такие же, целее будут.

— Дим, мы завтра выходим, ты с нами?

— Да. У Ленга уже неплохо получается держать заданное направление, но ему нужно учиться дальше. Полных знаний об искусстве измерения земли сейчас нет ни у кого, кроме

меня.

— Не застрянем в лесу?

— Тинг, с нами столько людей пойдёт, что мы сможем выдернуть телеги из грязи вручную, даже без помощи лошадей! Земля уже подсохла, только в низинах мокро... Не застрянем, точно тебе говорю!

Рудокопы весной восьмого года вышли раньше обычного, и с ними отправилась все та же команда начинающих геодезистов, серьезно усиленная большей частью мужского населения Лантирска. Нашей задачей станет как можно быстрее продолжить прямую дорогу точно на запад, отметив на ней ещё три будущие НУТ. К самому месторождению железной руды новая дорога не дотянется километров на шесть-семь, и от последней узловой точки нужно будет свернуть на юго-запад, двигаясь к нему напрямик.

Я решил потратить время, но продолжить прямые дороги в сторону важнейших ресурсов сразу — благо местность была равнинная и крупных рек на пути не встречалось. С нами шёл целый караван из запряженных лошадьми телег. Пришлось брать с собой разобранные юрты для ночёвки, пищу для нас и корм для животных, воду, инструменты, оружие...

Но оно того стоило — Западную, или 6-ю магистраль, как ее стали теперь называть, мы завершили прокладывать всего за три лантирские недели, убрав с прямой, как стрела, но пока ещё очень узкой дороги все препятствия. По ней сейчас могла проехать телега в полтора метра шириной, а идущий рядом человек уже будет задевать за ветки кустарников по обочинам... Но это ничего, расширить ее будет уже намного проще, а вместо бродов через ручьи и небольшую речушку чуть позже сделаем нормальные мосты.

2-ю Восточную магистраль завершили ещё быстрее, всего за десять дней, проложив прямую линию почти до самой угольной ямы. Верхний пласт угля, разрабатываемый Фетом и его сородичами, постепенно вырабатывался, и там уже начинала вырисовываться самая настоящая шахта. Сейчас ее глубина не превышала пяти метров, но ведь это только начало — потребление топлива с каждым годом будет только расти. Пока это будет возможным, добычу угля будем вести открытым способом, продвигаясь в первую очередь не вниз, а вширь. Эта возможность окончательно себя исчерпает только лет через десять, а то и позже, но выделить время и хорошенько все там осмотреть нужно заранее. Центральный ствол и коридоры штолен, когда они появятся, укрепим подпорками, чтобы избежать возможных обвалов. А рассказать людям о метане, опасности задохнуться или вызвать взрыв неосторожным обращением с огнем при работе в подземельях можно уже сейчас — несчастные случаи на производстве Лантирску совершенно ни к чему.

К тому времени я должен успеть получить медь, и сделать из нее сначала проволоку, а затем и тонкую сетку. Если прикрыть пламя масляной лампы такой металлической сеткой, она будет поглощать большую часть выделяемого при горении тепла, и метан, если он успел накопиться в воздухе до опасных концентраций, не сможет взорваться. Сами шахтеры смогут заметить присутствие опасного газа по хлопкам лампы и появившемуся вокруг огонька голубоватому ореолу, а это уже шанс вовремя покинуть опасное место и остаться в живых.

На таком принципе работает одно из важнейших для всей человеческой цивилизации изобретений — лампа Дэви, прообраз газоанализатора и одновременно самый безопасный осветительный прибор для работы в угольных шахтах, вплоть до появления герметичных электрических фонарей. Эта лампа сохранила тысячи шахтерских жизней в прошлой истории, и, надеюсь, поможет сберечь моих неандертальцев в нынешней...

Ушли на юг звероловы, спеша отремонтировать ловушки и загоны перед новым сезоном

ловли четвероногого транспорта. В этом году я предложил им попытаться отбить от стада нескольких телят степных туров. Эти животные, являющиеся предками коров, были не настолько крупными и агрессивными, как бизоны и зубры, их одомашнить будет намного проще. А нам не помешает новый источник мяса и молока в будущем!

Также мы решили воспользоваться опытом людей из рода Выдры по одомашниванию водоплавающих птиц. Недавно вылупившихся гусят и утят ловили с лодок сачками с длинными ручками, затем пленников сажали в корзины и везли в город. Там для них соорудили большой сарай и огороженный загон, расположив постройки за пляжем, немного ниже по течению. Пока птенцы были маленькие, их подкармливали мелкой рыбешкой, ряской, подмешивали к посеченной траве дробленое зерно — небольшой запас с прошлого урожая остался, и часть некондиции пожертвовали на корм. Затем рацион расширили, добавив водные растения, их корневища и луковицы, молодые ветки кустарников и деревьев.

Для начала ограничились сотней птиц, выделив им участок пастбища около тысячи квадратных метров. Приручение прошло легко, птенцы очень быстро привыкли к людям и приносимому ими корму. После этого подросших гусей и уток стали выпускать на реку, и они самостоятельно возвращались на ночь в привычное убежище. А начнут подрастать — придется подрезать им перья на крыльях, слишком много их диких сородичей плавало вокруг, без этой процедуры осенью наши питомцы обязательно улетят.

Когда у лантирцев станет достаточно кормового зерна, ткани и проволочных сеток для вольеров, можно будет попробовать одомашнить перепелов и куропаток, в степи этих птиц водилось множество. Несколько раз охотники приносили и пестрых фазанов, которых одомашнить ещё проще. Самым сложным, но и самым выгодным экономически, станет попытка приручить степных дроф — взрослые птицы весили больше двадцати килограмм, а самые крупные — и все тридцать. В будущем такие опыты проводились неоднократно, и если мелкие птицы приручались и в дальнейшем разводились вполне успешно, то с дрофами все было печальнее. Отдельные удачные попытки были, и в Европе, и на Ближнем Востоке, но о промышленном выращивании я не слышал.

Интересные новости пришли и из Европы — один из энноев, с которыми довелось общаться раньше, вновь наведаясь ко мне в сон. Старика звали Грохх, и он все-таки повел свой род Лесного Быка и соседний род Рыси на восход. Довольно многочисленная толпа собралась, надо сказать, почти полсотни человек.

— Земли на берегу Великой Реки точно пусты, Дим?

— Прошлым летом там не было никого — ни белых, ни черных людей. Как обстоят дела сейчас, я не знаю.

— Ты говоришь, мы выйдем к ней завтра?

— Или через день, не могу сказать точно.

За белой нейтральной отметкой, быстро приближающейся к Днепру с запада, я наблюдал уже две недели. Сейчас, приблизительно помня, где была искорка Тенака во время его разведывательного рейда по тылам кроманьонцев, можно было приблизительно высчитать расстояние — около двадцати-тридцати километров.

— Тут богатые земли, много добычи. В горах не так, тяжело прокормить всех людей.

— Грохх, так может вы всё-таки переправитесь?

— Мы никогда не переходили такую большую воду, Дим. Только мелкие реки переходили вброд.

— А если я помогу вам переправиться?

— Тогда можно... Но все равно лучше, если мы будем жить как раньше.

Хитрый мужик, понимает, что преграда в виде реки отсечет возможные опасности со стороны других неандертальцев. Эти два рода что-то не поделили с тремя другими, живущими неподалеку. И, проигрывая им в численности, решили сбежать от греха подальше...

Мне все равно скоро идти в те края, взять с собой топоры и веревки не сложно. Можно и плоты сделать, и с переправой помочь. Вот только не хочет это энной ни свою власть терять, ни порядки в племени изменять.

— Грохх, давай на чистоту. Я переведу оба ваших рода на свой берег, и можете выбирать любое место, чтобы поселиться. Но взамен мне нужны по два человека и от Лесных Быков, и от Рысей. Молодых, здоровых и желающих стать такими же, как мы.

— Да как они могут чего-то желать, если никогда не видели ни тебя, ни твоих людей?

— Грохх, я ведь не пойду к Великой Реке в одиночку. Из Лантирска выйдет отряд воинов, и твои люди увидят их при переправе. Поверь, после этого не останется ни одного мужчины, который бы не захотел стать похожим на моих людей.

— Хм... Дим, ты же понимаешь, что взрослые мужчины кормят весь род? Я не смогу их отпустить.

— Понимаю. Отпусти тогда подростков, парня и девушку. И Рыси пусть поступят так же.

— А кто будет кормить их родителей, когда они состарятся?

— Ты, конечно. Точнее, весь твой род. Я дам тебе топор и копье из железа, они намного лучше каменных. Железо может и тело защитить, смотри.

Небольшое усилие — и мой образ во сне плывет волнами, искажаясь. И вот уже вместо одетого в качественно сшитую, но все же обычную меховую одежду парня перед Гроххом стоит полностью экипированный воин Лантирска.

— Спокойнее, старик, сейчас тебя выбьет!.. Черт!!.

Я перестарался, и собеседник увидев возникшее на месте Дима блестящее бронированное чудовище, не удержался во сне. Эхх, ладно, завтра продолжим беседу...

На следующий день в зоопарк принесли пополнение — четверых щенков пещерной гиены. Одна из самок почему-то решила не следовать примеру всей стаи, дремавшей неподалеку от разделяющих тушу бизона охотников, а попыталась отхватить ещё теплый кусок от их добычи. Неандертальцы, не долго думая, всадили в нее сразу пять болтов, и зверь умер на месте. А вот щенков, оставшихся сиротами, пожалели, и решили отнести вождю, чтобы он с ними возился...

Решение, куда их посадить, нашлось быстро — Диего переселили в вольер к “взрослым дамам”. Обе тигрицы давно привыкли к соседу и относились к нему дружелюбно, так что проблем с этим не возникло. А понаблюдав за игривым поведением Шерханы и Багиры, я решил, что если не в этом году, то в следующем, у нас точно станет больше саблезубых кошек.

Детёныши гиены были маленькими, и между широкими просветами деревянных бревен поставили жерди потоньше, чтобы животные между ними не пролезли. С кормлением проблем не возникло — и молоко, и мясо они умирали за обе щеки, пытаясь рычать на людей, находившихся рядом. В Африке их одомашнивали и держали вместо собак, правда не пещерных, а другой вид, пятнистых гиен. Но страсть к охоте у этих зверей не удалось побороть никому, и потому других животных приходилось держать в закрытых

помещениях...

Нужно бы сделать вольеры понадежнее, осенью попробую отлить чугунные прутья для решеток. Да и сам зоопарк скоро придется переносить, третья и четвертая улицы скоро дотянутся и сюда, замыкая кольца домов, окруживших стену снаружи.

Вечером, пока я наводил порядок в стремительно растущей, словно снежный ком, кипе бумаг, Эрика уложила спать дочерей, и теперь рассказывала сказку Ингвару. И если раньше это были короткие истории про обычных, хорошо знакомых всем животным, то на этот раз ее слова заставили меня отложить в сторону записи, и присоединится к сыну.

... Давным-давно, когда у маленького Ари-Чика еще была короткая шея, он решил подружиться с Большезубом.

Большезуб — опасный зверь, тебе не стоит с ним дружить, — говорили маленькому Ари-Чика другие птицы, мудрые Совы и сильные Орлы.

Но он не слушался ничьих советов. Потому что что ум у Ари-Чика такой же маленький, как и его голова!

Однажды Большезуб был очень голоден, он пришел на водопой к реке и встретил там Ари-Чика:

— Ари-Чик, мы с тобой друзья, а друзья всегда помогают друг другу. А у меня что-то как раз очень разболелись зубы. Пожалуйста, засунь свою голову ко мне в пасть и посмотри, какой из зубов у меня болит.

Глупый Ари-Чик доверчиво всунул голову в пасть Большезуба, а тот только этого и ждал — мигом сомкнул челюсти. Ари-Чик начал изо всех сил тянуть голову из пасти Большезуба, и его шея, бывшая до этого короткой, становилась все длиннее и длиннее. Наконец Большезуб устал бороться с Ари-Чиком и выпустил его голову. Счастливый Ари-Чик бросился бежать по степи со всех ног, и они тоже становились все длиннее и длиннее. С тех пор у Ари-Чика длинная шея, он очень быстро бегаёт и живет он в степи, подальше от воды. А все дети, звери и птицы знают, что Большезуб — опасный зверь, и дружить с ним нельзя!..

Когда Ингвар уснул, представляя наверное эту сцену, я не удержался, и, подсев к жене, начал ее расспрашивать о птице Ари-Чике.

— Любимая, а ты сама их видела, этих Ари-Чиков?

— Только один раз, когда моему отцу повезло подкрасться близко к стае Ари-Чиков и убить одну такую птицу.

— Какие они?

Это самая большая птица в мире, Дим. Она была намного выше Эрра, и очень тяжёлая! Отец с другом убили ее возле брода через Тихую, и едва дотащили до пещеры, вдвоем. Я тогда была маленькая, но точно помню, что у Ари-Чика были красивые крупные перья черного цвета, белые и сиреневые на краях крыльев, очень длинная шея, и длинные крепкие ноги. То, что говорится в сказке — правда, они очень быстро бегают! Их не могут догнать не то что люди — даже волк, гиена, и большезуб остаются далеко позади!

Описание совпадало полностью. Хоть Приазовские степи — это далеко не Африка, но уже второе из “классических” африканских животных, после гиены, встречалось в гораздо более холодном климате. Эрика рассказывала о страусах, я даже на минуту погрузил ее в транс, показав образы этих птиц. И, чтобы не терять зря время, представил львов, гепардов, жирафов, буйволов и антилоп.

— Дим, ты видел Ари-Чиков раньше?

— Да, этих птиц называют “страусы” и их можно одомашнивать. В моей прошлой

жизни так делали, и получали вкусное мясо, крепкую кожу, большие красивые перья и главное — огромные яйца.

— Представляю какие они размером...

Страусиные яйца я видел раньше, этих птиц выращивали на фермах не только в странах с жарким климатом, но и на территории Украины. Вот бы завести таких в Лантирске!

Наши охотники никогда их не видели, ни разу не заметил этих птиц и Тенак, спускавшийся аж до устья Днепра. Значит, страусы обитают намного южнее, скорее всего вдоль узкой полосы побережья Черного и Азовского морей и в Крымских степях. Но тут мало будет найти самих птиц, нужно разыскать их гнезда, и собрать яйца.

После этого проблем станет ещё больше — чтобы вылупились птенцы, нужно тепло, а значит, в этом деле не обойтись без инкубатора. Само устройство сделать было можно уже сейчас — сложить широкую печь с отделенной от огня камерой, засыпать ее толстым слоем песка и хорошо утеплить всю конструкцию. На песок положить яйца, а снизу периодически разводить небольшой огонь, чтобы поддерживать необходимую температуру. Вот только “на ощупь” ее проконтролировать не получится, тут нужен термометр...

— Ты думаешь о том же, что и я?

— Если ты о том, что неплохо бы принести в город яйца Ари-Чиков и вывести птенцов — то да!

— С каждым годом мы станем расширять поля все дальше, и кормового зерна у нас будет достаточно. Поэтому нужно начинать работать с птицами уже сейчас, как мы сделали с гусями и утками. А чтобы у людей не было необходимости постоянно ловить молодняк, есть такое устройство — инкубатор. Если в него положить найденные яйца птиц, то из многих из них вылупятся птенцы.

— Ты сможешь его сделать?

— Самый простой — смогу. Придется закреплять за ним двоих человек, они днём и ночью будут следить за температурой, влажностью, проветривать и переворачивать яйца. Тогда вылупившихся птенцов станет больше.

— Люди найдутся, наши девушки любят возится и с животными, и с растениями. А у л’тоа даже парни, представь!

— Да, двое таких ботаников мне как раз помогали с семенами... Хорошо, я завтра попробую сделать главную деталь инкубатора, а со следующего года начнем испытания.

— Дим, я слышала сказку и о ещё одном звере, ее женщины из рода Выдры рассказывали своим детям. Про большого хищного зверя, светло-коричневого цвета и с густой черной гривой. Он очень похож на того “льва”, что ты мне показал. Его видели несколько раз в том месте, где Великая Река впадала в море.

Вот даже как... Сделаю себе заметку на память, о том, что на юге можно встретится с “царем зверей”. Пусть сейчас у него этот титул оспаривают множество других хищников, менее опасным от этого лев для человека не станет!

Сказать было проще, чем сделать. Достаточно тонкая стеклянная трубка приблизительно одинакового сечения получилась только через три дня после этого разговора. Все это время мне пришлось провести в мастерской стеклодувов, раз за разом зачерпывая немножко расплавленной стеклянной массы, и выдувая небольшую, с лесной орех размером, колбу. Затем предстояло самое сложное — придерживая крошечный сосуд железным захватом, нужно было вытянуть его горлышко как можно длиннее...

Наконец, мне удалось изготовить три таких трубочки, длиной около тридцати

сантиметров каждая. Можно было начинать сборку термометра, прикрепив к ним деревянные рейки. В качестве рабочей жидкости я использовал подкрашенный спирт. А вот градуировку на шкалу термометра пока нанести не получилось. У меня должны быть минимум две реперные точки — за первую можно принять температуру замерзания воды, 0 °С, а за вторую — температуру человеческого тела, 36.6 °С. Определить точку замерзания воды я мог довольно точно — для этого достаточно использовать дисстилизованную воду, предварительно выпарив для ее получения несколько котелков колодезной. Останется дождаться наступления морозов и зафиксировать нужное значение.

А вот с температурой собственного тела я не был так уверен — неандертальцы всё-таки другой вид, и она может быть и 35 °С, и 38 °С. Сначала вообще подумал, что это пока невозможно, но потом вспомнил о кроманьонцах, температура тела которых должна быть такой же, как и у людей в будущем. Поэтому, с помощью Нгеп и Эбере, я всё-таки получил вторую точку, а зимой можно будет разметить и всю шкалу. Но даже в своем нынешнем виде первый лантирский термометр уже пригоден к использованию — для этого достаточно замерить температуру тела взрослой птицы, и следить, чтобы она не отклонялась от этой отметки вверх или вниз! Теперь до следующей весны нужно успеть соорудить сам инкубатор, и построить под него отдельное здание...

Грохх всё-таки согласился на мои условия. Более того, в обмен на полный доспех для своего сына и лидера рода Рыси он согласился не препятствовать тем подросткам, кто захочет переселиться в Лантирск.

Вот и славно! Энной Лесных Быков был очень стар, а для меня год или даже десять лет не имели принципиальной разницы. Мы принесем с собой множество подарков, как свидетельство существования другой, лучшей жизни. И когда Грохх переселится в Пещеру Предков, все эти люди придут к нам. Единственное, что пока не следовало делать — давать им стрелковое оружие. Мне хотелось как можно дольше удержать монополию на его изготовление, понять сам принцип-то совсем несложно. А дальше умный человек может постепенно сообразить и сам, что к чему — и дерево подходящее подберёт, и материал для тетивы, а стрелы даже с каменными или костяными наконечниками это существенный шаг вперёд на пути прогресса...

Последним нашим приобретением весной восьмого года стали олени — каюсь, опять по моей просьбе. Охотники долгое время специально наблюдали за двумя небольшими стадами этих животных, и как только заметили, что беременные самки отделились, последовали за ними. Едва появившихся на свет оленят, ещё не умеющих не то что бегать, даже нормально ходить, легко поймали и привезли в город. Трёх взрослых самок при этом пришлось убить, они старались защитить детёнышей до последнего. Жестоко, но другого выбора не было — поймать оленей намного сложнее, чем тех же лошадей, из-за привычки держаться на границе леса и при малейшей опасности скрываться среди деревьев.

Девять оленят поселили по соседству с конюшней, добавив к ней надёжную пристройку и огородив отдельный загон. Теперь ими занимались наши женщины, отпаивая козьим молоком и полностью лишив кухню этого продукта. Надеюсь, эти затраты в компенсируются уже в ближайшем будущем, и у нас появятся очередные домашние животные. Как ни крути, сделать мясоедов-неандертальцев вегетарианцами невозможно, поэтому производство мяса в городе нужно наращивать всеми возможными способами.

Глава 11. Кнуты и пряники

*Падшие ангелы рядом
С лицами старых солдат
Ждут одного лишь приказа
Вернуться...
вернуться назад!
Чтобы собрать все знамёна
Стрелы, обломки мечей
Вновь пережить вместе битву
Ста дней и ночей...
Группа "Catharsis", "Крылья"*

Интерлюдия 5

... Джитуку давно потерял счёт времени, он уже не знал, день сейчас или ночь — ни один лучик солнца не нарушал крошечную тьму, царившую в подземелье. Здесь, в месте, где обитал Великий Дух Плодородия, исчезли все привычные звуки внешнего мира. Колдун больше не слышал шум ветра, щебетание птиц или жужжание насекомых, даже далёкий волчий вой только раз сумел пробиться сквозь многометровую толщу земли. Но хуже всего было то, что затхлый, пропитанный сыростью воздух в небольшой замкнутой пещере постепенно заканчивался, и дышать становилось все труднее. О мучивших его голоде и жажде Джитуку старался вообще не вспоминать, сосредоточив все усилия на попытках перетереть крепкие кожаные веревки о выступы священных камней. Реликвии, почтение к которым он и его предки пытались привить этим глупцам на протяжении нескольких поколений, теперь беспорядочной грудой валялись на полу...

К такому неслыханному святотатству привела череда нелепых случайностей. Когда к стоянкам на берегах Великой Реки вернулись жалкие остатки казавшейся доселе непобедимой орды, племя взбунтовалось. Люди, разъярённые чудовищными потерями, понесенными воинами в далёких землях страшных белых колдунов, пришли требовать у него объяснений, как такое могло случиться... Ведь Дух Плодородия одобрил этот поход, обещав им и воинскую славу, и богатую добычу!

И тут он допустил роковую ошибку — нельзя было сразу обвинять вернувшихся в том, что они не сумели добыть твердые блестящие камни, нельзя!.. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Бинадаму. Напрасно Джитуку кричал о гневе Великого Духа, который непременно падет на отступников, напрасно использовал огненный порошок — очнулся он уже в яме, связанный, с раскалывающейся от боли головой. Здесь он провел почти год, едва не замёрзнув насмерть прошлой зимой...

Его же ученики и телохранители, понимая, что власть над племенем выскользнула из их рук, сразу забыли о своем благодетеле. И, не желая потерять свои жалкие жизни, нанесли удар в спину, оглушив самого мудрого и справедливого человека. Подлые предатели!.. Лично убить его никто не решился, отчаянные крики колдуна о грядущем возмездии смогли отсудить самые горячие головы. Но люди нашли выход из положения, решив навсегда оставить все связанное с Великим Духом Плодородия там, где эта история когда-то началась. Так он очутился в той самой пещере, которую его предки вырыли несколько поколений назад, добывая священные камни...

Перед тем, как уйти, неблагодарные соплеменники не пожалели времени, потратив три дня на то, чтобы заложить камнями и землей частично обрушившийся от времени вход. Великий Дух почему-то не спешил помогать своему верному служителю освободиться. Свободу приходилось добывать самостоятельно...

Джитуку, хватая ртом воздух, в котором уже почти не осталось кислорода, извивался всем телом, ещё немного — и проклятые веревки лопнут! Дернувшись изо всех сил, он случайно задел ногами камни у основания нависающего над ним завала. Какое-то мгновение ничего не происходило, но через секунду все пришло в движение — потерявшие устойчивость глыбы с грохотом покатались вниз, погребая под собой так и не сумевшего освободиться колдуна. Последней его мыслью было то, что даже такие жалкие ничтожества, как Бинадаму, могут погубить великого человека, если их много, а он один...

К главному событию восьмого года — освободительному походу на земли рода Выдры, лантирцы начали готовиться ещё с конца мая. Тех мужчин, что пойдут со мной на запад, за неделю до выхода освободили от ежедневных работ. Теперь сто человек, если считать вместе со мной, тренировалась за стенами города — одни подтягивали уже подзабытые навыки стрельбы, другие — умение держать строй, третьи — работать со щитом, закрываясь им от броска копья или простого увесистого камня.

Четвертая улица стала значительно длиннее, прежде всего за счёт недавно заложенных фундаментов новых домов, и вдоль нее начали постепенно выстраиваться телеги обоза. Взять с собой предстояло немало — отряд должен будет пройти сначала примерно сто двадцать километров до Хортицы, а затем — гораздо большее расстояние вдоль берега Днепра, спустившись до самого устья. Чтобы не тратить много времени на охоту по пути к поселениям кроманьонцев, на три телеги погрузили запас провизии, котелки для кипячения воды и несколько бочонков для ее хранения. Шесть повозок заняли доспехи воинов, щиты, инструменты, готовые весла и часть оружия.

Разобранную юрту взяли только одну, она будет служить прежде всего дипломатическим целям. Впрочем, назвать ее классической постройкой первобытных людей из толстых жердей и шкур уже было сложно, конструкция была существенно изменена и доработана. Составной каркас стал существенно легче и прочнее, все его элементы тщательно обрабатывались и подгонялись друг к другу, формируя не стандартный конус, а купол. Обшивка тоже была составная — верх из тонкой кожи, служащей тентом, а низ — из сшитых между собой тканых полотен. В результате получился шатер, отдаленно похожий на использовавшиеся монголами во времена Золотой Орды. Такой в Лантирске пока изготовили всего один, слишком много дефицитной ткани и коротких железных трубок для него требовалось.

Закрывать обоз будет телега с подарками для двух неандертальских родов, ожидающих нас на другом берегу — образцы кухонной утвари, одежды и оружия. Железных копий взяли с хорошим запасом, они могли сыграть важную роль в реализации некоторых моих планов.

Кроме этих вещей, каждый член отряда брал с собой небольшую аптечку, куда входили несколько полос чистой ткани, моток тонкой веревки, железная игла, небольшая, около ста грамм стеклянная бутылочка со спиртом, и несколько бумажных пакетиков с порошками лекарственных трав. Часть из них помогали при заживлении ран, отвар других мог избавить от головной боли или проблем с желудком, отдельно лежала смесь из корня цикория, порошка шалфея и небольшой добавки мяты. Этот рецепт разработали в столовой наши повара, изо дня в день подбирая оптимальное сочетание ингредиентов, и затем опрашивая

посетителей, какой вариант напитка давал самый большой прилив сил и бодрости. Природный энергетик быстро оценили не только рабочие, но и Круг Воинов, а его состав вскоре был записан в Храме Мудрости как народное достояние племени Солнца.

Для поднятия боевого духа лантирцев и обозначения ставки вождя при переговорах изготовили походный штандарт и четыре вертикальных флага. Изображение не отличалось особой сложностью — стилизованное жёлтое солнце с восемью лучами на зелёном фоне. Для большей контрастности вдоль линий рисунка оставили белую кайму. Периодически изображение придется обновлять и подкрашивать, растительные пигменты не отличались большой стойкостью. Так, зелёный цвет обеспечила вытяжка из крапивы и плауна, жёлтый — сок чистотела, а белый — предварительное вываривание ткани в зольном растворе.

Флаги вывесили над всеми четырьмя воротами города, растянув полотна между двумя рейками, а штандарт, аккуратно свёрнутый, положили к имуществу обоза — ему предстоит отправиться с нами на запад...

За день до выхода мы долго спорили о том, как лучше заставить черных людей покинуть наши земли. Не всем людям нравился озвученный мною план, всё-таки сейчас не двадцать первый век, и конфликты решаются проще.

— Ленг, я для того и иду с вами, чтобы сначала выдвинуть ультиматум. Все-таки они дали вам шанс уйти, а могли бы догнать в степи и уничтожить, сил для этого у Бинадаму на тот момент было предостаточно.

— Могут и упереться... Ты не хочешь, чтобы мы убивали их женщин и детей. Что тогда делать?

— Станем лагерем рядом с их стоянкой, перекрыв выход в степь и к реке. Не подействует — разрушим жилища черных людей. А если согласятся сразу на наши требования — даже поможем им построить плоты, чтобы они спустились вниз по реке и оповестили по дороге остальных, что им пора уходить.

— Все равно мне кажется, что это лишние трудности.

— Нет, Ленг. Я хочу сделать из Бинадаму щит, который встанет между нами и другими черными людьми. Ты даже представить себе не можешь, сколько их ещё придет...

— В прошлом году они собрали все свои силы. И мы отбились без потерь. Дим, неужели ты их боишься?

— Любую силу нужно уважать. Далеко на юге есть огромный континент, Африка. Он намного теплее, чем Европа, и жизнь в тех краях полегче, чем у нас, даже в диких племенах выживает много детей. А теперь подумай, сколько там должно быть черных людей, что им стало тесно и они пошли искать новые земли?

Конечно, тут я немного слухавил — хоть кроманьонцы и вышли из Африки, но населяли не всю ее территорию. В первую очередь они выбирали самые удобные места, где были легкодоступные источники пищи и воды. Такие “райские уголки” очень быстро закончились, и те, кто не смог подвинуть соседей или освоить земли похуже, отправились в единственном доступном направлении — на север...

— Ну придут черные люди снова, опять всех их перестреляем со стен, делов-то!

— Это сейчас мы собраны в одном месте. Лантирск должен непрерывно расти, и поэтому на его окраинах людей всегда будет меньше, чем в центре. А значит, они будут более уязвимы перед любыми опасностями. При желании черные люди смогут причинить немало вреда, даже не подходя к стенам — пожар устроить, оставленные без присмотра постройки разрушить, домашних животных перебить... Нас по прежнему слишком мало, и

содержать большую армию город не сможет ещё очень долго.

— Так может, не стоит сильно спешить, с расширением? Будем осваивать новые территории постепенно, передвигая стены все дальше!

— Без новых ресурсов и материалов нам не выиграть гонку за жизненное пространство. Мы и так начали ее слишком поздно, ещё немного — и о нас вообще можно было бы забыть. Так уже случилось один раз, я это знаю точно... Лантирцы просто не могут себе позволить терять население ещё и в войнах, понимаете? Вот пускай черные люди и воюют друг с другом, а не с нами.

Идеальным вариантом было бы перекрыть Суэцкий перешеек в районе Каира, чтобы практически полностью остановить исход других кроманьонцев из Африки. Но это планы на будущее — сейчас Бинадаму, потерявшие большую часть мужчин, слишком ослаблены. Будет уже неплохо, если они займут и смогут удержать Босфорский перешеек, восточное побережье Мраморного моря и Дарданеллы.

Успевших проникнуть на территорию Балкан чернокожих я со временем тоже хотел пристроить к защите наших границ на юге. Если договоримся — Лантирск возьмёт и эти племена под свою опеку. В обмен на сырье мы поможем им высокотехнологичными товарами, поставками простого оружия и даже непосредственным военным вмешательством в случае нападения других кроманьонцев.

Но это право им предстоит ещё заслужить верной службой, просто так ничего даваться не будет. Со временем эти племена станут для нас постоянным источником новых генетических линий, при этом возможность навсегда присоединиться к народу Солнца станет для них величайшей наградой. Ежегодно в сказочный “запретный город” белых людей смогут отправляться молодые здоровые кроманьонцы, численность которых будет строго контролироваться и Кругом Матерей, и Храмом Мудрости.

В том, что желающих переселиться будут сотни, я был полностью уверен. Если это правильно преподнести, показать уровень жизни в Лантирске на примере посольств, то нам ещё и незаконных мигрантов придётся отлавливать и выдворять назад...

Утром двенадцатого июня длинная колонна воинов и запряженных лошадьми телег начала выстраиваться за южными воротами. С этого момента все работы за пределами Лантирска, кроме добычи соли, прекращались вплоть до нашего возвращения.

Вокруг собралась огромная толпа провожающих, предстоящий поход никого не оставил равнодушным. Женщины, дети, старики, остающиеся в городе мужчины — все они пришли пожелать нам удачи и лёгкой дороги. Слез почти не было, черных людей больше не боялись, остающихся пугало огромное расстояние, которое должен был преодолеть отряд. Шутка ли, полтысячи километров только в одну сторону...

Конечно же, Эрика с детьми была тут. Девчонки, разбуженные гулом голосов, проснулись и теперь выглядывали из коляски, с интересом разглядывая все вокруг. Ингвар, поначалу старавшийся выглядеть взрослым, уже через несколько минут отбросил всю напускную серьезность и взобрался ко мне на руки.

— Что тебе привезти? Я буду у моря. Знаешь, что это такое?

— Знаю! Это очень много воды, так много, что не видно берега!

— Верно! Хочешь, поищу для тебя красивую ракушку?

— Да! И гладкие камушки. Пожалуйста!..

— Будут тебе камушки! Только маму слушайся, а то ведь они и потеряться по дороге могут...

Жена прижалась ко мне и ласково потрепала сына по голове.

— Он будет хорошо себя вести. Дим, и ты хорошо себя веди, ладно?.. Не лезь под копыя, пожалуйста!

— Ну вот, опять ты за свое... У нас же луки и арбалеты имеются, щиты, доспехи в конце концов. Что я, зря тренировался со всем этим добром обращаться? К тому же, в меня ещё попасть нужно сначала, но даже так каменное копьё только синяк оставит.

— Тебе вообще нужно было при обучении языку Бинадаму брать с собой ещё людей. Отправил бы сейчас переводчиков вместо себя...

— Переводчики это не вожди, ну сама подумай, что они могут решить? Это в прошлой жизни я мог поговорить с любым человеком хоть с другого края мира. Нам такое не осилить ещё очень долго, а если ждать, пока переводчик уснет, чтобы передать мне пару слов — представь, сколько времени тогда займут переговоры?

Отчасти Эрика права, можно было бы руководить походом издали, узнавая новости каждую ночь. Но тот же Тинг мог выполнить мои указания по-своему, просто заставив кроманьонцев убраться с нашей земли силой и “случайно” забыть о любых переговорах. Про Ленга вообще и речи быть не может, он до сих пор с подозрением поглядывает на поселившихся в городе черных людей...

— Но сама идея хорошая, выбери несколько парней, настроенных по-настоящему дружески к Гамбе и Эбере, пусть они обучат их своему языку.

— К ним уже почти все привыкли, даже взрослые мужчины, сражавшиеся с племенем Бинадаму раньше.

— Все равно, будущие переводчики и дипломаты не должны испытывать к черным людям неприязни. Сейчас в роду Выдры есть люди, оставшиеся без отцов и мужей по вине их соплеменников, помнишь?

— Вот их я точно не возьму!

Хорошо, верю!.. Вся связь будет через тебя, так что приготовься тратить по несколько часов в день на разговоры со всеми, кому вдруг понадобился твой муж. Простым рабочим Дим без надобности, но тот же Слав обязательно вспомнит через пару дней, что забыл обсудить со мной новую скульптуру...

— Он сейчас эмблемы родов вырезает, чтобы мастера потом их в металле воплотили. Так что будет не тебя, а Лтара с Ч’чонгом доставать!

За это время отряд окончательно собрался, пора и мне занимать свое место. Целую Эрику, сына, близняшек, те смеются и отбиваются, когда я щекочу их бородой. Десятки голосов вокруг произносят простые слова, от которых на душе сразу становится тепло и спокойно:

— Возвращайтесь скорее!..

Первую часть маршрута прошли за неделю, и к полудню шестого дня пути отряд вышел на берег Днепра напротив Хортицы. Знакомая Тенаку по прошлой вылазке местность не изменилась, но стоянки черных людей здесь больше не было. Уходя, кроманьонцы забрали с собой все свое нехитрое имущество — остался только большой насыпной холм, кучи костей, отходов человеческой жизнедеятельности и прочего гниющего мусора. Стараясь дышать пореже, мы быстро осмотрели это место, и не найдя ничего интересного, с облегчением отошли на свежий воздух. Лагерь пришлось разбивать намного дальше...

Грохх со своими людьми ждал нас на противоположном берегу. Этот старик не хуже меня умел ориентироваться по меткам костров и “подсвеченных” сознаний неандертальцев,

и теперь временные стоянки рода Лесного Быка и рода Рыси находились точно напротив, за высоким скалистым островом.

Чтобы перевезти их через реку, нам нужен был плот большой грузоподъёмности, хотя бы в три-четыре тонны. Опыт в постройке подобных плавсредств был как у родичей Ленга, так и у рыбаков Пратта, но все равно воинам пришлось сменить копья на топоры, и целый день валить лес. И это ещё они старались выбирать ровные деревья, растущие как можно ближе к воде!

Бревна связывали симметрично, начиная с самых длинных в центре, и добавляя более короткие с боков. Тут же, на мелководье, провели испытания — плот уверенно держал двадцать взрослых мужчин, но слегка просел, когда на него взобрались ещё пятеро. Значит, для того, чтобы забрать сорок девять человек, нам нужно будет сделать минимум три рейса. Хорошо, если засветло управимся...

Течение здесь было довольно сильным, это не Аркаим, где на него никто не обращал внимания, поэтому плот отогнали повыше. Управлять им будут четверо опытных “моряков”, в первый рейс они возьмут с собой небольшой отряд воинов в полном облачении, десяти человек должно хватить. Они станут моей страховкой на случай неблагоразумного поведения внешне вполне дружелюбных родов Лесного Быка и Рыси. Единственное, что я им посоветовал перед отплытием — не надевать доспехи сразу. Тяжёлая одежда может утащить на дно и опытных пловцов, и лучше лишний раз не испытывать судьбу, если вдруг возникнет такая необходимость. Когда доберутся до противоположного берега — тогда и наденут, все равно их снесет минимум на километр, а то и больше, времени будет достаточно...

— Главу рода Лесных Быков зовут Грохх, он энной. Разговаривайте только с ним, другие люди все равно вас не поймут. Хотя... приветствие на их наречии звучит почти также, как и на восточном, его сказать можете всем.

— Его повезём первого?

— Да, мы вчера обговорили порядок переправы. Берите за один раз пятнадцать — шестнадцать человек, пусть Грохх сразу разделит своих людей и те вещи, что нужно забрать, на три группы. Вас заберут последним рейсом.

— Что у них могут быть за вещи? Хлам один!..

— У нас раньше было так же, так что сильно не зазнавайтесь. Держитесь немного в стороне, щиты и копья опустите, но все арбалеты зарядите заранее. Тор, проследишь?

— Сделаю...

— На обратном пути плот будет загружен сильнее, поэтому отойдете ещё выше по течению. Все, готовьте весла!

Ширина реки в этом месте, ниже Хортицы, превышала километр, но часть пути можно было проделать, пересекая один из огибающих остров рукавов. Мы оттолкнули тяжёлый плот шестью, и он, медленно набирая скорость под ритмичные взмахи весел, устремился вперёд...

Ждать пришлось довольно долго — даже несмотря на огромную физическую силу неандертальцев, сумевших разогнать неповоротливую конструкцию до скорости, никак не меньшей, чем у наших рыбацких лодок, плот сильно сносило течением. Первую партию переселенцев они вообще высадили в полутора километрах ниже лагеря. Новая команда гребцов встала на весла, а мы, захватив большие свёртки плохо выделанных шкур, пошли назад вместе с прибывшими людьми. Грохх шагал рядом, оценивающе поглядывая то на меня, то на моих воинов.

— Где вы берете такие камни, Дим?

— Железо? Мы его создаём сами. Мудрые Предки открыли мне этот секрет, и теперь у воинов народа Солнца лучшее оружие в этом мире. И защита тоже.

— Хорошие камни, крепкие... Род Лесного Быка будет рад получить такое оружие. И род Рыси тоже.

— Грохх, посмотри на моих людей внимательнее. Что ты видишь?

— Они не голодают. Причем очень давно...

— Верно. Я скажу даже больше — в Лантирске сейчас собрано больше людей, чем в сорока таких же родах, как твой. И люди там тоже не голодают. Очень давно...

Старик отвёл глаза — крыть тут нечем. Переселенцы представляли сейчас довольно жалкое зрелище — худые, одеты в рваные пованивающие шкуры, все грязные, словно с рождения воду не видели... Такими же были и мы всего восемь лет назад...

— Грохх, в новых знаниях и обычаях нет зла. Ты же был в Первой Пещере, и своими глазами видел, что стало с Предками, которые утверждали обратное!

— Их больше нет, Дим, не у кого спрашивать. И доступ к знаниям теперь закрыт...

— Это ещё почему?

— Для того, чтобы увидеть оттуда то, что происходит сейчас в мире живых, достаточно одного энноя. Когда смотришь на пламя Очага, но не уходишь в мир живых. Только привыкнуть нужно, все очень быстро движется, трудно уследить. Делал так?

— Нет, все как-то не до того было.

— Ты еще слишком молод, у тебя много времени впереди. Раньше такого никогда не случалось, чтобы человек, волосы которого не побелели, остался жив после посещения Пещеры.

Не говорить же этому деду, что во всех тонкостях ремесла энноев я разбираюсь примерно так же, как осел в квантовой физике. Что смог понять, то и мое. Спасибо Арике и Сенгу, хоть азы успели подсказать...

— Чтобы увидеть то, что происходило в нашем мире раньше, силы одного энноя не достаточно. Для этого нужно собрать троих Говорящих с огнем.

— Почему?

— Иначе ты растворишься в пламени Очага. Человек не может в одиночку выдержать такое испытание. А живому энною вообще лучше не делать этого до того, как он переселится в Первую Пещеру навсегда.

Значит, нагрузка на мозг и питающие его сосуды возрастает ещё больше. Но раствориться в пламени? Буквально?

— Энной тогда попадет в Земли Вечной Охоты?

— С чего ты это взял? Он просто сгорит, а его тело не сможет жить без разума. Понимаешь?

— Пытаюсь понять...

— Твой наставник плохо тебя учил, Дим.

— Скорее, не успел научить, Грохх. Он погиб при столкновении с Варгом.

Старик сочувствующе покачал головой, всем своим видом показывая, как мне не повезло.

— Для того, чтобы увидеть то, что ещё не случилось, нужно уже девять энноев. А чтобы прикоснуться к знаниям всех поколений людей, ещё больше. Духов предков раньше было очень много, и иногда они, в обмен на часть силы живого энноя соглашались помочь. Тогда

в ритуале Познания объединялось несколько рядов древних Говорящих с огнем.

Несколько рядов... Это может быть и двадцать семь, и восемьдесят один, если попытаться продолжить числовой ряд. Многовато... Мне пока такие фокусы точно не под силу!

— Грохх, когда мои наставники пожертвовали собой, я чувствовал себя больше и сильнее Варга. Но потом стал почти таким же, как и раньше. Я что-то сделал не так?

— Это как мешок из шкур — в него не положить больше, чем может влезть, но всегда можно присоединить новые мешки. Варгу досталось очень много маленьких. А тебе наоборот — несколько больших, больше, чем твой собственный, и полных силы.

— Значит, они теперь со мной навсегда?

— Да... Только заполнять их тебе теперь нужно самостоятельно. Ты должен полностью отрешиться от окружающего мира, представить, как твоя сила перетекает в новые вместилища. Это очень долго, Дим.

По описанию похоже на медитацию, в будущем она была неотъемлемой частью некоторых восточных религий и учений. Может, это тоже отголоски каменного века?..

— Так уже бывало раньше?

— Я слышал только об одном таком случае, когда отец, вместо того, чтобы сохранить себя в Первой Пещере, пожертвовал собой ради едва научившегося говорить с огнем сына, разом сделав его намного сильнее остальных. Ты хорошо знал этого энноя, Дим.

— Варг?..

Старик молча кивнул, подтверждая вполне очевидную догадку...

За это время мы добрались до лагеря. Пока мои воины демонстрировали преимущества железных топоров над каменными, в считанные минуты вырубывая новые жерди для юрт, я провел Грохха и второго мужчину, помоложе — Рехха, главу рода Рыси, в шатер вождя. Перед входом установили штандарт с символом народа Солнца, рядом неподвижно застыли Дар с Туром. Жарко им в доспехах, сам знаю, но ничего не поделать, нужно держать марку...

— Угощайтесь, такую еду вы точно никогда не пробовали!

“Экзотические” блюда — это нарезанный тонкими ломтями пеммикан, твердый сыр и залитые засахарившимся медом лесные орехи. Все в красивой глиняной посуде, покрытой глазурью, расписанной замысловатыми узорами и орнаментом.

Пока мы встречали первых переселенцев, несколько моих воинов ещё с утра ушли к обнаруженному в паре километров выше водопою, и подстрелили там двоих крупных оленей. Сейчас сразу над несколькими кострами в больших чугунных сковородах жарилось мясо, распространяя вокруг умопомрачительный аромат. Этого хватит, чтобы накормить и нас, и наших гостей.

— Попробуйте этот напиток. Много пить его нельзя, особенно энноям — он нарушает связь с Пещерой предков. Но здесь совсем немного огненной воды, эффект долго не продлится.

Наливаю в стеклянные стаканы понемногу ягодной наливки, из стеклянной же бутылки, наблюдаю за реакцией. Оценили, и спиртное, и стеклянную посуду.

— Как ты заставил лёд не таять?

— Это не лёд, Грохх. Такой материал называется “стекло”. Его сделали в Лантирске, как и все вещи, что вы видите.

— Удивительный камень...

Молчавший до этого мужчина не смог сдержать эмоций, разглядывая гранёный сосуд и наблюдая за игрой солнечных лучей в толще стекла.

— Мы начали делать такие вещи недавно. Но это только начало, Рехх. Потому я и предлагаю вам не терять время зря, и сразу присоединиться ко мне.

— Мы не умеем делать такие вещи, Дим.

— Кто захочет научиться — научим. Остальные смогут пока заниматься привычным делом — охотой, заготовкой дров, камней и глины. Любая работа оплачивается вот такими чайбами, и за определенное их количество вы сможете приобрести любую вещь, которая вам понравится. Все просто.

Они сейчас похожи на детей, зашедших в магазин с игрушками — взгляды обеих мужчин перебегают с посуды на ткань, с нее — на мою одежду, доспех и оставленное у стены оружие.

— Если вы пойдете сейчас, вы останетесь главами своих родов и в городе. Если нет — в Лантирске появится новый род Лесного Быка и новый род Рыси. Их возглавят те парни, которых вы отпустите.

— Какие с них главы родов? Им едва десять зим исполнилось!..

— Ничего, вырастут. Других-то людей вашей крови все равно не будет?

— Не дело это, Дим... Мы ещё будем думать. Ты же вернёшься сюда на обратном пути, когда прогонишь черных людей?

— Да, времени у вас будет много, одна луна точно успеет смениться. Я сейчас дам указание разгрузить одну телегу — лантирцы отправили для ваших людей подарки, в знак дружбы. А для вас, глав дружественных родов, будут подарки уже от меня.

Насытившиеся гости, слегка пошатываясь от действия наливки и обрушившихся на них новых впечатлений, отправились вместе со мной к обозу. Пока мужчины разбирали копья, а женщины — посуду, я вручил своим собеседникам два комплекта доспехов. Грохх примерил тяжёлую броню, долго любовался ею, но после того, как немного походил в таком виде под жарким июньским солнцем, с сожалением покачал головой, и отдал ее сыну.

— Спасибо, Дим. Железную одежду копьё не пробьет, но я слишком стар, чтобы таскать на себе такую тяжесть. Это удел молодых...

— Поступай, как считаешь нужным, это теперь твоя вещь.

— У нас нет таких хороших вещей, чтобы принести ответные дары. Чем мы можем помочь лантирцам и их вождю?

— Присоединиться к ним в будущем, Грохх. Да и мне есть чему у тебя поучиться.

Наладить с этим стариком хорошие отношения — дорогого стоит. Он за одно это утро успел сообщить энною-недоучке столько полезной информации, что упускать такой источник знаний будет величайшей глупостью с моей стороны.

Переправа затянулась, назад наших воинов перевезли уже в сумерках. Плот с честью выдержал все испытания, даже жаль, что переселенцы не дружат с водой и им он без надобности — могли бы рыбу ловить! Общими усилиями мы оттащили тяжеленную конструкцию по пологому песчаному берегу повыше, и вбили между просветов брёвен несколько кольев. Если весеннее половодье плот не смочит, он может ещё и послужит лантирцам в будущем.

На следующий день поход продолжился, теперь мы шли на юго-запад, следуя вдоль берега. Вторая стоянка кроманьонцев, расположенная в двух дневных переходах, тоже была пуста, причем уже давно. Может, нам и не придется заставлять черных людей уходить

силой? Поражение орды в прошлом году не осталось без последствий — опасаясь возмездия, союз племен Бинадаму покинул дальние стоянки.

Тенак обладал отличной памятью, безошибочно выводя наш отряд к очередным поселениям. Бывшим поселениям — все они были покинуты. Только на третью неделю пути, когда мы преодолели больше трехсот километров, идущие впереди разведчики заметили свежие следы людей. Одиннадцатая по счету стоянка была покинута совсем недавно, дожди ещё не успели размыть кучи золы от костров, а россыпи мелких щепок возле больших пней — потемнеть. Жившие здесь кроманьонцы ушли вниз по реке, явно не собираясь возвращаться.

Немного в стороне нашли и несколько десятков невысоких земляных холмиков. Это не могло быть ничем иным, кроме могил.

— Дим, а если мы так никого и не встретим?

Мне оставалось только разводить руками — гадать можно было до бесконечности.

— Скорее всего черные люди собираются вместе, так легче защищаться. Помните, скольких людей они потеряли? У них осталось очень мало мужчин, меньше, чем в нашем отряде.

— Тяжело их семьям сейчас — с одними каменными копьями много мяса не добыть. Как они только эту зиму пережили?

— Голодали, как ещё?.. Сначала умерли старики, потом начали умирать дети и женщины. Поэтому я считаю, что черные люди и без нас решат уйти ещё дальше на юг, где теплее и зимы не такие холодные.

— Сколько дней нам ещё идти до моря?

— Точно не скажу, я ведь тут никогда не был раньше. Думаю, семь или восемь, не больше.

Люди начали уставать, даже Ленг и род Выдры, все взрослые мужчины которого участвовали в походе, уже не рвались вперед. А ведь назад идти ещё дальше, придется постоянно отвлекаться на охоту...

Я оказался прав — кроманьонцев мы встретили только на последней, семнадцатой стоянке. Сейчас она больше напоминала небольшой портовый город — множество юрт собралось в одном месте, а вдоль берега выстроилось множество плотов. Плавсредства были самого разного размера — от небольших, состоящих из трех-четырёх стволов деревьев, с которых женщины били рыбу острогой, до настоящих гигантов, связанных из нескольких десятков бревен.

Нас заметили издали, лес вокруг черные люди успели основательно проредить. Да и следили они за северо-востоком — на высоком дереве у самой вершины было оборудовано “гнездо”, где раньше и сидели наблюдатели. Поселение сейчас напоминало муравейник — мужчины и часть женщин, все с копьями и дротиками, вышли нам навстречу, а остальные спешно разбирали постройки и перетаскивали свое имущество на плоты.

— Ленг, притормози. Они и так собирались уплыть, незачем с ними сражаться.

— А если они сейчас нападут?

— Ну так и держите арбалеты заряженными.

Повысив голос, отдаю команду остальным:

— Дальше не идём! Дар, Тур, возьмите двоих помощников и начинайте ставить шатер.

Кроманьонцы тоже не спешили нападать — выжившие прошлым летом рассказали о неуязвимых белых колдунах, закованных в чешую. Толпа негров, переговариваясь, застыла

метрах в двухста от нас, наблюдая за странными действиями моего отряда. Они ведь ожидали немедленного нападения, и то, что враги вместо этого стали строить жилище, сбивало их с толку...

Шатер установили быстро, рядом развернули штандарт с символом Солнца, перед входом развели костер.

— Всем отойти на тридцать шагов назад. Опустите оружие. Арбалеты держите заряженными.

Выйдя на несколько метров вперед, я прокричал приглашение:

— Бинадаму! Говорить!

Вернувшись, сел перед огнем на землю, скрестив ноги, и приготовился ждать. За свою жизнь я не опасался — даже если толпа чернокожих дикарей решится напасть, то ничего им не обломится. Оружие вождя вместе со щитом лежало рядом, телохранители привычно встали в нескольких шагах за моей спиной. А на то, чтобы вернуться, лантирским воинам потребуется несколько секунд.

Сидеть так мне пришлось долго, прошло уже больше часа. За это время Дар подвесил над огнем котелок с водой, заваривая свежий чай, расстелил на траве скатерть из отбеленной ткани, поставил пару мисок с нарезкой. Рискнут кроманьонцы поговорить с белым колдуном или нет?..

Они рискнули. После долгих споров и криков от толпы противников отделились трое, и пошли ко мне. Сзади послышался шорох — лантирцы насторожились, все-таки гости шли с оружием в руках. Впрочем, опасения оказались напрасными — двое сопровождающих остановились метрах в двадцати, демонстративно опутив копья. К костру подошел только один, безоружный человек.

— Садись, говорящий за всех Бинадаму. Разговор будет долгим.

Пожилый кроманьонец, замешкавшись на мгновение из-за вновь услышанных слов на родном языке, устроился на траве напротив меня, повторив мою позу. Крепкий мужик, если его откормить — точно не меньше меня будет. Это сейчас он отошал настолько, что под кожей можно все ребра и жилы разглядеть...

— Белый колдун привел своих воинов, чтобы уничтожить наши племена?

— Нет, вы все сможете остаться в живых, если выполните мою волю. Называй меня Дим или энной Дим — сравнение с вашими колдунами для настоящего энной оскорбление. Вы не знали этого, поэтому на первый раз я тебя прощаю.

Молчит, смотрит в огонь перед собой, брови хмурит... Насколько было бы проще построить разговор, умея черные люди видеть передаваемые энной образы. Но чего нет, того нет, буду старым добрым методом “кнута и пряника” разговор выстраивать.

— Я Камо, простой охотник. Мы убили всех наших колдунов, слишком много зла принес Джитуку и его ученики людям... Чего ты хочешь?

— Службы. Бинадаму должны искупить вину своих мужчин, пришедших на мои земли с войной.

— Как мы можем служить тебе, энной? Наши охотники гибнут в степи один за другим, пытаюсь накормить женщин и детей. Мы не сможем добывать еду ещё и для твоего племени!

— У народа Солнца хватает еды, это лишнее. Вы слабые воины, но те люди, что живут в полуденных землях, ещё слабее, верно?

— Да, наши предки родом оттуда. Во время переселения племени Бинадаму шли очень долго, и за все время пути не встретили никого, кто был бы сильнее их воинов.

— Вот и славно. Если вы докажете это снова, заняв новые земли там, где нужно Лантирску, и удержите их, скажем, двенадцать зим, пока подрастут новые воины, вы будете окончательно прощены.

— У нас осталось очень мало мужчин... Это трудная задача, энной Дим.

— Камо, вы ведь все равно собирались уходить. Большие плоты построены не для рыбалки, верно?

— Ты прав, эти земли прокляты. Смерть Джитуку не остановила злых духов, как мы надеялись. Люди продолжают умирать...

— У мудрых Предков есть такая традиция — если два человека вместе разделили еду, они не могут больше быть врагами. Я, энной Дим, вождь народа Солнца приглашаю тебя, Камо, говорящего от имени союза племен Бинадаму, отведать угощение, приготовленное женщинами моего народа.

Кроманьонец замер, обдумывая мои слова. Он недоверчиво переводил взгляд с меня на расставленную еду. Наконец, он решительно подцепил пальцами тонкую пластинку сыра, и отправил ее в рот. Я налил в две кружки мятно-ягодного отвара, протянул одну из них собеседнику.

— Ты сделал верный выбор, Камо. Только что ты спас сотни жизней своих людей. Этот день и ночь они точно переживут... А пока мы будем есть, расскажи мне о ваших колдунах и “священных камнях” поподробнее.

Мужчина осторожно отхлебнул горячий напиток, немного подержал его во рту, оценивая вкус, и с удовольствием проглотил. Чтобы не смущать голодного человека, я тоже взял кусочек пеммикана и время от времени делал вид, что ем. Пусть насыщается, первый этап переговоров прошёл вполне успешно!

— Все началось очень давно. Бинадаму долго шли вдоль большой воды, но наши воины везде натыкались на следы людей, и белых, и черных. Наши предки пересекли на плотках сначала одну, затем вторую большую реку, но все земли были заняты. Только за третьей большой рекой они не встретили никого, и подойдя к берегам четвертой, решили, что лучшего места для жизни не найти.

Большая вода — скорее всего побережье Черного моря, и если они шли с Балкан, большие реки это Дунай, Днестр, Южный Буг и Днепр. Целеустремлённые ребята, ничего не скажешь, это переселение намного серьезнее того исхода из Крыма, что я организовал в свое время...

— Бинадаму пошли вверх по течению, и каждое племя останавливалось в приглянувшейся ему месте. Так они прошли очень далеко, последняя стоянка была напротив большого острова. Через несколько зим охотники обнаружили в четырех переходах оттуда необычную реку с жёлтой водой, и рассказали о ней остальным.

Значит, кроманьонцы поднялись до широты Запорожья, и основали последнее поселение напротив Хортицы, с правого берега. И о желтой реке я слышал в будущем, место было действительно уникальным. Такой цвет воде придавала окись железа, река, протекая с севера на юг, размывала край Криворожского железнорудного бассейна.

— Прадед Джитуку, Акачи тогда ещё не был колдуном, но природное любопытство заставило его заинтересоваться находкой. Он смог собрать большой отряд, вместе с которым и обследовал эту реку. В одном из оврагов, изрезавших ее берега они и наткнулись на необычно яркую, сочную траву и кусты с огромными вкусными ягодами. В тот день Бинадаму узнали о существовании Великого Духа Плодородия

— Дай угадаю — такая трава и ягоды росли возле больших зеленоватых камней?

— Да, энной. Ты знаешь этого Духа?

— Знаю, правда зову его иначе...

Теперь я вспомнил все. Ещё когда Камо упомянул об овраге, в памяти всплыло название города, который в будущем построят на этом месте — Жёлтые Воды. Во времена Советского Союза здесь добывали не только и не сколько железную руду, которой действительно было в избытке. На окраине города возник карьер, его стремительно разрабатывали и углубляли, пока не достигли глубины в пол километра. Когда открытый способ добычи руды себя исчерпал, его сменили шахты... Все очень просто — великой стране, у которой хватало сильных врагов, был нужен уран. Именно здесь находилось одно из месторождений этого радиоактивного металла, которое наряду с несколькими другими, расположенными по соседству, на Донбассе, и послужило основой для создания первых боеголовок ядерного щита СССР.

— Все священные камни на дне оврага собрали, но их было мало, и тогда прадед Джитуку догадался раскопать склон оврага. Вырыв небольшую пещеру, они добрались до скал, состоящих из этого камня...

— Эти камни очень опасны, Камо. То, что некоторые растения рядом с ними изменились, и стали крупнее — скорее исключение из правил. Гораздо большее их число при этом погибло. Разве вы не заметили, что эти камни вредят людям, вызывают онкологические болезни, “проклятия”, как вы их называете?

— Акачи говорил, что это наказание для тех, кто не верит в силу Великого Духа и его слова. И для защиты от проклятий как раз и нужно носить амулеты, сделанные из священных камней. С каждой прожитой зимой люди верили ему все больше. Так у Бинадаму появился первый колдун... Прадед Джитуку был действительно мудрым человеком, много чего знал и умел. Все накопленные знания он передал своему сыну и ученикам. Вскоре в каждом племени уже был свой колдун, говорящий устами Великого Духа Плодородия.

— Я видел ваши “священные камни”, целую гору, их сняли с тел павших под стенами Лантирска воинов Бинадаму. Опасных среди них было немного, остальные — обычные булыжники.

Камо скривился, когда я упомянул прошлогодний “крестовый поход” кроманьонцев, поражение в котором поставило их перед угрозой голодной смерти.

— Опасные камни колдуны вручали только своим недругам, это мы узнали совсем недавно. Так продолжалось несколько поколений. Недовольство людей все равно начало нарастать, все больше “проклятых” изгонялось из племени... И тогда наши колдуны во главе с Джитуку сказали, что всему виной белые люди, живущие на другом берегу. Их нужно прогнать подальше, чтобы они не видели людей Бинадаму и не могли насыпать проклятья.

— И вы безропотно подчинились, и стали строить плоты для захвата чужих земель?

— Дим, у нас не было выбора — к тому времени Джитуку собрал вокруг себя слишком многих сильных воинов, с ним никто не хотел ссориться. Да и получить проклятье и потом медленно умирать, мучаясь от боли никто не хотел...

Последовавшие за этим события я знал и так, из рассказов Ленга, Тенака и Гамбы. А вот упоминание о фокусах Джитуку с огнем меня заинтересовало. Этот без сомнения умнейший старик приспособил для этого споры плауна — Камо довольно точно описал растение, плотные чешуйчатые колоски которого собирали по приказу колдунов женщины племени. В будущем плаун применялся как лекарственное растение, а его высушенные споры —

ликоподий — как присыпка против опрелостей у маленьких детей. Но особо ценили ликоподий пироманы, любители файер-шоу, фокусники и ролевики, за способность создавать эффектную вспышку пламени. В свое время и я, ещё будучи студентом и изображая боевого мага на съезде ролевиков, проделывал похожие фокусы.

— Значит, вы убили и Джитуку, и колдунов, и тех, кто их поддерживал?

— Да. Мы надеялись, что их смерть снимет проклятия, наложенные камнями.

— Камо, вы поступили правильно, очистив племя от таких людей. Но я тебя сейчас разочарую — проклятье ещё долго будет рядом с теми, кто носил опасные “священные” камни. Они не похожи на другие, отличаются и цветом, и рисунком на поверхности.

— Мы не стали долго разбираться, все камни бросили в реку. Проклятье настолько сильное, что достанет до нас из-под воды?

— Нет, дело не в этом — радиация, “проклятье”, ещё до этого могла успеть изменить крошечную часть тела человека. И эта часть начинает жить сама для себя.

— Ты говоришь слишком сложно, энной. Скажи, это проклятье может передаваться от одного человека другому?

— Нет, Камо. Вам незачем было изгонять тех несчастных, кто стал жертвой Джитуку и его прихвостней.

— Просить тебя спасти этих людей бесполезно?

— Я знаю много, но лантирцы ещё в самом начале своего пути. Позже, когда у твоих внуков появятся свои внуки, такую просьбу можно было бы выполнить, и то без гарантии, что “проклятье” не вернётся к исцеленному человеку снова. Пока это невозможно даже для белых людей. Единственное, что я могу сейчас — рассказать тебе о растении, отвар из которого облегчит их страдания.

От того, что кроманьонцы узнают о наркотических и обезболивающих свойствах мака, большого вреда не будет. Наркоманы — это продукт продвинутой цивилизации, здесь же эта зараза не сможет распространиться, в большом количестве они просто не выживут.

— Что ж, я услышал все, что мне было нужно. Теперь ты выслушай меня. Слушай внимательно, Камо — твоей задачей станет передать эти слова своим соплеменникам.

— Говори, энной Дим. Мои уши открыты.

— Вы должны будете покинуть эти земли, которые принадлежат Лантирску. Навсегда — иначе мои воины уничтожат племена Бинадаму. Это не обсуждается.

— Нам оставалось достроить всего три больших плота, когда ты привел своих воинов.

— Это хорошо. Если мы договоримся, мои воины срубят для вас недостающие деревья, чтобы ускорить строительство. Вам предстоит долгий путь — земли за четвертой рекой сейчас мало подходят для жизни, они покрыты слоем пепла, и останутся такими ещё несколько лет. Но дальше за ними лежит теплый, плодородный край, где хватает и растений, и животных. Когда берег моря начнет сильно изгибаться влево, высаживайтесь и ищите дальше на юге большое озеро с солёной водой. Скорее всего оно соединено такой же солёной рекой с другим морем, намного большим, чем то, по которому вам предстоит плыть сейчас.

— Эти земли заняты другими людьми, Дим.

— Все земли заняты другими людьми, а до тех, которые свободны, вам не дойти! Даже сейчас вы сильнее отдельных племен черных людей, которые там могут жить, главное не разделяйтесь и держитесь вместе. Камо, слушай дальше — я разрешаю племенам Бинадаму занять земли вдоль берега этого озера и реки с восхода, от одного моря до другого. Полосу

шириной в один дневной переход.

— Если все так, как ты говоришь, мы остановимся там. Что дальше?

— Живите, стройте дома, растите новых воинов. Защищайте свою территорию от других черных людей. Когда время загладит вашу вину, лантирцы придут снова — и тогда наши народы смогут начать торговлю. Поверь, лантирцы много чего могут предложить на обмен своим друзьям.

— Белые люди умеют делать удивительные вещи, это правда. Но что вы захотите взамен?

— Договоримся, можешь быть спокоен. Редкие камни и древесина, экзотические растения и специи, слоновая и мамонтовая кость... Камо, если вы меня не разочаруете, я дам черным людям знания, как добывать больше пищи, и даже торговать ею. Изюм, зерно, масло — это не просто незнакомые слова, это путь к процветанию твоего народа. От вас понадобится только желание работать. Более того, я дам вам лантирские оружие, и вы сможете с его помощью завоевать все те земли на юге, с которых когда-то ушли ваши предки. И, наконец, лучшие из ваших детей, готовые принять наши обычаи, смогут поселиться в Лантирске и стать частью народа Солнца. Это понятно?

Кроманьонец разглядывающий в это время лежащий рядом со мной арбалет, оторвал взгляд от оружия, и согласно склонил голову.

— Решайте, у вас есть для этого вся ночь.

— Но сейчас мы не враги?

— Нет. Но еще и не друзья — мои воины никуда не уйдут и будут следить за вами. Завтра утром я жду ответ.

Пока уставшие от долгого ожидания лантирцы разбивали лагерь, кроманьонцы, слегка успокоившись, отошли подальше, к своим жилищам. Камо тоже затерялся среди неказистых построек, но, судя по тому, что загрузка плотов продолжилась и после этого, мои слова Бинадаму услышали и восприняли всерьез. Через некоторое время большая группа мужчин, то и дело с опаской поглядывая на нас, отделилась от стойбища и пошла к ближайшим деревьям. Вскоре оттуда донеслись глухие удары каменных топоров. Адский труд, даже жалко их — одно, не очень-то и толстое дерево рубить так придется несколько часов...

Ночь прошла спокойно. Правда, заснуть толком я так и не смог — слишком близко был возможный противник, да и жёсткий доспех не самый лучший вариант одежды для отдыха. Так и проворочался, прислушиваясь к переключке часовых и отдаленному шуму стоянки кроманьонцев. А с первыми лучами солнца к лагерю подошла та же троица чернокожих, что и вчера. Камо не подвел — племена Бинадаму согласились выполнить все мои требования.

— Продолжайте погрузку. Сегодня вы находитесь последний день на этой земле, завтра утром Бинадаму должны отправиться в путь.

— Дим, два плота ещё не готовы...

— Мои люди сейчас срубят те деревья, что вы не осилили сами. Два раза по две руки, этого хватит?

— Да, этого хватит даже на большие плоты.

— Когда мы уйдем, деревья к воде потащите сами. Мои воины убьют сегодня несколько бизонов, нам хватит и одного, остальных забирайте.

— Спасибо, энной!

Камо низко склонил седящую голову, выражая благодарность. Вряд ли он доживёт до нашей следующей встречи, а жаль — мужик вроде не глупый, с таким можно иметь дело.

За этими хлопотами пролетел день, а ночью это место можно было бы увидеть даже из космоса — убранные юрты больше не закрывали свет от нескольких десятков больших костров. Черные люди спешили хорошо наесться и нажарить мяса впрок...

На рассвете все лантирцы собрались на берегу Черного моря и провожали взглядами исчезающую на горизонте вереницу плотов. Бинадаму сделали свой выбор и, следуя моим советам, отправились к далёким берегам будущей Турции и Мраморного моря. С ними уплывал и прощальный подарок “великого белого колдуна” — последний десяток копий с железными наконечниками из наших запасов и столько же топоров. Надеюсь, это поможет кроманьонцам на первое время, чтобы выжить и потеснить конкурентов. Дальнейшая их судьба на ближайшие десять — двенадцать лет теперь будет зависит только от них самих...

Эпилог

... Камо, откинув полог из шкур, прикрывающий вход в новенькую крепкую юрту, прошел вдоль всей стоянки по хорошо утоптанной сотнями ног улице. Мельком взглянул на пару молодых козлят, запертых за крепкой изгородью. Их поймали совсем недавно, и с большим трудом доставили сюда живыми. Если белые люди выращивали диких животных рядом с собой, значит, и Бинадаму смогут поступить так же!..

За невысоким частоколом и наваленными ветвями колючего кустарника начиналась поросшая редкими деревьями степь. Сюда, к берегу небольшого ручья, впадавшего в большое озеро с солёной водой часто подходили животные, и в одиночку, и целыми стадами. Другие охотники уже ждали его у водопоя, здесь они и устроят засаду. Когда к воде приблизилась стайка небольших степных антилоп, Камо отложил в сторону копьё с покрытым бурыми разводами остриём. Сегодня он проверит в действии новое оружие!

Охотник взял в одну руку длинную изогнутую палку, края которой были стянуты веревкой, в другую — крошечное копьё с костяным наконечником. Затем, вспоминая, как это делали белые люди на стенах своего ЛАНТИРСКА, он начал прицеливаться в ничего не подозревающую добычу...

Больше книг на сайте - Knigoed.net